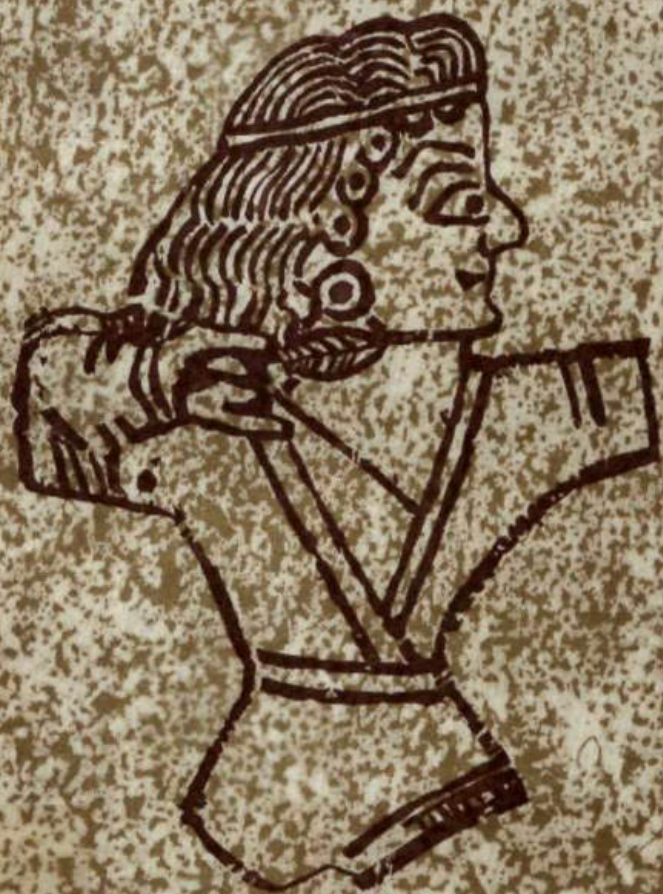

Г. А. КОШЕЛЕНКО

КУЛЬТУРА ПАРОФИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г. А. КОШЕЛЕНКО

КУЛЬТУРА

ПАРФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1966

Ответственный редактор
В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ОТ АВТОРА

Готовя к печати книгу «Культура Парфтии», автор прекрасно сознавал, что с появлением этой работы отнюдь не решатся все проблемы исследуемой темы, она слишком обширна и сложна для одной сравнительно небольшой по объему книги. Парфтия была одним из важнейших государств древнего мира, значение которого сравнимо со значением Римской империи. Однако изучена Парфтия неизмеримо меньше. Тому есть много причин, о которых я буду говорить ниже. Моей задачей было только дать общий очерк развития культуры Парфянского государства, попытаться найти некоторые новые пути исследования этой проблемы. Этим подходом объясняется и общая эскизность картины развития культуры Парфтии (для решения многих важнейших вопросов просто еще нет материала). Кроме того, я сознательно уклоняюсь от рассмотрения истории культуры древней Армении, которая была теснейшим образом связана с Парфтией и где даже одно время правила Аршакидская династия, однако Армения все же оставалась вне пределов собственно Парфтии. Сходными причинами объясняется и отсутствие в работе исследования культуры Таксилы в пору парфянского владычества. Для многовековой истории этого района парфянское владычество было только кратковременным эпизодом, мало сказавшимся на общей линии развития культуры.

К сожалению, в работе не могли быть использованы некоторые новые издания, чрезвычайно важные для исследуемой нами темы, но появившиеся уже после того, как книга была сдана в печать, в частности новые публикации Р. Гиршмана, касающиеся вновь открытых памятников скульптуры парфянского времени из Бадр-Нешанде, монография Ж. Ле Риде,

публикующего монеты из Суз и в связи с этим пересматривающего многие вопросы парфянской нумизматики, «История Афганистана» В. М. Массона и В. А. Ромодина и, наконец, большая статья Д. Шлюмберже и П. Бернара о работах на вновь обнаруженном городище эллинистического времени (Айя-Ханум, северо-восточный Афганистан), исследование которого заставляет нас во многом по-новому смотреть на роль греков в истории культурного развития эллинистического Востока.

Я считаю своим приятным долгом поблагодарить всех, кто помог мне в работе над этой сложной и малоизученной темой, и в первую очередь своего учителя В. Д. Блаватского, руководителя ЮТАКЭ М. Е. Массона, а также Н. М. Бачинского, А. А. Марущенко, Г. А. Пугаченкову, К. Ф. Смирнова и всех товарищей из сектора античной археологии ИА АН СССР, ЮТАКЭ и сектора археологии ИИАЭ АН Туркменской ССР.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших политических образований древнего мира было Парфянское государство (середина III в. до н. э.— 226 г. н. э.). Политической истории его, в частности римско-парфянским взаимоотношениям, посвящена обширная литература. Однако культура этого государства, культура народов, входивших в его состав (а оно обнимало обширные территории Средней Азии и Переднего Востока), до сего времени исследована далеко не достаточно. Отдельные вопросы привлекали внимание ученых, и им посвящены специальные исследования; парфянскому периоду обычно уделяется некоторое место в общих очерках искусства Ирана и т. п. Во всех этих работах важнейшим является вопрос о взаимоотношении элементов греческой культуры, проникших на Восток в итоге походов Александра Македонского и деятельности Селевкидов, и культуры местных обитателей. Для большинства работ, особенно зарубежных, характерно безличное определение «восточных» элементов. Восток характеризуется чаще всего как нечто единое, застывшее, консервативно сохраняющее свои древние культурные традиции. Мы исходим из других предпосылок, усматривая глубокое различие между двумя обширными областями, входившими в состав Парфянского государства: с одной стороны, страны, населенные ираноязычными племенами (Парфия, Мидия, Маргиана, Персида, Сакастан), с другой — районы, где основную часть населения составляли семитоязычные племена (Месопотамия). Это различие объясняется не только отличиями в этническом составе населения, но также, видимо, и социальными причинами¹. Месопотамия, вступившая очень давно на путь классового развития, где к тому же находилось много греческих полисов, противостояла восточным областям Парфянского государства, где переход от первобытнообщин-

¹ Г. А. Кошеленко. Внутриполитическая борьба в Парфии. ВДИ, 1963, № 3, стр. 56 сл.

ного строя к классовому произошел много позднее, а пережитки предшествующей стадии были еще чрезвычайно сильны. Кроме того, в восточной части государства эти явления способствовали значительной обособленности каждой этнокультурной области.

Таким подходом к проблеме определяется метод исследования: мы старались проследить культуру каждой из областей насколько позволяют источники, с тем чтобы выяснить ее характерные особенности и черты, общие для восточной и западной частей Парфянской державы. Полагаем, что это поможет продвинуть вперед исследование культуры Парфии, поскольку вместо безликих «восточных элементов» будут рассматриваться конкретные историко-культурные процессы, характеризующие ту или иную этническую общность, входившую в состав Парфянского государства, а также процессы их взаимодействия и, наконец, роль внешних влияний. Как нам кажется, только так можно теперь подходить к решению общих вопросов истории культуры Парфии.

Ядром парфянской державы была Парфия, восстание населения которой и проникновение куда кочевников среднеазиатских степей привели к гибели селевкидского владычества в Средней Азии. Выдержав долгую борьбу с греко-македонянами во второй половине III и начале II в. до н. э., парфяне укрепили свою независимость, а затем во II в. до н. э. развернули широкую завоевательную деятельность, шедшую в двух направлениях: восточном и западном. На востоке она привела к захвату плодородной и богатой области на нижнем течении Мургаба — Маргианы. Одно время парфянами были захвачены даже некоторые районы северо-западной Индии. Однако постоянные столкновения с кочевниками (сакское вторжение), затем рост могущества Кушан положили конец экспансии Парфии в восточном направлении. На западе захваты парфян были направлены в первую очередь на мелкие владения, ставшие независимыми в период ослабления державы Селевкидов (Персида, Элиманда). Пределом экспансии парфян на запад стала Месопотамия, на западных рубежах которой парфяне столкнулись с римлянами. Вся дальнейшая внешнеполитическая история Парфии с этого момента стала определяться характером взаимоотношений с ее могущественными соседями: Кушанами на востоке и римлянами на западе. С рубежа нашей эры началось постепенное ослабление Парфии, рост сепаратистских тенденций в отдельных областях. Этот процесс завершился восстанием правителей Фарса (Персиды) Сасанидов против Аршакидской династии, свержением ее и установлением власти новой династии.

Историографический очерк начнем² с работы М. Дьслафуа, появив-

² Мы не будем давать подробного очерка истории изучения культуры Парфии. О наиболее характерных работах последнего времени см.: Г. А. Кошеленко. Культура Парфии в современной зарубежной литературе. ВДИ, 1962, № 3; он же. Рец. на: В. Ph. Lozinsky. The original homeland of Parthian. СА, 1961, № 2.

шейся в конце прошлого века³; ставшая первой сводкой данных по культурной истории Парфии, ныне она уже совершенно устарела. Значение этой работы заключается в том, что она положила начало одному из важнейших направлений в изучении культуры Парфии. Для М. Дьеулафуа парфяне — «грубый, варварский народ», «орды которого подобны ордам Аттилы»; «парфянам провидение предопределило в истории не созидательную роль в искусстве, а роль вульгаризатора искусства». Важнейшим представителем этого направления стал Э. Герцфельд⁴. Его работы отличаются крайней предвзятостью, беспощадностью уничижительных оценок парфянской культуры. Парфянское искусство рассматривается только с точки зрения канонов эллинистического искусства, с одной стороны, и принципов искусства ахеменидского Ирана — с другой. Все, что не соответствует этим требованиям, безжалостно отбрасывается как не имеющее художественной ценности, несамостоятельное, эклектичное и т. д. Э. Герцфельд не признает, что искусство Парфии может иметь свои собственные, отличные от эллинистических и ахеменидских основы, иные приемы и методы художественного творчества.

Подобный подход не мог не вызвать ответной реакции, которая выразилась в работах М. Ростовцева и его последователей⁵. Эти работы сыграли очень большую роль, так как в них впервые была подвергнута сомнению особенно укрепившаяся после работ Герцфельда концепция неполноценности парфянской культуры. Особую доказательную силу взгляды Ростовцева имели потому, что они базировались на огромном новом фактическом материале, полученном главным образом в результате раскопок Дура-Европос. Все последующие работы на Западе развивались в русле того или иного из этих направлений, иногда давая любопытную смесь их обоих. Хотя значительно преобладает направление, восходящее к М. Ростовцеву, иногда появляются и работы, всецело следующие принципам Э. Герцфельда⁶.

Несмотря на очень большое положительное значение работ М. Ростовцева, они не лишены весьма серьезных недостатков. Важнейшим из них было то, что в том сложном явлении, каким была культура Дура-Европос, Ростовцев не смог правильно отделить элементы, принадлежавшие собственно парфянам, от тех, которые были порождены греческими и семитскими культурными традициями. В то время были не известны материалы из районов коренного обитания парфян, что лишило Ростовцева основного критерия и привело ко многим ошибкам.

³ M. Dieulafoy. *L'art antique de la Perse*, part V. «Monuments Parthes et Sassanides». Paris, 1885.

⁴ См.: E. Herzfeld. *Archaeological history of Iran*. London, 1935; он же. *Iran in the ancient East*. London — New York, 1941.

⁵ См. особенно: M. Rostovtzeff. *Dura and the problem of Parthian art*. YCS, vol. V, 1935, стр. 157—304; он же. *Dura-Europos and its art*. Oxford, 1939.

⁶ См., например: A. Godard. *L'art de l'Iran*. Paris, 1962.

Новые материалы, служащие ключом к решению всей парфянской проблемы в целом, появились в итоге работы советских археологов, исследовавших районы коренного обитания парфян на территории Южного Туркменистана. Особенно выдающиеся данные были получены при раскопках Нисы. Эти работы были начаты в 30-х годах А. А. Марущенко, но особенно развернулись в послевоенные годы, когда начала свою деятельность Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция под руководством М. Е. Массона. Были опубликованы значительные новые материалы из раскопок целого ряда парфянских центров, кроме того, было проведено много исследований, которые в настоящее время позволяют уже отчетливо представить себе характер культуры собственно парфян⁷ и дают возможность правильно решить весь комплекс проблем, связанных с культурой Парфянского государства.

⁷ Мы не перечисляем этих работ, так как список только самых важных был бы очень длинен. Все они использованы в разделах, посвященных культуре Парфиены и Маргианы.

ВОСТОЧНАЯ ПАРФИЯ

ПАРФИЕНА

Изучение культуры отдельных областей Парфянской державы следует начать с области коренного обитания парфян — Парфиены¹, занимавшей горы Копет-Дага с примыкающими к ним с севера и юга равнинами. Природные условия этой области невысоко расценивались античными географами (Strabo, XI, 9, 1). Парфяне как особая этническая общность упоминаются источниками довольно раннего времени. Первые сведения о них восходят к ассирийским памятникам, хотя Парфиена никогда не входила в состав Ассирийского государства². Можно допустить, что парфяне были покорены мидийцами³, а после падения Мидийской державы входили в состав персидского государства Ахеменидов⁴. Именно в этот период, по-видимому, происходят решительные изменения в социальном строе общества Парфиены: разложение первобытнообщинного строя, процесс классовообразования, свидетельством чего является возникновение больших укрепленных поселений с цитаделью (типа Елькен-депе, бывшего, видимо, центром Парфии в это время)⁵. Безусловно, этот процесс был ускорен вхождением Парфии в Ахеменидскую державу. В это время Парфия, видимо, составляла одну сатрапию с Гирканией, власть над ними принадлежала отцу Дария Гистаспу (Veh., II, 92—98). В период потрясений Ахеменидской державы при восшествии на престол Дария I Парфия восстала против персидского гнета, присоединившись к Фравартишу — вождю восставших в Мидии. Восстание

¹ Об употреблении термина «Парфия» и «Парфиспа» в античной литературе см.: М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. «Труды ЮТАКЭ», т. I. Ашхабад, 1949, стр. 42.

² N. C. Debevoise. A political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 2, 3.

³ C. Cameron. History of early Iran. Chicago, 1936, стр. 176.

⁴ М. А. Дандамасв. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 105.

⁵ А. А. Марущенко. Елькен-депе. «Труды ИИАЭ АН Туркменской ССР», т. 5. Ашхабад, 1959, стр. 54 сл.

было подавлено войсками, присланными Дарием, причем в битве у города Патиграбана было убито 6520 и ранено 4192 повстанца⁶. Парфия и Гиркания оставались единой сатрапией до смерти Дария. Позднее Гиркания выступает уже как самостоятельная сатрапия, а к Парфии присоединяется ранее являвшийся отдельной сатрапией Хорезм⁷. По словам Геродота (III, 89—95), во время греко-персидских войн в персидские войска входили и парфянские контингенты. Позднее, во время Артаксеркса, Парфия платила дань (и, следовательно, входила в одну сатрапию) вместе с Хорезмом, Согдианой и Арией, а Гиркания была объединена с Мидией.

Позиция Парфии в период македонского завоевания еще недостаточно выяснена. Согласно одной из точек зрения, Парфия перешла под власть греко-македонян без серьезного сопротивления⁸, согласно другой — народные массы Парфии вели войну против новых завоевателей⁹. В это время правители Парфии неоднократно менялись. Ими были и греки, и парфяне¹⁰. В составе Селевкидской державы Парфия не играла сколько-нибудь серьезной роли. Освобождение Парфии от власти греко-македонян происходит в середине III в. до н. э.

Возникновению Парфянского государства посвящена обширная литература¹¹. Однако, пересмотревший весь комплекс проблем, связанных

⁶ М. А. Дандамаев. Указ. соч., стр. 225.

⁷ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 6.

⁸ В. М. Массон. Глава в книге «Очерки истории СССР», т. I. М., 1956, стр. 259 сл.; он же. Глава в книге «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 75 сл.

⁹ Ф. Я. Косыке. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием. ВДИ, 1962, № 1, стр. 113—125. Нам представляется более обоснованной первая точка зрения, так как при всех попытках Ф. Я. Косыке показать широкое движение против македонян в Парфии все-таки остается совершенно неясным вопрос, который никакими специальными умолчаниями античных авторов объяснить не возможно: почему в источниках почти ничего не говорится о сопротивлении Александру Македонскому в Парфии, в то время как широко освещается пародная борьба против завоевателей в более восточных районах Средней Азии? Кроме того, совершенно неправомерным кажется использование в качестве доказательства раскопок на поселении у Геок-тепе; данных о том, что оно относится к эллинистическому времени, нет. Просмотр керамики с этого поселения в фондах Ашхабадского музея истории (при любезной помощи А. А. Марущенко) убедил нас в том, что она никак не может быть отнесена к этому периоду. Это типичная парфянская керамика. Более того, датировка этой крепости эллинистическим временем производится на основании правильности планировки, сходной с обычной планировкой описанных Полибием римских военных лагерей (?!). Такое доказательство весьма неудачно, потому что греческие лагеря резко отличались от римских.

¹⁰ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 7—8.

¹¹ J. Wolski. Arsace I le fondateur du royaume parthe. «Eos», N 38, 1937. N 39, 1938; он же. L'effondrement de la domination des Seleucides en Iran au III siècle av. J. C. «Bulletin international de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres», classe de philologie, suppl. 5, 1947; он же. Le problème d'Andragoras. «Ephemeridis Instituti archaeologici Bulgarici», V, XVI, 1950; он же. The decay of the Iranian empire of Seleucids and the chronology of the parthian beginnings. Berytus, XII, 1956—1957, fasc. 1;

с возникновением Парфянского государства, М. Е. Массон показал, что большинство существующих в современной литературе зачастую очень сложных схем событий мало подкрепляется данными источников, поэтому детальное описание этих событий на нынешнем уровне знаний невозможно¹². Нужно ограничиться утверждением, что эти события происходили между 246 и 242 гг. до н. э. и что во время возникновения Парфянского государства слились два процесса: борьба оседлого населения прикопетдагских равнин против греко-македонского завоевания и вторжение в эти районы кочевых племен парнов, входивших в дахскую конфедерацию племен. Этнически весьма близкие оседлым парфянам, парны очень скоро слились с ними. Это слияние двух культурных начал (происходящего от оседлого населения и восходящего к традициям кочевых племен) в дальнейшем постоянно сказывалось в процессе развития культуры Парфиены.

В этот период Парфянское государство охватывало незначительную территорию. В его состав входили земли Парфиены (с центром в Нисе), Апарарктикена (район вокруг Каахки), Астауэна (область по Ксешфруду)¹³. Позже во вновь возникшее государство была включена и Гиркания. Селевкиды предприняли две попытки покорить парфян. Первый поход был совершен Селевком II в 228 г. до н. э. Первоначально военные действия развернулись неудачно для парфян, и царь Аршак был вынужден бежать к Апасиакам (Strabo, XI, 8, 8), затем в решительном сражении парфяне победили (Just., XI, 4, 10). Эта победа окончательно упрочила независимость Парфии. Поход Антиоха III был более успешен, но он также не привел к ликвидации Парфянского государства. Парфяне потеряли только Гирканию (и, видимо, незадолго до этого присоединенную часть Мидии), но существование Парфянского царства, хотя и на условиях зависимости от Селевкидов, было признано Антиохом. Затем и эта номинальная зависимость исчезла. Неуклонное развитие парфянской экспансии привело в дальнейшем к тому, что Парфиена стала глубоким тылом Парфянской державы. Однако значение ее отнюдь не упало. С превращением Парфии в мировую державу резко обострились противоречия внутри господствующего класса, в котором выделились две различные группировки: с одной стороны, парфянская знать, заинтересованная в широкой экспансии, и, с другой, — рабовладельцы (как греческие, так и вавилонские) Месопотамии, настроенные проселевкидски и проримски. Эта противоположность устремлений двух основных группировок господ-

А. Г. Бокщанин. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения греко-бактрийского и парфянского государств. «Древний Восток». М., 1962; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

¹² М. Е. Массон. К вопросу о времени возникновения Парфянского государства. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1962, № 5, стр. 3 сл.

¹³ М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. «Труды ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955, стр. 10.

ствующего слоя была порождена различным уровнем социально-экономических отношений и осложнялась этническими различиями. В этих условиях Парфяна как коренная область расселения парфян явилась одной из главных опор Аршакидской династии в борьбе против римлян и римских ставленников, находивших себе поддержку среди греческого и семитоязычного населения Месопотамии¹⁴.

Основой экономики Парфии было сельское хозяйство. Главную роль в сельском хозяйстве играли зерновые культуры и виноградарство¹⁵ (о виноградарстве и виноделии особенно много данных благодаря обнаруженному обширному архиву учетных документов царского хозяйства в Нисе¹⁶. Особое значение этого архива заключается в том, что он свидетельствует о сохранении ахеменидских традиций в области социально-экономических отношений, поскольку царское аршакидское хозяйство оказалось чрезвычайно близким ахеменидскому¹⁷).

Равнины вдоль северного склона Копет-дага были одним из важнейших районов разведения породистых коней, высокие качества которых славились во всем мире¹⁸. Сколько-нибудь известных месторождений полезных ископаемых Парфия не имела. Среди ремесленных производств Парфии необходимо отметить, помимо гончарного, ковроделения (Plin. N. H., VIII, 48, 192), выделку кож¹⁹.

В отличие, например, от Маргианы, где весьма развитое денежное обращение свидетельствовало о проникновении товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь, хозяйство Парфии сохраняло больше элементов натурального²⁰. Подтверждением этому служит нисийский архив, свидетельствующий о натуральных, а не денежных взносах арендной платы, и т. п. Большое значение имело участие Парфии в крупной транзитной международной торговле. Поскольку она лежала на «великом шелковом пути» (см.: Isid. Charax. Mans. Parth.), известная часть и западных и восточных товаров должна была оседать в Парфии. В Старую Нису — Митридаткерт, бывшую местом погребения первых Аршакидов и родовой святыней династии, поступало много драгоценных вещей из различных стран мира. Часть их была военной добычей, но, несомненно, значительная часть покупалась.

¹⁴ Г. А. Кошеленко. О внутривосточной борьбе в Парфии. ВДИ, № 3, 1963, стр. 56 сл.

¹⁵ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 30.

¹⁶ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. М.—Л., 1951; И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. ВДИ, 1960, № 2, стр. 14 сл.; И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960.

¹⁷ И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство..., стр. 21.

¹⁸ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 29.

¹⁹ Там же, стр. 30.

²⁰ В. М. Массон. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, № 2, стр. 43.

Парфянский период в жизни Парфии был временем значительного экономического подъема, отразившегося во всех областях государственной деятельности, особенно же в градостроительстве и резком подъеме уровня фортификационных работ при возведении городов и крепостей²¹.

Среди памятников архитектуры Парфии прежде всего надо назвать укрепленные города и государственные крепости. Мы уже имели случай писать о характере градостроительства и фортификации Парфии²² и отмечали близость их Маргиане. Выделяется несколько основных типов поселений. Первый тип в этой схеме — Новая Ниса и Койне-кала у Гяурса (предполагаемый Сирок)²³. Они возникли на месте архаических поселений, для них характерна неправильная планировка и трехчастная система обороны (арк, собственно город, полусельская округа), что отражает не только фортификационные приемы, но и некоторые черты социально-экономического устройства (тесную связь города с деревней, наличие социальных противоречий, так как арк — не только последняя линия обороны против внешнего врага, но и защита против угрозы восстания в городе). Второй тип — государственные крепости (Денгиль-депе, Геами-кала, отчасти Старая Ниса)²⁴. Для них характерны правильные контуры стен, незначительная внутренняя застройка, упор в обороне на башни, а не на стены, стремление как можно тщательнее укрепить ворота, число которых сведено к минимуму.

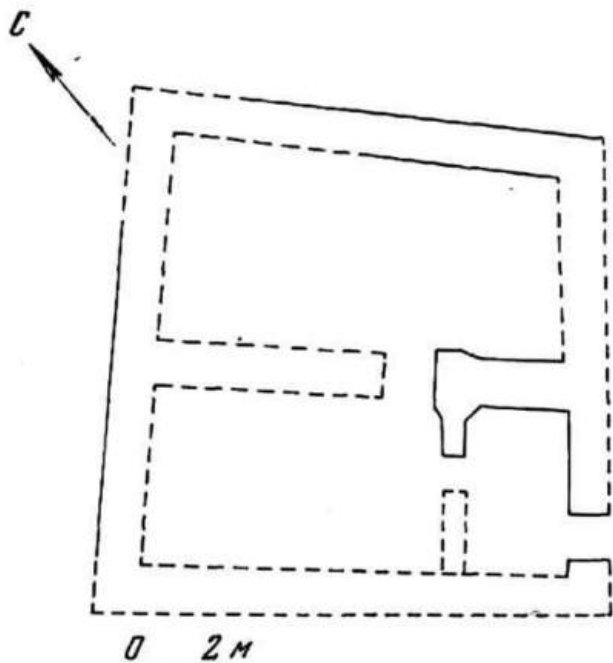
Градостроительство и фортификация Парфии очень тесно связаны с традициями доаршакидского времени, но в то же время представляют дальнейший шаг в их развитии, являющийся следствием наступления нового этапа социально-экономических отношений. Необходимо подчеркнуть поразительное родство градостроительных методов и фортификации Парфии и Маргианы, что, видимо, говорит о значительной близости их в этническом и культурном отношении и в уровне социально-экономического развития. Не исключено и воздействие Парфии на Маргиану после завоевания парфиянами последней.

²¹ Еще совсем недавно виднейший авторитет в области иранистики А. Кристенсен утверждал, что парфии не знали искусства полиоркеттики и фортификации. См.: A. Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1936, стр. 207.

²² Г. А. Кошелев. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, стр. 57 сл.

²³ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. «Труды ЮТАКЭ», т. II. Ашхабад, 1951, стр. 27 сл.; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 30; Е. А. Давидович. Исследование вала к юго-западу от Новой Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I, 1949, стр. 191 сл.; Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2, стр. 217.

²⁴ Г. А. Кошелев. Парфянская фортификация, стр. 61 сл.; М. Е. Массон. Пароды и области..., стр. 24; он же. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 144; В. А. Левина. Стена и башня Старой Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 147 сл.; Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. «Известия АН Туркменской ССР», 1952, № 1, стр. 16 сл.

План парфянского сельского дома. Поселение у Каушута

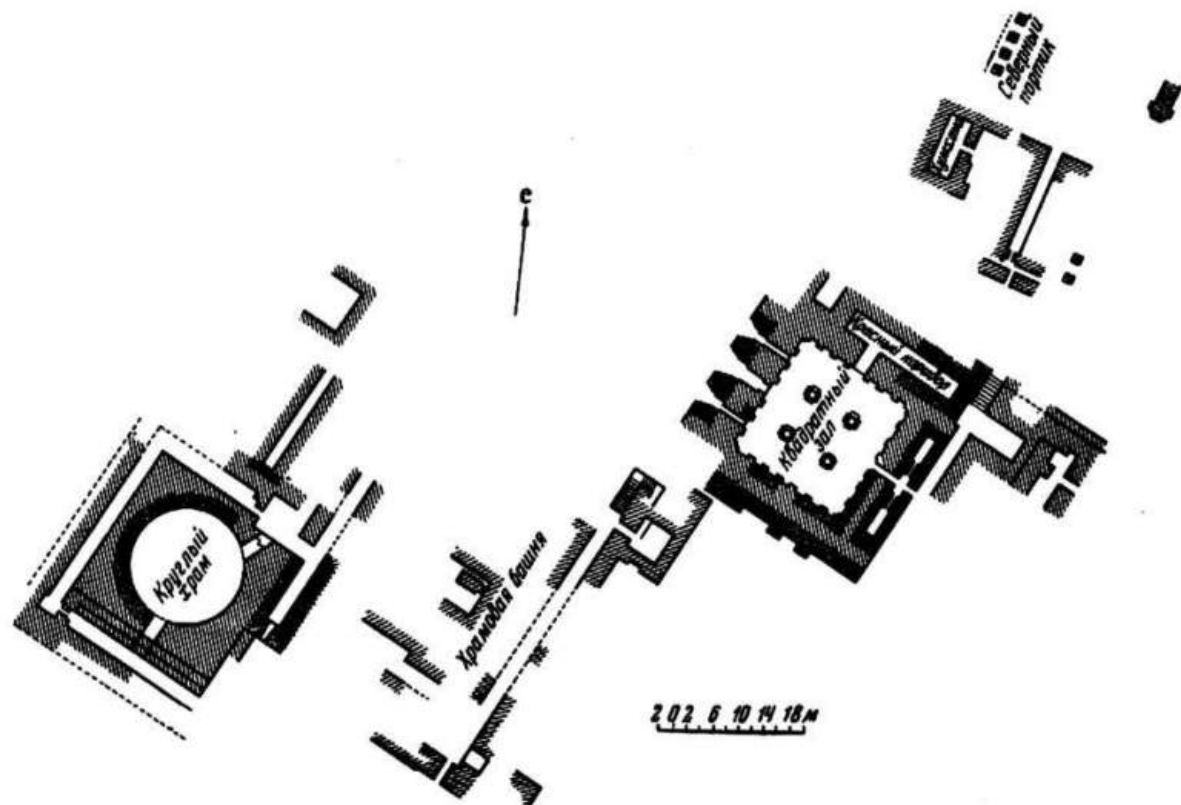
Архитектура Парфии представлена несколькими храмами и зданиями общественного назначения, раскопанными на городищах Новая и Старая Ниса. К сожалению, очень мало что можно сказать об архитектуре жилых домов этого района.

В 1962 г. был исследован жилой дом в парфянской «деревне» у Каушута. Дом занимает один из бугров, окружающих маленькую «цитадель» поселения²⁵. Между буграми довольно большие свободные участки земли, вероятно занятые в древности садами и огородами. Характерна большая простота плана здания, сравнительная примитивность устройства, когда только внешние стены сделаны из сырцового кирпича, а внутренние — из пахсы.

Найденный подпятник одной из дверей — каменный, в одном из помещений из сырцовых кирпичей выложено что-то вроде небольшого ларя, где, вероятно, хранились принасы. С юга к дому примыкали хозяйственные постройки.

По храмовой архитектуре Нисы имеется гораздо больше данных, позволяющих решить многие вопросы как историко-архитектурные, так и более общие. В частности, при поразительной бедности источников по истории верований парфян храмовая архитектура может восполнить этот пробел, так как культовое здание неизбежно отражает религиозную идею, является ее материальным выражением.

²⁵ См.: М. Е. М а с с о н. Южно-Туркменистанская..., стр. 30, рис. 28.

Ниса. План южного комплекса

Особое место среди культовых памятников Парфии занимают храмовые комплексы Парфиины. Изучение храмов этой области поможет выяснению характера религиозных воззрений собственно парфян и их влияния на религиозную жизнь всей Парфянской державы. К сожалению, подобного рода задача до сего времени совершенно не ставилась. В единственной общей работе, посвященной религии парфян²⁶, даже не делалось попыток выделить собственно парфянские религиозные воззрения.

О религиозной архитектуре Парфиины мы можем судить только по результатам раскопок памятников Нисы, в первую очередь такого специфического комплекса, как Старая Ниса. Важнейшее место в этом комплексе занимают два здания: так называемый квадратный зал и круглый храм. В первую очередь рассмотрим квадратный зал²⁷. Основным строительным материалом для него служит квадратный сырцовый кирпич обычных в Парфии размеров (размеры сторон 39—43 см и толщина 12—

²⁶ J. M. Unvala. Observations on the religion of the Parthian. Bombay, 1925.

²⁷ Описание составлено на основании следующих работ: Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 79—98; она же. Архитектурные памятники Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 208—230; Е. А. Давидович. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 118—142; Г. А. Пугаченкова. Реконструкция квадратного зала парфянского ансамбля Старой Нисы. Там же, стр. 143—146.

14 см). В особо ответственных местах в кладке использовался жженный кирпич (38 × 38 × 8 см) или лекальный — для строительства колонн и полуколонн. В архитектурном декоре нередко употреблялась терракота. Из нее изготовлены аканфы колонн, карнизы и тяги, архивольты арок и особые фигурные облицовочные плиты со скульптурными изображениями. Применялись также алебастровые облицовки.

При раскопках этого помещения установлено два строительных периода. Первый падает на III—II вв. до н. э. Здание стояло на сплошной двухметровой платформе из сырцового кирпича. Внутренние размеры здания 20 × 20 м, толщина стен — около 3 м. С северной стороны располагались три входа, обрамленные мощными пилерами, раскрепованными по пяти уступов каждый. Выходы из зала имелись также на восток и на юг. Стены интерьера были расчленены на два яруса. В нижнем ярусе находились пилястры, по семи на каждой стороне, высотой около 3 м и выступающие на 25—30 см. Сложены пилястры из сырцового кирпича и облицованы каменными плитами. Капители, очевидно, были выполнены в дорийском ордере с небольшим эхином и абаксом. Архитрав был, по-видимому, обозначен гладкой, может быть окрашенной полосой. Фризы составляла группа терракотовых плит, чередование которых, подобно чередованию триглифов и метоп, создавало архитектурный рисунок. Несколько более сложен вопрос об оформлении второго яруса стен. Видимо, он был украшен полуколоннами, диаметром до 40 см, сложенными из лекальных четвертных кирпичей радиусом в 18,5 см, снаружи тщательно отшлифованных. Капители их оформляли терракотовые аканфы.

Квадратный зал перекрывали балки, которые опирались на стены и на четыре круглых столба, расположенных по малому квадрату помещения. Столбы были сложены из жженого кирпича особой лекальной формы, диаметром около 90 см. Общая высота стен достигала 8—9 м.

Второй строительный период квадратного зала связан с перестройками, которые, не изменив основной планировочной идеи здания, привели к довольно существенным переделкам.

Столбам, несущим перекрытие, было придано четырехлопастное сечение. Вместо старых сырцовых пилястр, которые были срублены заподлицо со стенами, появились полуколонны по семь на каждой стороне. Диаметр полуколонн — 52 см; они выложены из лекального жженого кирпича на ганчевом растворе и как бы входят в гнезда, встроенные в толщу сырцовых стен. Базы их имели вид эллиптического вала на плинте. Капители, видимо, были аналогичной формы, но с обратным расположением профилей. Высота полуколонны несколько превышала 3 м, диаметр ее — 52 см. Во втором ярусе располагались в сечении колонны, диаметром около 60 см, высотой в 4,5 м. Крайне интересна их конструкция: это толстый древесный ствол, обмазанный глиной и оштукатуренный алебастром. Фрагменты терракотовых аканфов, найденные в верхних завалах, указывают на заимствование их (наряду с новым изготовлением)

из облицовок зала II в. до н. э. Аканфы эти нашли вторичное применение в коринфизированных капителях второго яруса стен.

Стены первого яруса были оштукатурены белым ганчем, верхний ярус стен — ярко-красным, причем в оформлении их использовались бордюры и тяги черного цвета с красной орнаментацией.

Работами 30-х годов и особенно раскопками ЮТАКЭ обнаружены сильно фрагментированные остатки окрашенных глиняных статуй больше человеческого роста. Эти статуи располагались в верхнем ярусе в нишах; число статуй, может быть, соответствовало числу интерколумний или они размещались через один. Общее число статуй составляло, таким образом, 12. Это и мужские фигуры в характерных парфянских одеждах — штапах из мягкой ткани, панцирях и плащах — и женские — в просторных окутывающих фигуру мантиях. По своему стилю глиняные статуи Нисы входят в общий цикл монументальной скульптуры среднеазиатской античности, известной на территории от Топрак-кала в Хорезме до Хадды в Афганистане. Глиняные статуи Нисы изображали богов или обожествленных предков Аршакидского дома.

Определяя назначение этого здания, Г. А. Пугаченкова колеблется между храмом и аудиенц-залом, склоняясь, правда, к последнему. Она считает, что храмовому назначению помещения противоречит наличие в нем нескольких проходов, отсутствие обводных коридоров, группа бытовых помещений вокруг него. На основании всего этого Г. А. Пугаченкова полагает возможным считать квадратный зал именно аудиенц-залом, которому в эпоху младших Аршакидов было придано значение зала обожествленных предков²⁸.

Однако нам кажется более верным первое предположение. Прежде всего маловероятно, чтобы одно помещение могло сочетать в себе столь различные функции; сакральную, которую можно предположить, если судить по находящимся изображениям обожествленных предков, и сугубо гражданскую. Далее, Ниса никогда не была столицей, которой были сначала Гекатомпил, а затем Экбатаны и Ктесифон²⁹. Поэтому вряд ли в Старой Нисе, очень скоро ставшей только родовым заповедником — куруком, был аудиенц-зал. Наконец, сам тип здания — большой квадратный зал с четырьмя колоннами, как бы очерчивающими внутри еще один квадрат, воспроизводит тип целлы типичного иранского храма огня, известный еще с ахеменидского времени (например, храм в Сузах³⁰), широко распространенный позднее, в парфянское³¹, кушанское³² и в саса-

²⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 93.

²⁹ М. Е. Массон. Городища Нисы..., стр. 37 сл.

³⁰ M. Dieulafoy. L'acropole de Suse. Paris, 1890, стр. 411—416; E. Erdmann. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, стр. 16.

³¹ K. Erdmann. Указ. соч., стр. 16—35 сл.

³² D. Schlumberger. Le temple de Surkh-Kotal en Bactrian. (IV). «Journal Asiatique», t. 252, 1964, стр. 304—326. (Здесь же вся предшествующая литература.)

нидское время³³ и оказавший сильное влияние на последующую архитектуру. Наличие нескольких проходов и отсутствие обводного коридора не может служить опровержением этому положению, так как в парфянское время наблюдаются значительные изменения в первоначальной схеме храмового комплекса. Так, например, лишается частично обводного коридора храм А в Сурх-Котале, в храме селевкидского времени в Персеполье обводной коридор замещается серией не связанных друг с другом комнат. Оба сурх-котальских храма имеют открытый доступ в целлу, так что нарушается ранее строго соблюдавшееся правило, чтобы священный огонь не был виден снаружи. Храм Хатры³⁴ и храм Кух-и-Ходжа лишаются четырех колонн, так как плоское балочное перекрытие заменяется сводчатым. Таким образом, общим правилом в парфянское время является упрощение структуры храма³⁵.

С другой стороны, во многих памятниках храмовой архитектуры этого времени изменяются функции отдельных частей храмового комплекса. Особенно показателен в этом отношении персепольский храм и храм в Кух-и-Ходжа, где главный зал — целла — в парфянское время перестал быть местом хранения священного огня, в связи с чем к нему упростился подход, и стал выполнять функции проставы, т. е. стал местом отправления общественных религиозных церемоний, а огонь был перенесен в боковое помещение³⁶. Нам кажется вполне возможным предположить, что отражением той же эволюции является и квадратный зал Нисы: в самом зале стали выполняться общественные религиозные церемонии, огонь же перенесли в глухое боковое помещение — красный коридор. Отпадает как доказательство нехрамового назначения этого здания и наличие трехпортального входа. Трехпортальные входы широко распространены и в гражданской и в религиозной архитектуре Парфии, причем как в типично иранских (Кух-и-Ходжа, Сурх-Котал), так и в месопотамских (храм А в Ашуре) храмах³⁷. Таким образом, можно думать, что квадратный зал является храмом огня парфянского времени.

Встает вопрос о том, в честь кого возжигался этот огонь. В данном вопросе мы можем полностью присоединиться к мнению Г. А. Пугаченковой, считавшей, что в зале помещались скульптурные портреты обожествленных предков³⁸. В таком случае огонь этого храма возжигался в их честь. Следовательно, квадратный зал должен был быть чрезвычайно близок по содержанию отправлявшегося в нем культа храму А в Сурх-

³³ U. Monneret de Villard. The fire temples. «Bulletin of the American Institute for Persian art and archaeology», vol. V, N 4, 1936, стр. 180—184.

³⁴ W. Andrae. Hatra, Bd. II. Leipzig, 1912, стр. 135, табл. VII, VIII.

³⁵ K. Erdmann. Указ. соч., стр. 34.

³⁶ Там же, стр. 29, 34.

³⁷ O. Reuther. Parthian architecture. SPA, t. I. London—New York, 1938, стр. 418.

³⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 92.

Котале, где огонь возжигался, как полагает Шлюмберже, в честь Канишки³⁹.

В Армении, находившейся под сильным культурным воздействием парфян, также встречаются изображения предков царя рядом с изображениями богов в храме.

Этот факт указывает на не собственно зороастрийские корни представления о божественном происхождении царя или его предков, так как идея их божественного происхождения гораздо ближе ахеменидскому пониманию зороастризма, чем ортодоксальному зороастризму⁴⁰. В государстве Кушан представления о божественном происхождении царя в форме поклонения ему как *devaputra* были восприняты и буддизмом⁴¹, который в это время уже далеко ушел от чисто философского учения, становясь религиозной доктриной. Это единство идеи божественной сущности царской власти и формы ее материального воплощения (храмы огня) тем более показательны, что позднее эти представления приходят с Кушанами в Индию⁴². А для Кушанского царства единство божественной сущности царской власти и формы ее воплощения после раскопок в Сурх-Котале можно считать доказанным. Вполне возможно, что Кушаны, сокрушившие в I в. н. э. власть парфян в северо-западной Индии, восприняли эту идею от парфян⁴³.

Итак, можно считать, что квадратный зал Нисы был храмом огня, в котором возжигался огонь в честь божественных предков. В этом храме обнаружены и остатки нижней части алтаря⁴⁴. Тем самым получены материалы для суждения о характере религиозных верований парфян. Наличие храма огня указывает на приверженность парфянской правящей династии зороастризму, что можно было предполагать и ранее на основании многих свидетельств: сообщения Юстина о зороастрийском способе погребения (*Justin*, XL, 1, 3), данных традиции о строительстве парфянами храмов огня⁴⁵, свидетельства Исидора Харакского о вечном огне в городе Асааке (соседняя Астауэна), зажженном в честь коронации Аршака I

³⁹ D. Schlumberger. Les fouilles de Surkh-Kotal en Bactriane (IV, V, VI campagnes). «Comptes rendus des Academies des inscriptions et belles lettres». Paris, 1957, стр. 80; M. A. Maricq. La grande inscription de Kaniska et l'épéo-tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane. JA, 246, N 4, 1958, стр. 368—372. Вряд ли могут опровергнуть это мнение и некоторые возражения Хенинга (W. B. Henning. The Bactrian inscription. «Bulletin of the School of oriental and African studies», vol. XXIII, part 1, 1960, стр. 48—52).

⁴⁰ См.: В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948; М. Дандамаев. Указ. соч., стр. 234 сл.

⁴¹ R. S. Sharma. Political ideas and institution in Ancient India. Delhi, 1959, стр. 174.

⁴² Там же, стр. 175 сл.

⁴³ Там же, стр. 177.

⁴⁴ Подобный небольшой алтарь изображен на печати из Нисы, см.: М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ, 1954, № 4, стр. 159 сл., рис. 30.

⁴⁵ J. M. Unvala. Указ. соч., стр. 23.

(Isid. Charax. Mans. Parth. 17), подкрепленных результатами анализа архива Нисы⁴⁶. Но зороастризм парфян носил иной характер, чем тот, который известен по памятникам сасанидского времени. Зороастризм парфян — явление гораздо более сложное: чисто зороастрийские представления переплетаются в нем с некоторыми другими.

Явления, осложняющие зороастризм в Парфии, могут быть различного происхождения. Влиянием греков объясняется изображение обожествленных предков в человеческом облике, что в корне противоречит раннему зороастризму. Более сложная природа у культа обожествленных предков правящей династии. Культ предков у парфян был засвидетельствован давно⁴⁷, но превращение семейного культа царя в общегосударственный культ — здесь это явление новое, родившееся в эпоху Аршакидов. Идея божественного происхождения царской власти идет от Ахеменидов⁴⁸, но обожествление царских предков, а затем и самого царя (A m m. M a r c e l., XIII, 6) является дальнейшим ее развитием. Вполне возможно, что источником этого развития являются представления, заимствованные у Александра Македонского и Селевкидов. Хотя сама идея божественности царской власти была заимствована ими с Востока, форма, в которой обожествлялась царская власть, восходит к ним: предком царя считалось божество или обожествленный герой. Посредствующее звено между ахеменидскими и аршакидскими представлениями можно видеть в новых чертах в послеахеменидском персепольском храме, где в целле храма огня помещалось изображение царя и его супруги⁴⁹. Показательным для непрерывности традиций, идущих от Ахеменидов, является и самый тип храма, восходящий к ахеменидскому прототипу, хотя и модерни-

Алтарь из Нисы, найденный у входа в «квадратный зал»

⁴⁶ И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из Нисы I в. до н. э., стр. 24.

⁴⁷ J. M. Unvala. Указ. соч., стр. 26.

⁴⁸ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 6 сл.

⁴⁹ K. Erdmann. Указ. соч., стр. 29.

зированный в духе господствующих представлений, причем эллинистические влияния только отчасти заметны в его декоре.

Достаточно ясно обозначается и другая линия культурных и идеологических связей. Зал обожествленных предков в Топрак-кала⁵⁰ и обширный религиозный центр в Кой-Крылган-кала, связанный с заупокойным культом царей, указывает на какие-то не совсем еще ясные связи с Хорезмом, порожденные, вероятно, общностью происхождения и сходством условий развития.

Помимо квадратного зала, в южном комплексе Старой Нисы, несомненно, находились еще два храмовых комплекса. Это «круглый храм» и квадратная башня.

Особенно интересен «круглый храм»⁵¹. Квадратное в плане снаружи, это здание включает внутри круглое помещение, диаметром 17 м. Здание окружено обводным коридором. Стены храма сложены из обычного парфянского квадратного кирпича. Стены зала и коридора оштукатурены белым гашем. Несомненно, что во втором ярусе стены прямо несли шатровое перекрытие стропильной конструкции. Интерьер здания двухъярусный: нижний ярус — гладь стены, верхний — оформлен пристенными колоннами коринфского ордера. В завалах найдено много фрагментов терракотовых метоп, совершенно идентичных обнаруженным в квадратном зале. Они, вероятно, использовались как фигурные заполнения в основании интерколумниев второго яруса.

На полу круглого зала найдены раздавленные обломки глиняных статуй. Как и в квадратном зале, монументальная скульптура играла здесь важную роль; располагалась она наверху, подобно глиняным скульптурам квадратного зала.

Г. А. Пугаченкова склонна видеть значительное сходство в архитектуре круглого зала и Арсинойона. Близость между этими двумя памятниками она видит в общем сходстве плана, в приемах оформления стен, конструкции перекрытия, роли монументальной скульптуры. На основании конструктивной близости этих памятников высказывалось предположение, что круглый храм, как и Арсинойон, был храмом великих богов.

Против конструктивных сближений круглого храма и Арсинойона были уже довольно резкие возражения⁵². В какой мере эти возражения обосно-

⁵⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 184. См. также: R. Ghirshman. Persian art. The Parthian and Sassanian Dynasties. New York, 1962, стр. 29.

⁵¹ Описание составлено по статьям: С. А. Ершов. Археологические исследования на городище Старая Ниса, в 1946 г. «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 116 сл.; Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 208; она же. Пути развития архитектуры..., стр. 102 сл.; Н. И. Крашенинникова, Г. А. Пугаченкова. Круглый храм парфянской Нисы. СА, 1964, № 4, стр. 119 сл.

⁵² В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. СА, 1960, № 2, стр. 50.

ваны? Вряд ли можно отрицать, что при сходстве в решении интерьера имеются большие расхождения в основной планировочной идее, определяющей конструкцию здания. «Круглый храм» — круг только внутри, а внешнее его решение — квадратное здание с обводным коридором — довольно далеко от основной планировки Арсинойона, являющегося кругом и снаружи.

Однако, несмотря на это явное расхождение, все же с основной мыслью о сходстве этих храмов согласиться можно, так как в обоих случаях одними и теми же средствами решается одна задача — создание обширного замкнутого, круглого в плане пространства, — полностью отвечавшая основным идеям самого культа самофракийских божеств, мистерияльного культа, в котором большую роль играла тайна.

Другим веским подтверждением предположения Г. А. Пугаченковой о связи круглого храма с культом великих самофракийских богов-кабиров являются надписи знатных парфян с Делоса, до сего времени для решения этого вопроса не привлекавшиеся. В храме великих самофракийских богов-кабиров, построенном в 101/100 г. до н. э.⁵³ на Делосе, имеется надпись, не оставляющая сомнения в почитании этих божеств парфянами:

ΔΟΡ ράτην τῶν πρῶτων φίλων βασιλέως βασιλέων μεγάλου Ἀρσάκου ὁ ἱερεὺς Ἡλινὰξ Ἀσκληπιώδωρου Ἀθηναῖος ὁ διὰ βίου ἱερεὺς Ποσειδῶνος Ἀισίου γενόμενος [δε] καὶ θεῶν Μεγάλων Σαμοθράκων Διοσκούρων καθε[ύρων] θεοῖς⁵⁴.

Вероятно, один из сыновей Митридата II упоминается в другой, значительно более пострадавшей надписи аналогичного содержания⁵⁵.

Следовательно, черты сходства этих двух храмов не случайны. Видимо, Арсинойон был в значительной мере прототипом для круглого храма. Отличия же в плане объясняются, во-первых, непривычностью самого решения, породившего, видимо, среди зодчих желание застраховаться. Дело в том, что при шатровых стропильных перекрытиях круглого зала необходимы были стропила, длиной 11—12 м. Строители, по-видимому, не были уверены в способности круглых стен выдержать такую нагрузку и для страховки возвели внешний пояс в виде более знакомого им квадрата. Вероятно, именно этим и объясняется тот факт, что сырцовый круг, толщиной в 2½ кирпича, конструктивно никак не связан с квадратом. Видимо, в основном стропила опирались на более мощную и более привычную кладку квадрата, а внутренний круг был лишен нагрузки.

⁵³ P. Roussel. Delos colonie athenienne. Paris, 1916, стр. 230—232.

⁵⁴ P. Roussel, M. Launey. Inscriptions de Délos. Paris, 1937, N 1581, стр. 58, 59; W. Dittenberger. OGIS, N 430; F. Durrbach. Choix d'inscriptions de Délos, t. I, fasc. 2. Paris, 1922, N 1361, стр. 223.

⁵⁵ P. Roussel, M. Launey. Указ. соч., № 1582, стр. 59. P. Roussel. Указ. соч., стр. 427.

Во-вторых, на внешнюю форму храма могли оказать влияние и местные укоренившиеся традиции храмового строительства, для которых обычным планом была квадратная целла с обводным коридором. Не менее важно, что вся архитектура Старой Нисы, типичного восточного города, построена на сочетании мощных объемов кубовидных масс с прямыми линиями улиц. Появление среди них цилиндра здания храма явилось бы резким диссонансом. Поэтому можно считать, что при переработке формы здания участвовали, помимо конструктивных, и эстетические соображения парфянских зодчих.

Необходимо иметь в виду также и следующее: при недавних работах Хорезмийской экспедиции был обнаружен могильник Тагискен IX—VIII вв. до н. э., принадлежащий одному из сакских племен⁵⁶. Особое внимание в этом могильнике привлекают мавзолеи 5А, 7, 4. Основной принцип планировки этих мавзолеев следующий: круг, вписанный в квадрат внешней стены. Этот принцип удивительно напоминает планировку круглого храма. Кроме того, важно учитывать, что мавзолеи Тагискена являются одним из главных (если не главным) источником для развития всего погребального зодчества кочевых племен древней дельты Сыр-Дарьи⁵⁷.

Видимо, развитием этой древней кочевнической традиции в погребально-культовой архитектуре Средней Азии стали памятники типа Кой-Крылган-кала, где при усложненности внутренней планировки сохраняется основной принцип круга, хотя внешний квадратный обвод стен уже утерян. Отражением этой древнейшей традиции является и круглый храм, где, так же как в Кой-Крылган-кале, заметно упрощение основного исходного принципа, но в меньшей мере⁵⁸. Если здесь утерян совершенно внешний квадрат стен, то в круглом храме стены внутреннего круга и внешнего квадрата перестают существовать как отдельные элементы, сливаясь в нечто единое. Видимо, и в области идеологических воззрений круглый храм находится в известной зависимости от своих предшественников, так как он сооружен в пределах царского заповедника, связанного с погребальным культом парфянских царей.

Таким образом, круглый храм является образцом храмового зодчества коренных районов Парфии, где органически сливаются местные среднеазиатские традиции сакрального зодчества, восходящие в конечном счете к кочевым племенам более северных районов, с эллинистическими строительными приемами. Хотя культ самофракийских божеств по своим истокам и не

⁵⁶ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, в 1958—1960 гг. «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.», I. М., 1963, стр. 37 сл.

⁵⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 200 сл., рис. 117.

⁵⁸ Позднее традиция круглых погребальных сооружений проявляется в существовании круглого в плане костехранилища в Фринкете. См.: Г. В. Григорьев. Зоорастрейское костехранилище в кишлаке Фринкет под Самаркандом. ВДИ, 1939, № 2, стр. 145.

является греческим, но, конечно, проникнуть с Запада в Парфию в период эллинизма он мог только через греков. Восприятие культа великих самофракийских божеств-кабиров прежде всего объясняется тем, что кабiry в эллинистическое время очень часто сливаются с божественными двойниками Диоскурами⁵⁹ (надписи с Делоса дают нам именно эту форму), а Диоскуры были божествами — покровителями династии Селевкидов. Для царей Парфии, со времени Митридата II считавших себя прямыми преемниками и наследниками Селевкидов в их власти над Азией, было естественно воспринять и этот культ, сделав его культом своей династии. Проникновение этого культа в Парфию облегчалось тем, что в древних местных религиозных верованиях имелось достаточно точек соприкосновения с кругом религиозных воззрений, связанных с Кабирами-Диоскурами.

По своей основной идее островные кабiry — борцы с тьмой, божества света, огня, причем чаще всего это огонь подземный, благодаря чему кабiry тесно связаны с Гефестом⁶⁰, не менее важна их роль как отвратителей несчастья от людей, в том числе спасителей царей от волнений народа⁶¹: так, Агамемнон под Троей усмирив мятеж, явившись среди воинов одетым в багряницу, в которой он принимал посвящение в самофракийские мистерии⁶². В дальнейшем развитии культ кабиров соприкасается с культом аграрных божеств круга Деметры и культом Диониса — Иакха⁶³. Это облегчается тем, что кабiry и аграрные божества имеют очень много сходных хтонических черт.

В комплексе Кабiry-Диоскуры наиболее явственно выступает идея дуальности, благодаря чему кабiry, число которых довольно неопределенно, олицетворяются в виде двух братьев-близнецов.

Идея дуальности пронизывает буквально всю систему зороастризма. Это борьба двух братьев — Агура Мазды и Ангро Манью, это и тибель от руки брата Спитийуры Йймы и т. д.⁶⁴ Роль кабиров как божеств, связанных с огнем, в частности с подземным огнем, близка значению, которое в иранских религиозных верованиях отводится Мифре. Ведь, помимо общепринятого отождествления Мифры с солнечным богом Гелиосом, есть сведения о том, что в аршакидское время Мифра отождествлялся с Гефестом⁶⁵, а изображение Гефеста чрезвычайно популярно в парфянском декоративном искусстве, как это доказываются ритонами из Нисы⁶⁶. Интересно здесь

⁵⁹ Н. И. Новосадский. Культ Кавиров в древней Греции. Варшава, 1891, стр. 59.

⁶⁰ Там же, стр. 63.

⁶¹ Там же, стр. 55.

⁶² Schol. Apoll. Rhod., I, 917.

⁶³ Н. И. Новосадский. Указ. соч., стр. 66.

⁶⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 292.

⁶⁵ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 90.

⁶⁶ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны из Нисы. Ашхабад, 1959, стр. 162.

отметить и роль в иранском эпосе легендарного кузнеца Каве, фартук которого становится знаменем царей Ирана⁶⁷.

Внешние формы культа кабиров, видимо, оказались близкими формам культа, распространившимся в коренных районах Парфии. Основой организации культа кабиров была система членства различных степеней, чрезвычайно близкая системе членства в культе Мифры; большую роль в культе играли религиозные мистерии, в некоторых из них основной идеей была смерть и погребение одного из кабиров⁶⁸. Далее мы коснемся мистерийных действий в Маргиане, связанных со смертью и погребением. Мистерии сопровождались танцами, шумной экстатической музыкой, ритуальными оргиями⁶⁹. Ритуальные оргии у персов отмечались античными авторами⁷⁰. Видимо, от персов эта традиция перешла и к парфянам.

Таким образом, представляется несомненным, что культ великих богов Кабиров-Диоскуров, следы которого засвидетельствованы в Парфии, проник в Нису и укрепился там, во-первых, благодаря тому, что религиозные представления и формы культа оказались достаточно близки некоторым местным религиозным представлениям. Во-вторых, проникновение его в Парфию было вызвано династической политикой Аршакидов, воспринявших некоторые черты политической теории и практики Селевкидов, в частности культа династии.

Здесь возникает следующее предположение. Если внедрение культа Диоскуров-Кабиров происходило благодаря их близости к дуалистическим представлениям парфян-зороастрийцев, то наиболее вероятно, что эта близость объясняется значением в парфянское время зерванистской секты, секты наиболее последовательно дуалистической⁷¹. Эта секта, господствовавшая в течение всего III в. н. э., в таком случае пользовалась влиянием не только в Персиде, но также и в Парфии. Но это только предположение, еще не доказанное.

Последним сооружением культового назначения в Старой Нисе является большая квадратная башня, стоящая между квадратным и круглым храмами. Это мощное монолитное сооружение, сложенное из парфянского сырцового кирпича, с небольшим помещением наверху, где, вероятно, хранился огонь⁷². И. Крашенинникова склонна считать прообразом этой башни вавилонские зиккураты. Однако эта башня не имеет никакой связи с месопотамскими зиккуратами. Хотя зиккураты в некоторых городах Ме-

⁶⁷ Фирдоуси. Шах-Намэ, т. 1. М., 1957, стр. 64.

⁶⁸ Н. И. Новосадский. Указ. соч., стр. 143.

⁶⁹ Там же, стр. 93, 103.

⁷⁰ Herod., I, 133; Strabo, XV, III, 20.

⁷¹ R. Zaehner. The dawn and twilight of Zoroastrianism. New York, 1961, стр. 181.

⁷² Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 207; И. Крашенинникова. К вопросу о взаимосвязи «круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, вып. 4, 1960, стр. 44 сл.

сопотамии еще стояли при Александре Македонском и даже были проекты восстановления «вавилонской башни», тем не менее эта форма святилища уже практически отмерла. Кроме того, почти полное отсутствие следов месопотамских влияний на культуру Парфии заставляет нас искать связи в других районах иранского мира.

Наиболее близкой нам представляется башня-святилище в Нурабаде (Персида)⁷³. Эту башню Гиршман относит к III—I вв. до н. э. и сравнивает с башнями Накш-и-Рустама и Пасаргад. Гиршман очень убедительно доказывает существование этой формы святилища в ахеменидское время и дальнейшее развитие ее в эллинистическую эпоху, причем он связывает это развитие с некоторыми изменениями в культе, выразившимися в том, что священный огонь иногда возжигался на крышах святилищ. Нам представляется, что башня Нисы также является примером развития этой ахеменидской традиции. Единственное отличие состоит лишь в том, что башня в Нисе построена не из камня, а из сырца, из-за чего лестница идет не внутри, а снаружи.

Подводя общие итоги рассмотрения всего храмового комплекса Старой Нисы, следует отметить, что он представляет обильнейший материал для суждения как о религиозном зодчестве, так и о религии Парфии. Прежде всего, несомненно, можно утверждать, что религиозная архитектура Нисы теснейшим образом связана с ахеменидскими традициями в культовом зодчестве и традициями кочевых народов Средней Азии. И квадратный зал, и башня выдержаны в традициях иранской архитектуры, но в то же время они не копируют рабски ахеменидские образцы. Памятники Нисы — дальнейшее творческое развитие культуры парфян в эллинистический период. Ясно заметны новые веяния, проявляющиеся не только в восприятии греческих приемов в декоре, но и в новых элементах архитектуры, выражавших развитие религиозных воззрений.

Особо важно, что развитие парфянской культовой архитектуры имеет некоторые общие черты с развитием кушанского храмового зодчества и религиозной архитектуры Персиды, Хорезма; следовательно, это развитие было общим для целого ряда ираноязычных народов. Свое завершение и эта идеология, и воплощающая ее архитектура находят в сасанидском зодчестве. Это позволяет говорить о том, что не было никакого принципиального разрыва между эпохами Ахеменидов и Аршакидов, с одной стороны, Аршакидов и Сасанидов — с другой. Эти были ступени одного процесса, а той глубокой лакуны на месте Аршакидов, о которой говорил Герцфельд, просто не было. Необходимо также отметить влияние эллинистических взглядов и вкусов на парфянскую идеологию и архитектуру. Но это заимствование эллинистических элементов не было простым подражанием, они творчески перерабатывались и приспособлялись к местным воззрениям и вкусам.

⁷³ R. G h i r s h m a n. La tour de Nourabad. Etudes sur les temples iraniens anciens. «Syria», t. XXIV, fasc. 3—4. Paris, 1945, стр. 178 сл.

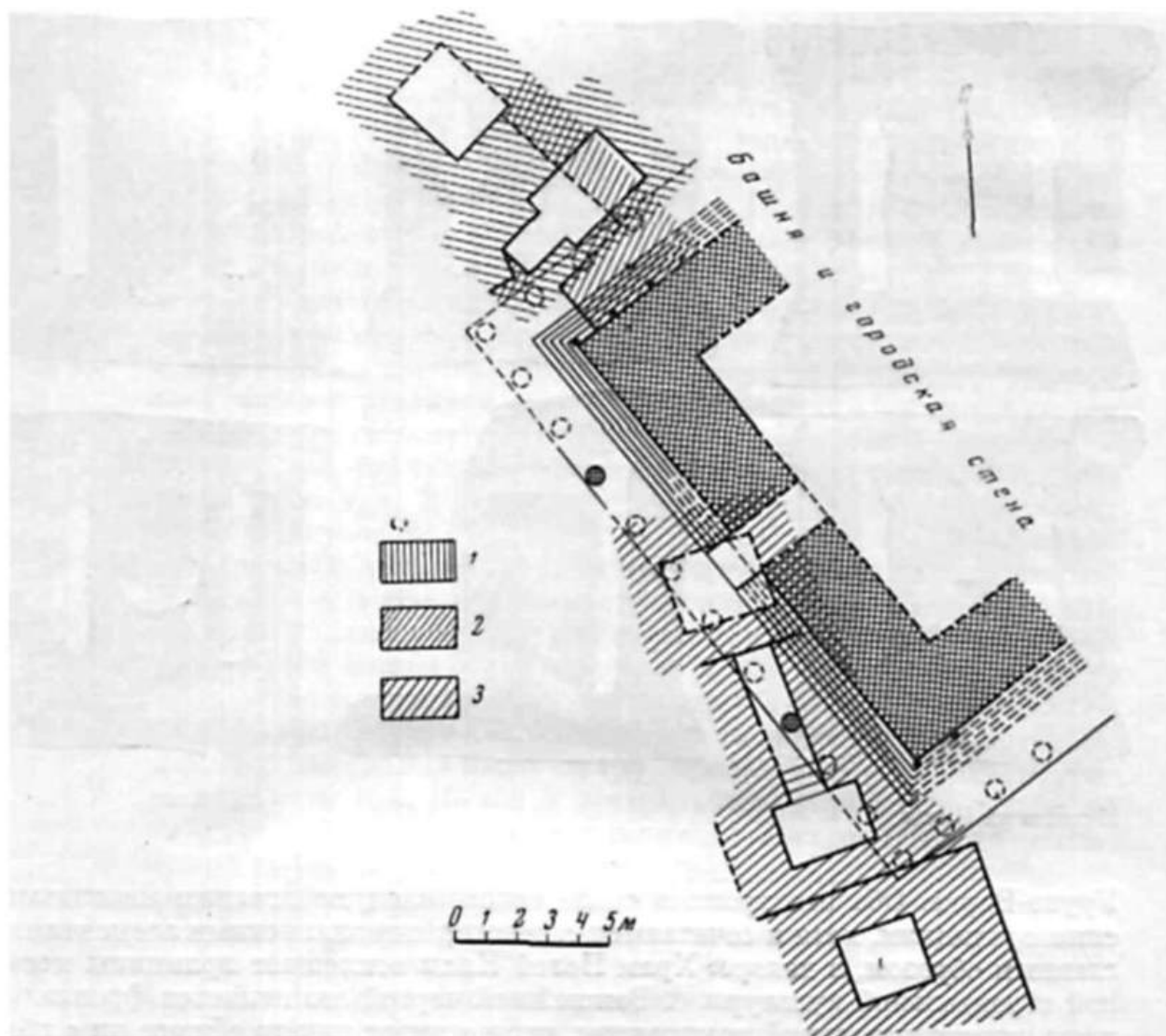
Важнейшим фактом является создание и укрепление культа царей, дававшего царской власти религиозную санкцию. Здесь также заметны два вытекающих из разных источников течения: иранское, ахеменидское, выражавшееся в формуле *vašna Aurgamasda*, и эллинистическое, идущее от Александра и Селевкидов, суть которого заключалась в создании династических культов и в обожествлении династии как происходящей от богов и героев. Парфянская политическая теория, однако, не была простым механическим соединением этих двух представлений, на основе их синтеза она дала принципиально новое, являющееся дальнейшим их развитием представление о личности царя как божества (A m m. M a r c e l l., XXXIII, 6). Может быть, именно в связи со специфической ролью Старой Нисы как места родового культа Аршакидов находится и подражание ахеменидским традициям в архитектуре. Претензии Аршакидов на то, чтобы стать преемниками Ахеменидов во владычестве над Азией, вероятно приводили к сознательному следованию ахеменидским традициям в тех областях искусства, которые находились под влиянием династии и двора, в то время как в других областях искусства стиль был более независимым. Речь идет о храме на некрополе Новой Нисы⁷⁴.

Этот храм⁷⁵, относящийся, как и храмовый комплекс Старой Нисы, к III—I вв. до н. э., построен таким образом, что его тыльная часть примыкает к оборонительной стене, а главный фасад обращен в сторону города. Здание покоится на сырцовой платформе, высотой 80 см. Стены его также выполнены из сырцового кирпича. Основной массив сооружения с трех сторон окружает колонный портик — айван. От колонн сохранились торовидные базы (одна из них сложена из парфянского жженого кирпича, другая — из зеленовато-серого песчаника, обе оштукатурены ганчем). Ствол колонн был деревянным. Общее число колонн равно двенадцати.

Построение стены очень своеобразно. Она как бы расчленена на два яруса. Нижний — высотой 2,6 м — представляет собой сильно развитую панель. Архитектурное оформление ее включает пятиступенчатое основание, полуколонки с капителями, вырезанными на плоской терракотовой плитке, и горизонтальную полосу фриза. Стена оштукатурена и окрашена в мадиново-красный цвет. Ступени, базы и стволы полуколонн, оформляющих стену, окрашены в черный цвет, капители — в красный. Верхняя часть стены, возвышающаяся над плоским перекрытием айвана, была оштукатурена белым ганчем. Высота ее над уровнем айвана не менее 5 м. Полуколонны стены по высоте равны всего 1,7 м, при диаметре 15,5 см. Базой им служил невысокий плит. Капители, вырезанные на терракото-

⁷⁴ Описание составлено на основании работ: М. И. Вязьмитина. Археологические работы на городище Новая Ниса. «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 151 сл.; Г. А. Пугаченков. Пути развития архитектуры..., стр. 60.

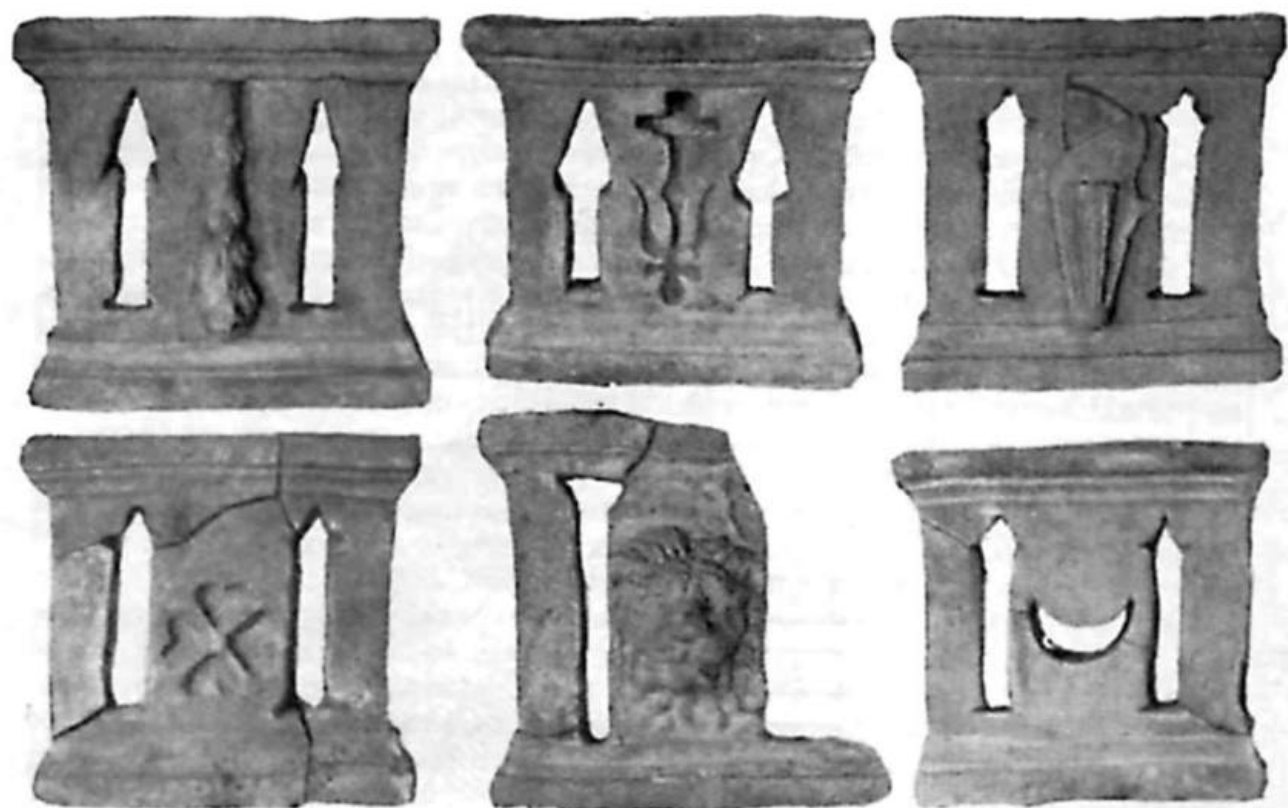
⁷⁵ Представляется абсолютно неправомерным сближение этого храма с гипогеем Пальмиры (R. G h i r s h m a n. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. Harmondsworth, 1954, стр. 32), так как у них нет буквально ни одной общей черты.

План храма и некрополя Новой Нисы: 1 — постройки III — II вв. до н. э., 2 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 3 — II — III вв. н. э.

вых плитках, выдержаны в формах ионийского ордера. Анализ этих колонок позволил установить их местное, догреческое происхождение и связь с традициями деревянной архитектуры. По аналогии с более поздними зданиями в верхней части стены предполагаются узкие световые проемы. В завершении стены был, по-видимому, узорный парапет, составленный из терракотовых зубцов. Лестница, ведущая к входу в здание, видимо, была с двумя боковыми маршами. Стены здания очень мощные (2,5 м). Внутренние размеры здания — 13 м в длину и 5 м в глубину.

Представляется неправомерным сближение этого храма при наусах парфянской знати с храмом А в Апуре и тем более с храмом Гареуса в

Метопы из Нисы

Уруке-Варке. Оба эти храма в своей основе следуют древним месопотамским традициям, хотя и сочетаются с некоторыми эллинскими элементами, главным образом, в декоре. Храм Новой Нисы воплощает принципы местной строительной культуры⁷⁶. Важнейшей чертой его является фронтальность пространственной композиции, что не имеет ничего общего ни с греческой традицией, ни с месопотамским религиозным зодчеством. Построение здания вширь, а не вглубь, в сочетании с центральным проходом, как бы делящим помещение на две обособленные части, очень напоминает так называемый красный коридор квадратного зала Старой Нисы. Характерной чертой храма является колонный портик, устройство храма отчасти напоминает некоторые малые храмы Хатры, но ближе всего он к народной традиции строительства жилища в Южной Туркмении. Об этой же близости говорит и сочетание трех тонов: красного, черного и белого. Эта зависимость от архитектуры народного жилища является, с нашей точки зрения, наиболее показательной чертой этого храмового комплекса, свидетельствующей о его местных, народных корнях.

⁷⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 66.

Можно считать, что в религиозной архитектуре Парфии ясно заметно сочетание нескольких композиционных идей, отражающих сложность религиозной жизни Парфии: во-первых, строительные традиции, связанные с дальнейшим развитием зороастризма в эллинистический период; являясь по своей сути общеперсидскими, они ближе всего по происхождению связаны с религиозным зодчеством Ахеменидов. Вторая традиция связана с местными народными верованиями, вполне возможно, еще дозороастрийского происхождения, и имеет общие элементы с культурой кочевых племен более северных районов Средней Азии. Третья традиция отражает влияние эллинистических религиозных воззрений. Органически сливаясь и взаимодействуя, они создают неповторимый облик парфянской архитектуры — закономерного звена в развитии культуры ираноязычных народов.

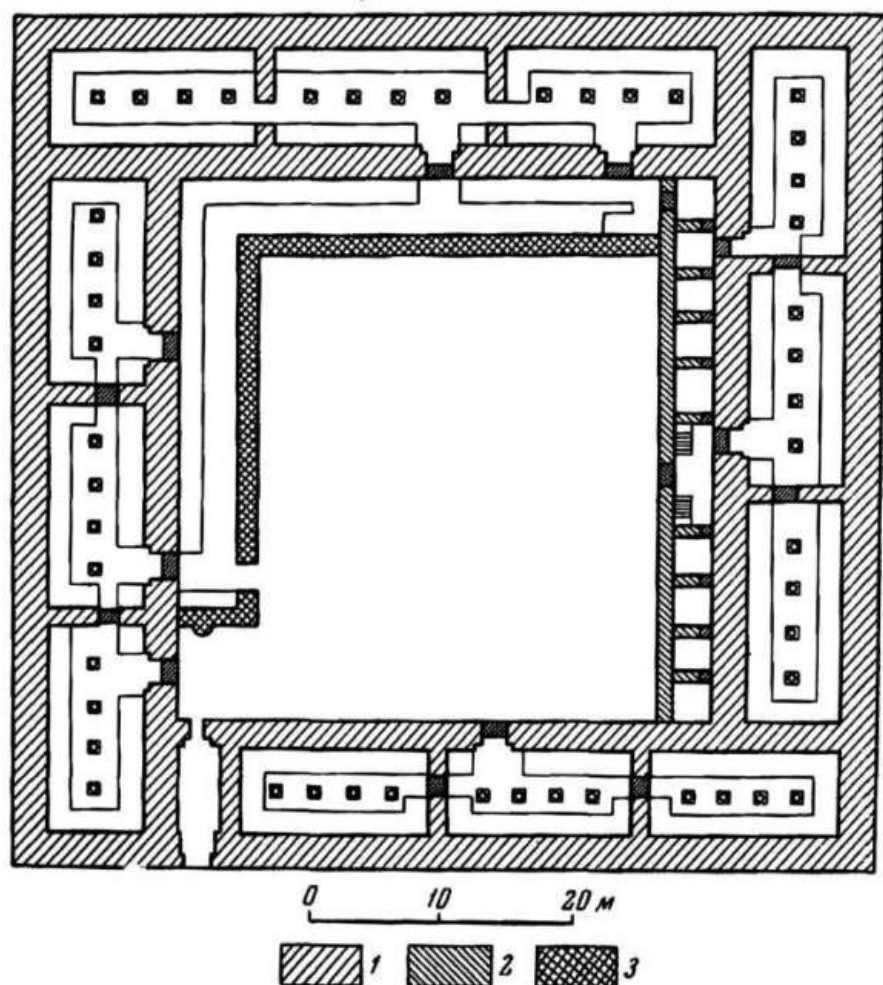
Особое место в архитектуре Старой Нисы занимает так называемый квадратный дом⁷⁷. Он пережил несколько перестроек. Возник он в конце III — начале II в. до н. э. В этот период «квадратный дом» представлял собой квадратное здание ($59,7 \times 59,7$ м по внешнему периметру). Внутри находился квадратный двор (38×38 м) с портиком, охватывающим его со всех сторон, причем с юга имелся двойной ряд колонн. На каждой стороне по девять деревянных колонн с маленькими каменными торовидными базами на квадратном плите.

Здание сооружено из квадратного сырцового кирпича обычных в Парфии размеров. Стены снаружи и изнутри были оштукатурены глиной. Вдоль каждой стороны здания было по три продолговатых комнаты, сообщавшихся друг с другом. Выход в центральный дворик был только из средних помещений. По длинной оси каждого из этих помещений располагались четыре колонны. Вдоль стен были построены суфы-лежанки.

При раскопках было установлено, что проемы дверей комнат последовательно закладывались наглухо. Сначала закладывались двери смежных комнат, а затем и помещений, обращенных во двор. При этом внутри помещений оставлялся разнообразный, нередко ценный инвентарь. В конечном счете к концу I в. до н. э. все комнаты оказались таким образом замурованными. Затем начался новый период в жизни здания. Колонные портики двора были уничтожены. Уровень пола был поднят на 30 см. Параллельно стене восточного фасада была построена стена, а возникшее таким образом узкое помещение было разделено на десять маленьких помещений. Двери, соединявшие их, были в дальнейшем замурованы. Затем были пристроены стены вдоль северного и западного участков двора.

Раскопки этого здания поставили перед исследователями ряд вопросов. Прежде всего, каково его назначение? По-видимому, это здание было

⁷⁷ См.: Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 69—78; М. Е. Массон. Новые археологические данные к истории Парфии. «Известия АН Туркменской ССР», 1952. № 5, стр. 14 сл.; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритопы Нисы, стр. 15—23 и 231—236.

Ниса. План «квадратного дома»; 1, 2, 3 — три этапа жизни здания

сокровищницей. Комнаты аналогичного устройства встречались в персепольской сокровищнице Ахеменидов⁷⁸. Но эта сокровищница имела особый характер. Она была связана с культом умерших царей Аршакидской династии, и каждая комната замуровывалась по мере свершения обряда погребения⁷⁹. Однако этот обычай также уводит нас в мир Ахеменидов. Так, по словам Страбона: «Быть может и следующие обычаи, упоминаемые По-

⁷⁸ E. Schmidt. The Treasury of Persepolis. Chicago, 1939, стр. 53 сл., рис. 32; E. Schmidt. Persepolis. Chicago, 1953, стр. 156 сл., рис. 64, 75—80.

⁷⁹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 71—72.

ликритом, относятся к числу персидских. Так, в Сузах, по его словам, на акрополе каждому царю сооружают в виде памятника его правления особое жилище, сокровищницы и склады для полученной им дани. Цари собирают дань серебром с жителей побережья, а из внутренних областей получают продукты, производимые каждой страной... Установил эти подати Дарий Длиннорукий...» (Strabo, XV, 3, 21). Безусловно, чем-то вроде этих сокровищниц Ахеменидов были и отдельные комнаты «квадратного дома».

Второй характерной особенностью этого здания является его перистильный двор, безусловно восходящий к эллинистической жилой архитектуре. Памятник является единственным образцом проникновения перистилия в коренные области Парфии. В архитектуре чисто греческих городов Месопотамии (Дура-Европос и Селевкии) перистиль совершенно не известен в эллинистическое время⁸⁰, т. е. во время возведения здания. Перистильные дворы появляются в Месопотамии только в конце эллинистического или в парфянского время. Так, в Вавилоне перистильные здания появляются в конце эллинистического времени⁸¹. Это связано с тем обстоятельством, что в Вавилоне при Антиохе IV создается греческая община, получившая права полиса. По-видимому, поселенцы в Вавилон прибыли из городов Малой Азии, где в это время уже перистили были распространены, а Дура-Европос и Селевкия были основаны в конце IV в. до н. э. и первопоселенцы прибыли из Греции тогда, когда перистиль там еще не был широко распространен. Строго храня вывезенные с родины традиции, греческое население этих городов не сооружало в своих жилищах дворов с перистилиями. Видимо, и в архитектуре дворцов Ниппура⁸² и Ашура⁸³ появление перистилия было связано только с второй волной эллинизации Востока при Антиохе IV. Таким образом, в наиболее близких к Парфии районах эллинистического Востока в момент возведения «квадратного дома» не было прообраза для него, что заставляет думать о культурных связях с более отдаленными районами — Малой Азией, островной и материковой Грецией.

Таким образом, мы видим, как своеобразно сплетаются древние ахеменидские традиции, проявляющиеся в назначении и отчасти характере архитектуры здания, и эллинистические традиции, согласно которым создается план здания. Не менее интересны и дальнейшие перестройки, сводящиеся

⁸⁰ Г. А. Кошеленко. Архитектура жилища греческих городов Парфии. «Античный город». М., 1963, стр. 170 сл.

⁸¹ O. Reuther. Die Innerstadt von Babylon. Berlin, 1926, стр. 91—92, 148; F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallowitz. Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957, стр. 31 сл.

⁸² C. Fisher. The Mycenaean palace at Nippur. AJA, 8, N 4, 1904, стр. 403; A. Marquand. The palace at Nippur not Mycenaean but Hellenistic. AJA, 9, N 1, 1905, стр. 7.

⁸³ W. Andrea, H. Lenz. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933, стр. 25—54, табл. 9—23.

к уничтожению колонн перистиля двора. Это связано в первую очередь с изменением вкусов правящей династии. Если для ранних Аршакидов колонные портики перистиля, видимо, представлялись если не особенно желательным, но допустимым архитектурным элементом, то для населения Парфии I в. н. э. колонные портики оказались чуждыми и последовало их решительное уничтожение и замена глухими стенами. Любопытно, что при изменении культуры, а также и этнического состава населения греческих городов Парфии также решительно искореняются колонны в конструкциях и декоре жилищ⁸⁴.

О скульптуре Парфии можно сказать очень немного. Она состоит из двух групп: в первую входит привозная скульптура, во вторую — местная. Первая группа не может быть использована для характеристики культуры Парфии, однако она характеризует художественные вкусы парфянской знати, ибо для украшения Нисы привозились только те вещи, которые какими-либо своими чертами отвечали ее потребностям. Число произведений этой скульптуры невелико, но все они принадлежат к высокохудожественным созданиям античной пластики⁸⁵.

Наиболее ранним произведением из этой группы скульптуры является статуя, которую авторы публикации не решаются точно определить, называя ее ниспйской богиней. Статуя изображает высокую статную девушку, одетую в хитон, поверх которого наброшен пеплос, через правое плечо идет перекрученный валиком шарф. Лицо статуи очень величавое, с правильными чертами, с легкой полуулыбкой на губах. Видимо, справедливо мнение М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, что она восходит к архаизирующему направлению в эллинистической скульптуре и датируется III—II вв. до н. э. В то же время вызывает возражения отнесение ее к кругу пергамской скульптурной школы, имевшей совсем иные основные черты⁸⁶.

Другой интересной находкой из Нисы является так называемая статуя Родогуны. Она представляет собой полилитную скульптуру, верхняя часть которой выполнена из белого, а нижняя — из серого мрамора. Изображена полуобнаженная молодая женщина со слегка склоненной головой. Общее выражение лица — сурово-сосредоточенное. Торс дан в легком повороте. Руки, по-видимому, были подняты вверх, к голове. Нижняя часть фигуры как бы окутана плотной тканью, ниспадающей прямыми складками. Представляется удачным сопоставление этой скульптуры с известным сказанием о Родогуне, дочери Митридата I, которая не кончила мыть волосы, когда пришло известие о нападении врагов, и поклялась домыть их только тогда, когда враги будут уничтожены. Скульптура

⁸⁴ Г. А. Кошеленко. Архитектура жилищ..., стр. 175 и 179.

⁸⁵ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы. «Ежегодник Института истории искусств. 1956». М., 1957, стр. 460—489.

⁸⁶ M. Bieber. The sculpture of the Hellenistic age. New York, 1955, стр. 106 сл.

Ниса. Статуи «Нисийской богини» и «Родогунья»

относится к одной из эллинистических школ, вероятнее всего александрийской. В общей композиции ваятель придерживается канонического образа Афродиты Анадиомены, но в психологической трактовке заметно очень большое различие: вместо нежной богини любви перед нами предстает суровая и властная царская дочь, парфянка-воительница. Поэтому представляется очень вероятным предположение авторов публикации нисийской скульптуры, что данная скульптура была выполнена эллинистическим ваятелем, придавшим ее лицу портретные черты парфянской царевны, по заказу. В таком случае естественно вспомнить традиции поздних Селевкидов, связанные с развитием культа обожествленных правителей, нашедшие свое выражение, в частности, в придании портретных черт селевкидских правителей изображению божеств⁸⁷. Среди скульптурных фрагментов, происходящих из Нисы, также необходимо отметить головы Афродиты и Сатира и нижнюю часть мраморной скульптуры Артемиды.

Эта привозная скульптура позволяет сделать некоторые выводы о вкусах и эстетических потребностях самых верхних слоев парфянского общества в ранний период существования Аршакидской державы. Прежде всего все привозные произведения очень высокого качества, и можно думать, что вкусы правящих слоев отнюдь не были грубыми и варварскими, как это очень часто приписывается парфянам. Далее, видимо, можно говорить о тесных связях с западной частью эллинистического мира, а также о том, что правители могли не только приобретать скульптуру, а заказывать ее скульптору согласно своим вкусам и потребностям. Кроме того, ввозились произведения и с мифологическими сюжетами (например, скульптурная группа, в которую входила фигура сатира). Уже давно говорилось о распространении культов дионисийского характера в Средней Азии эллинистического времени⁸⁸, в которых сливались греческие и местные черты, восходящие к авестийскому культу священного напитка — хомы.

Наконец, необходимо иметь в виду и следующее.

Все скульптуры очень невелики — 50—60 см. Это свидетельствует о том, что они предназначались не для общественного, а для домашнего быта. Видимо, они украшали жилища членов Аршакидской династии. Характер этих произведений резко отличается от скульптуры, украшавшей храмы Нисы. Можно сделать вывод, что имелось известное противоречие между вкусами верхушки и основных масс парфянского общества; выставлять на всеобщее обозрение подобные скульптуры было, очевидно, нежелательно. Подобное расхождение между частным и общественным

⁸⁷ Последняя работа, в которой обсуждается эта проблема и приведена библиография предшествующих работ: O. Mørkholm. *Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria*. København, 1963.

⁸⁸ Г. А. Пугаченкова. Сосуд из Термеза с вакхической сценой. ВДИ, 1951, № 1.

бытом — явление, не ограничивающееся одной Парфией. Достаточно вспомнить римские жилища, где передняя, официальная часть дома выдержана в чисто римских традициях, а заднюю, закрытую для посторонних, занимает греческий перистиль. Подобное же устройство и у парфянского двора в Ашуре, где главная часть здания выполнена в традициях восточной архитектуры с айванами с четырех сторон двора, а перистильный дворик занимает боковое крыло. Видимо, нечто подобное можно наблюдать и в жизни верхних слоев общества Нисы, где официально строго придерживались местных традиций, а в быту большую роль играли привычки и вкусы, заимствованные у греческого эллинистического общества.

Совсем иной характер имеет местная скульптура, происходящая из «квадратного зала». К сожалению, до нас дошло очень незначительное число фрагментов этой скульптуры⁸⁹. Вся она глиняная и выполнена на месте, в Нисе. В числе фрагментов имеется несколько небольших кусочков волос и бороды, фрагмент, изображающий шапочку, надетую поверх волос, плечо статуи, одетой в панцирь, многочисленные мелкие фрагменты одежды в виде тяжелых вертикальных пластин с бахромой, представляющие, видимо, части панциря, глаз, фрагмент верхней губы с усами и т. п. Только одна статуя дошла в более сохранившемся виде — это статуя женщины в просторном, окутывающем фигуру одеянии. У нее не сохранилась голова и нижняя часть тела.

Изготавливались эти статуи следующим образом: на свинцовый, деревянный или камышовый каркас накладывалась сырая глина зеленого цвета, вчерне передававшая облик статуи. Окончательная отделка производилась более тонко отмученной глиной цвета светлой терракоты. Поверх этого слоя иногда наносился тонкий слой обмазки или белого алебаstra. Затем уже статуи раскрашивались; преобладали цвета белый и красный, но встречались также желтый, зеленый, голубой.

Фигуры изображали мужчин и женщин, видимо богов или, скорее, обожествленных предков Аршакидской династии⁹⁰. Мужчины изображались в военных панцирях и плащах, шароварах из мягкой ткани, а женщины — в уже упоминавшихся мягких, окутывающих одеждах. Стилистически они входят в тот общий круг среднеазиатской скульптуры античного времени, который сейчас становится достаточно хорошо известным благодаря находкам на территории от Хорезма до южных границ Средней Азии. Наиболее близка парфянским произведениям хорезмская скульптура из Топрак-калы, также изображавшая династию местных царей⁹¹. Особенно это бросается в глаза при сравнении женских фигур⁹².

⁸⁹ Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 355—367; М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 64; он же. Городища Нисы..., стр. 5; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 91 сл.

⁹⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 92.

⁹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации..., стр. 182 сл.

⁹² См.: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, рис. 124.

Однако при несомненной близости их хорезмская скульптура более жесткая, несколько более схематичная по сравнению с более мягкой и пластичной нисийской, на которой, видимо, несколько сильнее сказываются греческие влияния и традиции. Характерно, что нисийская скульптура, так же как и хорезмийская, органически входит в общий ансамбль «квадратного зала», где она взаимосвязана с общим архитектурным обликом здания, служившего, как мы уже отмечали, вероятнее всего храмом Аршакидской династии.

Особое место среди памятников искусства Парфии занимают прославленные нисийские ритоны. Эта группа памятников, опубликованная и исследованная М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой⁹³, настолько хорошо известна благодаря этой прекрасной публикации, что нам нет необходимости подробно останавливаться на них. Отметим только, что они, так же как и многие другие памятники Нисы, характеризуются органическим слиянием двух основных начал: местного, идущего из глубины культурных традиций ираноязычных народов Ближнего Востока и Средней Азии, и эллинского.

Если сама форма сосуда в виде ритона исконно иранская⁹⁴, то изображении на фризах ритонов по внешней своей форме — сильно эллинизованные, хотя в содержании этих сцен и внутреннем смысле их очень много восточного, порожденного идеологией восточной деспотии, каковой в известной мере была Парфия. Поэтому сцены, изображенные на нисийских ритонах, при очень сильной экспрессивности и смелости в построении, явно демонстрируют зарождение того стиля, который затем широко распространился по всему античному миру в поздний период его существования и характернейшей чертой которого стала так называемая фронтальность⁹⁵.

Особо надо остановиться на вопросе о месте производства этих ритонов, так как в своей последней работе Р. Гиршман, хотя и очень осторожно, предполагает их греко-бактрийское происхождение⁹⁶. Никаких доказательств он, правда, не приводит, кроме того, что слияние греческих и иранских традиций могло происходить там, где длительно и мирно сосуществовали две этнические общности — греки и ираноязычные народы, т. е. в Греко-Бактрии. Подобный аргумент, конечно, нельзя признать убедительным, так как сосуществование в той или иной форме между греками и местными ираноязычными племенами наблюдалось не только в Бактрии, но на более обширной территории, а исследование

⁹³ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы.

⁹⁴ R. Ghirshman. Notes Iranienes, XI. Le Rhyton en Iran. «Artibus Asiae», XXV, N 1, 1962, стр. 57 сл.

⁹⁵ См.: Г. А. Кошелев. О фронтальности в парфянском искусстве. «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1962.

⁹⁶ R. Ghirshman. Persian art, стр. 30.

Ниса. Ритон и фриз одного из ритонов

Ниса. Фрагмент мебели из слоновой кости (царский трон?).

Рекоnструкция под руководством М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой

М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, напротив, убеждает в том, что ритоны происходят из Парфии. Кроме того, не исключена возможность парфянского воздействия на Тохаристан и северо-западную Индию, приводившего к некоторому родству искусства⁹⁷. К этому же кругу относятся фрагменты парфянского трона из слоновой кости. В своих основных чертах он очень напоминает трон ахеменидских царей⁹⁸, изображенный на персепольских рельефах⁹⁹, но большая изощренность в исполнении, введение растительных мотивов в украшение трона указывают на эллинистическое влияние. Видимо, копирование трона ахеменидских владык было одной из тех черт, которыми Аршакиды стремились доказать свои законные права на наследование власти династии, родство с которой они утверждали¹⁰⁰.

Тот же самый характер имеют и многие мелкие предметы декоративного искусства, найденные в Нисе. Среди них также представлена группа явно привозных вещей, таких, например, как серебряная позолоченная статуэтка Афины¹⁰¹ или серебряная фигурка Эрота¹⁰². В то же время имеется группа изделий местного производства, в которых можно наблюдать, так же как и в ритонах, слияние местных и эллинских представлений. К ним относится бронзовая фи-

⁹⁷ Г. А. Пугаченкова. К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии. «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 6, стр. 53.

⁹⁸ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 65.

⁹⁹ См., например: A. Godard. L'art de l'Iran, табл. 43.

¹⁰⁰ Agg., Parthica, fr. 1.

¹⁰¹ М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., рис. 17; Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 20.

¹⁰² М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества, рис. 16.

Бронзовые светильник I в. до н. э. и статуэтка грифона

гурка сфинкса¹⁰³. Особенно интересна серебряная фигурка грифона¹⁰⁴. Она стоит на прямоугольном основании. В этом существе сливаются черты целого ряда животных. У него круглый, видимо орлиный, клюв, заостренные уши хищника, козлиная борода, туловище и задние лапы зверя кошачьей породы, стриженная конская грива, выброшенные в позу прыжка и напоминающие лапы передние лапы, перерастающие в пару крыльев. Над грудью у него находится вертикальный стержень, поддерживающий туловище. Он резко ослабляет впечатление прыжка и придает фигуре статичность. Характерно, что эта фигурка мало похожа на грифонов, изображенных на ритонах, видимо, этот образ целиком местный, унаследовавший гораздо меньше черт своего иранского прототипа, чем грифоны с более парадных ахеменидских ритонов. Интересно также бронзовое зеркало с горельефной полуфигурой оленя на его обороте, где животное представлено в момент прыжка¹⁰⁵. Это зеркало напоминает памятники сибиро-алтайского звериного стиля и, видимо, связано с культурой кочевых племен Парфии¹⁰⁶.

¹⁰³ Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Указ. соч., стр. 20, 21; М. Е. Массон. Новые археологические данные..., рис. 15.

¹⁰⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Указ. соч., стр. 23; Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, № 2, стр. 76, 77.

¹⁰⁵ Подобное изображение имеется на печати из «круглого храма», см.: Н. И. Крашенинникова, Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 126.

¹⁰⁶ Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Указ. соч., стр. 22, 23.

Очень интересен бронзовый светильник из парфянского некрополя Новой Нисы, датируемый по медной парфянской монете Орода I (57—38/37 гг. до н. э.)¹⁰⁷. Напоминаая по форме эллинистические светильники и имея ручку, изогнутую так, как изгибались ручки у чернолаковых киликов IV в. до н. э., он в то же время украшен изображением козлоподобного демона. Изображения подобных демонов были популярны в парфянском искусстве. Они встречаются и на нисийских ритонах¹⁰⁸. Одно изображение имеется на чаше сасанидского времени¹⁰⁹. Видимо, светильник входит в круг памятников прикладного искусства Парфии, которые характеризуются синкретическим слиянием местного и эллинского начал.

Важный материал по парфянской сфрагистике представляют оттиски печатей, обнаруженные при раскопках в Нисе¹¹⁰. Все оттиски хорошо делятся на несколько групп. В первую, очень немногочисленную, входят печати, стойко сохраняющие ахеменидскую традицию. Это изображение единопорства царя с крылатым вставшим на дыбы чудовищем и печать с изображением клятвы двух воинов. В другую группу печатей входит цикл изображений с зооморфными сюжетами, состоящими из парных изображений животных с «древом жизни» между ними, и изображений животных: горного барана, козла, зебувидного быка, джейрана, антилопы, коня. Эта группа печатей, хотя и могла восходить своими истоками к древнейшим традициям, в частности к традициям искусства кочевников, в то же время достаточно хорошо согласуется с общим обликом парфянского искусства.

Следующей группой являются сюжеты, связанные с кругом эллинистического искусства, но в его преломлении через восприятие парфян, придававших многим образам, пришедшим из эллинистического мира, свой характер и внутреннее содержание. Это наковальня Гефеста, крылатый сфинкс, эллинические божества (Афина, Афродита). Особое место занимают печати, прославляющие парфянских царей: крылатая Ника, венчающая конного царя, царь на мерно ступающем коне, царская охота. Эта группа особенно интересна тем, что многие сюжеты ее позднее вошли в арсенал сасанидской глиптики, что еще раз подчеркивает преемственность парфянского и сасанидского искусства¹¹¹.

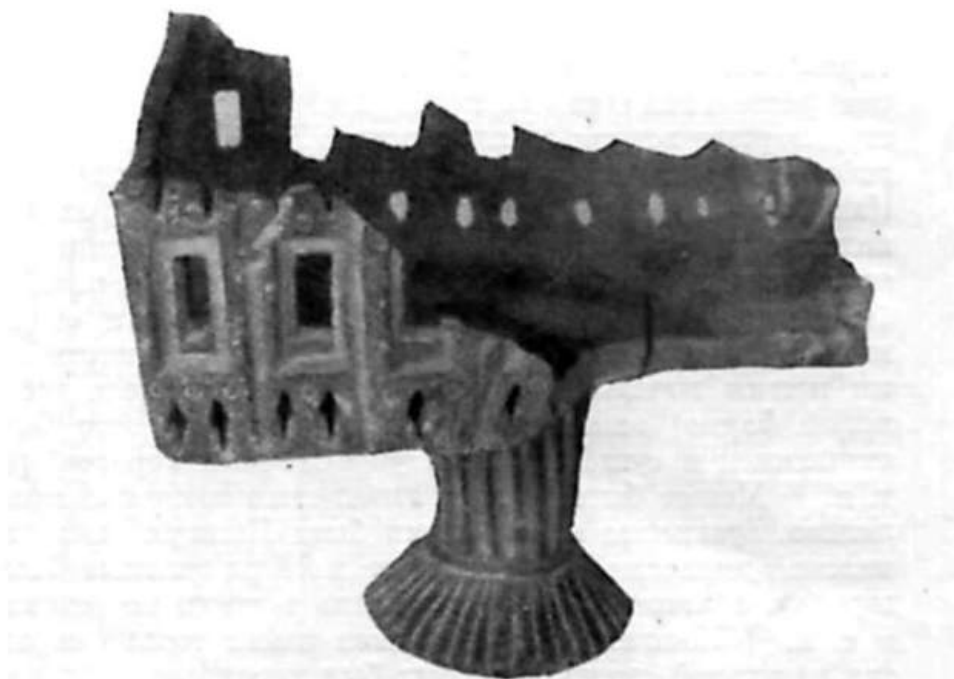
¹⁰⁷ М. Е. Массон. Городища Нисы..., стр. 33.

¹⁰⁸ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны... Альбом, табл. V—VIII, X, IV, XV.

¹⁰⁹ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVIII, № 45.

¹¹⁰ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы, стр. 159—169; М. М. Дьяконов. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. ВДИ, 1954, № 4, стр. 169—173.

¹¹¹ Наличие нескольких ярко выраженных групп внутри всей коллекции парфянских печатей из Нисы заставляет отнестись с большим сомнением к выводам В. Г. Луконина в главе «Штриховая резьба и проблема парфянской глиптики» в книге:

Ниса. Стеатитовая курильница

Тесно связанным с Парфией был Дахистан, расположенный к северо-западу от оазисов прикопетдагских равнин. Археологические работы в этом районе¹¹² позволили выделить группу памятников из центральной и западной частей Мисрианской равнины, возникновение которых относится к парфянскому времени. Раскопки (правда, в небольших масштабах) проводились на двух городищах: Ортадепеслик и Хаилы-депе. Ортадепеслик представляет собой квадратное в плане городище со сторонами около 130 м. Нижние слои его относятся к первым векам нашей эры, верхние же — к VI—VIII вв. н. э.; та же самая картина наблюдается и на городище Хаилы-депе. Очень интересна керамика из этих раскопок, имеющая своеобразные формы, отличные от форм керамики из оазисов северной Парфии. Большая часть керамики вылеплена от руки. Это позволяет говорить о более низком уровне развития этих племен по сравне-

А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963, стр. 23—30, так как они упорно подчеркивают только эллиптические сюжеты и влияния в парфянской глинке и совершенно оставляют без внимания остальные печати, достаточно выразительные и многочисленные.

¹¹² В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. «Известия АН Туркменской ССР», 1953, № 1, стр. 54 сл.; он же. Археологические работы на Мисрианской равнине. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 66 сл.; он же. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1961, № 2, стр. 36 сл.

нию с населением собственно парфянских областей. Представляется справедливым мнение В. М. Массона, что именно этот район был центром расселения дахо-парнских племен, живших на весьма обширных территориях вокруг оазисов севера Парфии¹¹³, хотя, по всей видимости, район их расселения нельзя ограничивать только окраинами оазисов. Как показали недавние работы¹¹⁴, кочевые дахо-парнские племена влияли и в районы расселения оседлого населения. Также представляется несомненным, что, вопреки мнению античных географов, дахи не были в полной мере кочевниками¹¹⁵, а имели и оседлые поселения, возможно укрепленные. Видимо, здесь можно провести аналогию с условиями жизни кочевых племен дельты Сыр-Дарьи, где также (но в более яркой форме) заметно сосуществование кочевого быта с оседлым, проявившимся в существовании укрепленных городов, развитого ремесла и т. п.¹¹⁶ Может быть, в этом отношении возможно провести, хотя и отдаленное, сравнение с условиями быта Боспора эпохи господства там сарматской династии, когда зимние месяцы знатные боспорцы проводили в городах, а летом выезжали в степь и жили по-кочевнически в кибитках и т. п.¹¹⁷ Конечно, это сравнение имеет только ограниченное значение, так как такой смешанный быт был характерен только для части племен, а основная масса их, особенно племен периферийных по отношению к главным центрам парно-дахской конфедерации, жила в условиях чисто кочевого быта.

Широкое расселение кочевых племен на окраинах оазисов и в горных районах сейчас не вызывает сомнения¹¹⁸. Видимо, их влияние на культуру и быт оседлого населения было довольно значительно — не зря говорил Страбон, что «парфяне сохранили в своих нравах много варварского и скифского» (Strabo, XI, 9, 2). В свою очередь кочевники также подвергались воздействию культуры оседлого населения. Например, вся посуда, находящаяся в курганных погребениях кочевников, выполнена на гончарном круге и, видимо, в мастерских оазисов. Этот факт подтверждается и изучением маргианского поселения керамистов Джин-депе, производивших керамику для кочевников степей (см. ниже). Таким образом,

¹¹³ В. М. Массон. К истории..., стр. 38—39.

¹¹⁴ А. М. Манделштам. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1963, № 2, стр. 32.

¹¹⁵ В. М. Массон. Изучение культуры..., стр. 58—59.

¹¹⁶ С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, № 2, стр. 40.

¹¹⁷ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 185.

¹¹⁸ М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества...; А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. «Труды ИИАЭ АН Туркменской ССР», V. Ашхабад, 1959; А. М. Манделштам. Указ. соч.

налицо известное различие между племенами ядра дахо-парфийской конфедерации, жившими на Мисрианской равнине, и кочевниками, жившими в большей близости к районам северной Парфии. В культуре этих племен особое внимание привлекают черты (прослеживаемые на основании изучения керамики и погребального обряда) близости с кочевым населением более северных районов¹¹⁹. Это тем более интересно, что и в архитектуре Парфии мы уже отмечаем черты, свидетельствующие о некоторых связях с этими районами. Возможно, проводниками северных влияний выступали кочевые племена.

Дахо-парфийские племена играли огромную роль в политической жизни Парфии, поставляя значительную часть конницы в аршакидскую армию. Отражением этого, несомненно, являются многочисленные упоминания античных авторов о скифских контингентах в парфянской армии¹²⁰. Видимо, эти племена были и сторонниками проведения агрессивной внешней политики. Живя в условиях распада первобытнообщинного строя, когда у представителей выделявшейся знати, тесно связанной с аршакидской династией, оказывались под рукой вооруженные дружины, верхушка этих племен видела основной источник своего обогащения в непрерывных грабительских походах. Это отражено, видимо, в известном месте у Фавста Византийского, где говорится об обстоятельствах принятия христианства одной из групп прикаспийского населения, во главе которой стояли потомки Аршакидов. Уже окрещенные, они отказались от этой религии, так как она запрещала разбойничьи набеги¹²¹. Так выглядит это событие в описании христианского писателя-апологета. Но за морализаторскими сентенциями его рассказа ясно проступают черты идеологии верхушки полукочевых племен, тесно связанных с домом Аршакидов и бывших одним из главных источников их военной силы.

¹¹⁹ А. М. Марущенко. Указ. соч.; А. М. Мандельштам. Указ. соч., стр. 33.

¹²⁰ Г. А. Кошелев. Внутриполитическая борьба в Парфии, стр. 65.

¹²¹ Фавстос Бузанд. История Армении. Ереван, 1953, стр. 14.

Мидия

С запада к Парфии примыкала Мидия. Наши сведения об истории и культуре Мидии в парфянское время довольно отрывочны. Поэтому приходится говорить о характере ее культуры в общем, не выделяя внутри нее отдельных районов, несмотря на то, что в парфянское время Мидия делилась на несколько областей. Так, уже со времени македонского завоевания от собственно Мидии отделилась Мидия Атропатена, пользовавшаяся гораздо большей самостоятельностью, чем остальные районы Мидии. Исподор Харакский, не упоминая о Мидии Атропатена, так как она не лежала на трассе главной царской дороги, насчитывает в пределах остальной Мидии четыре отдельных владения (видимо, сатрапии): Мидия, Комбадена, Верхняя Мидия и Мидия Рагиана (*Isid. Charax. Mans. Parth.*, 4—7). Страбон, выделявший в своем описании не административные единицы, а этнокультурные области, упоминает о делении Мидии только на две части: Мидию Атропатеу и Великую Мидию (*Strabo*, XI, 13, 1). В его описании Мидии необходимо подчеркнуть определенную разницу между низменными и горными областями страны. Первые, по его словам, очень плодородны, вторые — суровы в природном отношении и населены дикими, воинственными племенами.

Правы и обычаи мидийцев близки персидским и армянским. В Мидии было довольно большое число греческих городов, основанных македонянами (*Strabo*, XI, 13, 6): Лаодикея, Анамея, город около Раг (видимо, Харакс — *Isid. Charax. Mans. Parth.*, 7), город Раги, основанный Селевком Никатором, назвавшим его Европом, а затем переименованный парфянами в Арсакню. Большой славой пользовались мидийские лошади, похожие на парфянских.

Древняя история Мидии изучена довольно подробно¹. После вхождения в состав Ахеменидской державы она наряду с собственно Персией

¹ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956; И. Алиев. История Мидии. Баку, 1960.

занимала привилегированное положение в державе Ахеменидов². В период завоеваний Александра Македонского намечается известное различие в судьбах отдельных районов Мидии. Центральные районы ее попадают непосредственно под власть греко-македонян, придававших ей очень большое значение, так как именно через Мидию осуществлялась связь с восточными сатрапиями и поэтому здесь основывается довольно большое число греческих городов³. Северо-западные районы Мидии — Мидия Атропатена — вскоре после смерти Александра Македонского становятся совершенно независимыми⁴. Сведения о политической истории Мидии в селевкидское и парфянское время чрезвычайно отрывочны. Видимо, еще до начала царствования Антиоха III парфяне сумели захватить наиболее восточные области Мидии, что ясно из описания военных действий Антиоха против парфян, которые проходят на границах между Гирканией и Мидией (Polyb., X, 27—31). В самой Мидии в начале царствования Антиоха III против него восстают сатрап Мидии Молон и его брат Александр — сатрап Персиды (Polyb., V, 40—54), захватившие почти все восточные области селевкидской державы, в том числе и Вавилонию с Месопотамией. Войска Антиоха понесли несколько поражений, а затем армия Милона была разбита, и он сам покончил жизнь самоубийством.

По окончании этой войны Антиох III совершил поход против Мидии Атропатены, в результате которого царь ее Артабазан признал свою зависимость от селевкидского правительства (Polyb., V, 55).

Восточный поход Антиоха III начинается тоже с Мидии. В частности, богатства одного из храмов Экбатан обеспечили необходимыми средствами поход селевкидского царя: в результате перечекалки драгоценных металлов из храма царская казна получила 4000 талантов (Polyb., V, 27). На восточных границах Мидии после военных неудач парфянские войска были вынуждены оставить крепость Сиринку. Перед этим они перебили все греческое население города (Polyb., X, 31). Этому событию особое значение придавали В. Тарн и А. Г. Бокщанин⁵. Нам представляется, что это событие показывает характер отношений греков и парфян в период возникновения парфянской державы, резкую антиэллинскую направленность политики парфян, особенно в первый период существования Аршакидского государства, когда были еще сильны воспоминания о греко-македонском владычестве и парфяне стремились выступить в роли освободителей народов Востока от селевкидской власти.

² И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 422.

³ Полибий (X, 27, 3) отмечал, что по приезде Александра Македонского Мидия была окружена со всех сторон эллинскими городами для защиты от окружающих варварских племен.

⁴ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 441 сл.; М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 162; R. Ghirshman. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. Harmondsworth, 1954, стр. 221.

⁵ W. Tarn. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, стр. 21; А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. М., 1960, стр. 203.

Таким образом, в результате похода Антиоха III восточные области Мидии вновь вошли в состав Селевкидской державы, упрочилась власть Селевкидов в собственно Мидии, а Мидия Атропатена признала свою вассальную зависимость. Однако вскоре начался новый период резкого ослабления власти селевкидских царей, тотчас сказавшегося и в Мидии. Мидия Атропатена вновь становится независимой (после смерти Антиоха IV) ⁶. Также независимым становится и сатрап Мидии Тимарх, объявивший себя царем и начавший чеканить собственную монету ⁷. Вскоре, однако, Мидия попадает под власть парфян.

В результате долгой войны (161—155 гг. до н. э.) ⁸ Митридат I Парфянский захватывает Мидию и назначает там правителем некоего Багаза (Just., XI, 6). В большинстве завоеванных в это время владений парфяне оставляли местные династии, ограничиваясь признанием зависимости со стороны своих новых подданных. Непосредственное включение Мидии в состав аршакидских царских владений, видимо, является отражением большой роли этой области (в стратегическом, политическом, экономическом и, возможно, идеологическом отношениях). Видимо, тогда же подчинилась Парфии и Мидия Атропатена, однако твердо датировать это событие невозможно, так как на долгое время, вплоть до событий первой четверти I в. до н. э., Мидия Атропатена выпадает из поля зрения источников.

Большая Мидия сыграла выдающуюся роль в отражении угрозы нового селевкидского завоевания в период похода Антиоха VII Сидета. Когда после ряда побед над парфянскими войсками Антиох VII разместил свои отряды по населенным пунктам Мидии, одновременное восстание во всех этих населенных пунктах сыграло решающую роль в гибели селевкидской армии (Just., XXXVIII, 10). Возмущение мидийского населения, страдавшего от постоя селевкидских войск, было использовано парфянами, близкими мидийцам в языковом и этническом отношении ⁹. Гибель армии Антиоха VII Сидета положила конец надеждам на восстановление селевкидского господства. Интересно, что именно в Мидию продавали жителей Месопотамии, участвовавших в антипарфянских выступлениях этого времени (Diod., XXXIV, 44a). Возможно, что подобной продажей, очевидно по низким ценам, парфянские владыки стремились «отблагодарить» население Мидии за поддержку в трудную минуту.

Следующие исторические события, связанные с Мидией, происходят в период усиления Армении при Тигране II. Воспользовавшись временным ослаблением Парфии, Тигран совершает нападение на Мидию (Isid. Charax. Mans. Parth., 6) и превращает Мидию Атропатену в

⁶ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 245; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 183.

⁷ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 183.

⁸ N. C. Debevoise. A political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 21.

⁹ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 185, 186.

свое вассальное царство¹⁰. Однако эта зависимость, видимо, не была длительной; Мидия и Мидия Атропатена играют выдающуюся роль уже в событиях I в. до н. э. Мидия Атропатена была ареной римского нападения во время похода Антония. Героическая защита столицы ее — Фрааспы (Так-и-Сулейман)¹¹ от римских войск способствовала крушению плана Антония завоевать Парфию¹². Тогда же позиции Великой Мидии имели большое значение в борьбе двух основных группировок среди господствующего класса Парфянской державы; она была одной из главных опор антиримской, «патриотической», группировки, предоставлявшей значительные силы для отражения нападения римских ставленников на аршакидский трон, и надежным убежищем в случае поражения для их противников¹³.

Иногда римские питриги в Мидии Атропатене имели успех, и она выступала против центрального правительства¹⁴, однако основным политическим течением там было антиримское, наиболее ярким показателем чего был тот факт, что именно царь Мидии Атропатены Артабан III (Аршакид по матери, связанный родством со знатью кочевых племен северо-востока Парфии) стал основателем династии младших Аршакидов и наиболее яростным противником римлян¹⁵. Сообщения Тацита и Иосифа Флавия показывают нам то идеологическое знамя, под которым выступают сторонники Артабана. Их возмущает, что престол Аршакидов раздается, как римская провинция, их неудовольствие вызывает близость Тиридата III (римский ставленник, противник Артабана) к грекам (Тас., Анн., II, 2). Борьба с Римом и римскими ставленниками идет под знаком борьбы за восстановление державы Кира и Александра (Тас., Анн., VI, 31; Dio Cass., XVIII, 26; Suet., Tiber., 66). После захвата аршакидского престола Артабан II назначает своего брата Вонона правителем Мидии Атропатены¹⁶; с этого времени, видимо, до падения династии Аршакидов здесь правила одна из младших ветвей Аршакидского дома¹⁷. Позднее Мидия и Мидия Атропатена очень редко появляются в сообщениях античных писателей. Так, в частности, дважды упоминается о втор-

¹⁰ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 51; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 193.

¹¹ H. C. Rawlinson. Memoir on the site of atropatenian Ecbatana. «Journal of royal geographical society», X, 1841, стр. 113—115; A. von Gutschmidt. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Großen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888, стр. 98.

¹² N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 125 сл.; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 216, 217; R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 254.

¹³ Г. А. Кошеленко. Внутриполитическая борьба в Парфии. ВДИ, 1963, № 3, стр. 56 сл.

¹⁴ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 134, 135, 141.

¹⁵ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 152; U. Kahrstedt. Artabanos III und seine Erben. Bern, 1950, стр. 11.

¹⁶ Г. А. Кошеленко. Указ. соч., стр. 60; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 223.

¹⁷ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 263.

жениях алан на ее территорию¹⁸. Очевидно, задел Мидию и поход римского императора Каракаллы (Dio Cass., XXXVIII, f.); в борьбе двух аршакидских царей Артабана V и Вологеза V (непосредственно предшествующей гибели аршакидской династии) первый из претендентов, по видимому, опирался на Мидию¹⁹.

Таковы те краткие сведения, которые можно почерпнуть из античной традиции о политической истории Мидии в селевкидское и парфянское время. Несомненно, многие из важных событий в политической жизни Мидии, особенно в поздний период, остались неизвестными. Однако и то, что мы знаем, позволяет сделать некоторые выводы об обстановке, в которой происходило развитие культуры Мидии. Пужно прежде всего отметить значительные масштабы греческой колонизации в Мидию, основание там целого ряда греческих городов. Греческое население играло в жизни Мидии этого времени довольно значительную роль. С другой стороны, местное население — ираноязычное и близкое этнически и, вероятно, культурно парфянам — было верной опорой Аршакидов²⁰. Все это не могло не привести к резким столкновениям с греками, для которых приход парфян означал утерю прежнего привилегированного положения. Отголоском этих столкновений явились дошедшие до нас сообщения о резне в Сиринке и о восстании против Антиоха Сидета. Безусловно, эти драматические события наложили свой отпечаток на развитие культуры Мидии.

Культура Мидии изучена вообще далеко не достаточно. Некоторые сведения можно почерпнуть из античных источников, кое-какой материал дают археологические исследования. Однако о градостроительстве и фортификации Мидии известно очень немного. Несомненно, там было много городов²¹. Из них археологическим исследованиям (хотя и то поверхностным) подвергался только Фрааспа (Так-и-Сулейман), развалины которого находятся в Иранском Азербайджане к югу от Тавриза²². Город был построен в конце II в. до н. э.²³, и на протяжении всего последующего времени он был важным военным центром (именно здесь, как

¹⁸ См.: N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 201, 241; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 226.

¹⁹ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 229.

²⁰ Отражением значения Мидии в составе Аршакидского государства является частое употребление в античной литературной традиции термина «мидяне» вместо «парфяне». Вряд ли это было результатом только традиции.

²¹ Исидор Харакский упоминает в пределах Великой Мидии девять городов. Безусловно, это только те, которые находятся на царской дороте.

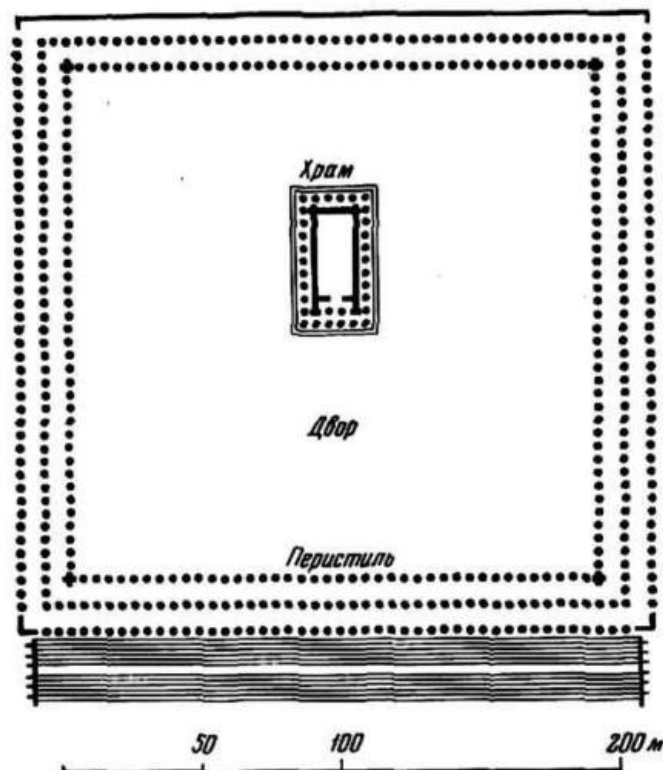
²² A. U. Pope. The Institute's survey of persian architecture. Preliminary report on Takht-i-Sulayman. «Bulletin of the American Institute for Iranian art and archaeology», vol. 2. New York, 1937, стр. 75.

²³ В недавнее время, правда, высказывались сомнения в том, что Так-и-Сулейман был парфянским городом, но два крупнейших специалиста по археологии Ирана (А. Годар и Р. Гиршман) считают его парфянским. См.: A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, стр. 173; R. Ghirshman. The Persian art. The Parthian and Sassanian Dynasties. New York, 1962, стр. 35 и 87.

Фраасна (Так-и-Судейман). Вид с самолета

мы писали выше, потерпел поражение Антоний). Городские стены в плане образуют круг, протяженность их 1120 м, толщина 3 м, высота около 13 м. По всему периметру стены расположено 37 башен. Башни в плане полукруглые — это один из ранних примеров подобного усовершенствования городских укреплений. Стена и башни сделаны из мелкого камня на растворе, фасовые стороны облицованы тесаным камнем. Здесь применяется тот же способ кладки, который мы позднее увидим в Хатре, но там он станет несколько менее грубым, чем в Фрааспе. Ворота фланкируются мощными полукруглыми бастionsами. Верхние части проема ворот оформлены в виде полуциркульных арок. Характерной особенностью башен является то, что они почти целиком сплошные и напоминают башни крепостей парфянской Маргианы, где также в позднюю пору их существования внутренние помещения закладывались и вся башня превращалась в единый монолит. Особое внимание привлекает циркульный план города. Мы уже отмечали, что происхождение подобного плана связано с кочевническими приемами укрепления лагерей. Внутри города находится озеро.

Храм в Кенгавере. План

Ничего не известно о других видах зодчества, кроме храмовой архитектуры Мидий селевкидо-парфянского времени. Однако храмы дают очень ясное представление о развитии зодчества.

К эллинистическому времени относится храм в Кенгавере, посвященный Артемиде (Анахите). Хотя вопрос о времени его сооружения нельзя считать окончательно решенным, так как на этот вопрос все еще существуют два взгляда, все-таки после работ Э. Герцфельда надо признать, что храм относится к селевкидскому, а не парфянскому времени²⁴. О значении этого святилища свидетельствует упоминание о нем в итинерарии Исихора Харакского (Isid. Charax. Mans. Parth., 6), где отмечаются только важнейшие объ-

екты, встречавшиеся на пути. Храм в Кенгавере состоит из обширного священного участка, окруженного по периметру колоннадой из трех рядов колонн. Священный участок представляет собой довольно высокую платформу: с одной стороны ее находится монументальная лестница, разделенная на два марша. В центре возвышается святилище. Это перистиль с 11 колоннами по длинной стороне и шестью по короткой. При входе в целлу стоят две колонны между антами.

Характерной чертой этого совершенно греческого, эллинистического по плану и архитектуре храма является смешение в его ордере дорических, ионийских и коринфских черт. Так, с ионийскими базами и ионий-

²⁴ См.: E. Flandin, P. Coste. Voyage en Perse pendant les années 1840—1841. Perse ancienne, vol. I. Paris, 1851—1854, табл. 20—23, стр. 403—410; D. Dieulafoy. L'art antique de la Perse, vol. 5. Paris, 1885, стр. 7—11; E. Herzfeld. Archaeological history of Iran. London, 1935, стр. 50; O. Reuther. Parthian architecture. SPA, t. I. London—New York, 1938, стр. 413 сл. Годар его датирует концом III или началом II в. до н. э. (L'art de l'Iran..., стр. 165), к тому же времени склоняется и Р. Гиршман (The Persian art..., стр. 24).

скими в основном пропорциями в высоте колонн и размере интерколумниев соединяется дорийский эхин и коринфский абак. Обычно принято видеть в такой трактовке ордера влияние местных вкусов, пример упадка греческого искусства под влиянием контактов с азиатским миром²⁵. Но вряд ли это справедливо. Такое смешение черт ряда ордерных систем в эллинистическую эпоху представляет собой довольно обычное явление, которое, конечно, не может быть объяснено влиянием «грубых вкусов» азиатов. То же самое можно сказать и о главной композиционной идее святилища. Вряд ли можно в этом видеть развитие древних азиатских черт²⁶. Подобный способ планировки комплекса святилища в виде прямоугольной колоннады, заключающей в себе храм, — обычный широко распространенный в эпоху эллинизма прием. Таким образом, в Мидии в парфянскую эпоху, как и в некоторых других старых центрах, стояли храмы селевкидского времени, самое существование и архитектура которых определялись вкусами греков-колонистов. Возникновение их и их архитектурные формы никак не связаны с местными традициями, подобно тому как не связан с местными традициями пастбный дом раннеселевкидского времени в таких греческих городах, как Селевкия и Дура-Европос. Их строили греки и для греков, в них почти полностью отсутствовали местные строительные и архитектурные традиции.

К этому же кругу памятников относятся и объекты из еще не раскопанного храма около Нехавенда. То, что здесь был храм, устанавливается на основании обнаруженных здесь же надписей Антиоха III²⁷, в которых говорится о городе Лаодикее, получившем имя жены Антиоха — Лаодики после ее обожествления²⁸. Найденные здесь несколько бронзовых статуэток — Афина, Зевс, Аполлон, Деметра — видимо, даже не местного производства, а привозные из Сирии или Египта²⁹.

В дальнейшем развитие архитектуры идет по пути синтеза эллинских и местных элементов. Начало этого процесса отмечено строительством эллинских по устройству храмов в местах, которые считались у местного населения священными. Примером может служить храм в Демавере (возле Керманшаха), правда, еще не раскапывавшийся. Здесь обнаружены остатки каменного бассейна, украшенного бюстами сатиров и Силена. Храм, к которому принадлежал этот бассейн, вероятно, был сооружен в честь Диониса³⁰. Возведение его, видимо, объяснялось отождеств-

²⁵ M. Dieulafoy. Указ. соч., стр. 10.

²⁶ Так, Р. Гиршман считает, что возведение храма на платформе — это следование традициям Персеполя, но для подобного сравнения нет основания, поскольку персепольские здания, стоявшие на платформе, не имели сакрального значения.

²⁷ L. Robert. Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran. «Hellenica», vol. VII, 1949, стр. 6—8.

²⁸ R. Ghirshman. Persian art..., стр. 18; A. Godard. Указ. соч., стр. 165.

²⁹ R. Ghirshman. Persian art..., стр. 18.

³⁰ Там же.

лением обширной, хорошо орошаемой, прославившейся в древности своими конями и своими виноградниками равнины с мифической Нисой, неоднократно упоминавшейся в мифах доникийского цикла. Как известно, у ираноязычных племен существовал культ пьянящего напитка хомы; свидетельства о культе встречаются не только в зороастрийской, но и в греческой литературе. Видимо, о нем же говорит Страбон, рассказывая о ритуальных оргиях (Strabo, XV, 3, 20) у персов³¹. Вероятно, возведение храма в Демавере было одним из первых шагов на пути установления взаимодействия этих двух культов.

Но гораздо сильнее начавшееся взаимодействие прослеживается в остатках храма в районе деревни Хорхе (между Султанабадом и Кумом). От этого храма дошли только две стоящие колонны, они неоднократно упоминались в литературе, и анализ их часто служил основанием для самых уничижительных оценок парфянской архитектуры³². Не говоря уже о Герцфельде, который, основываясь на анализе этих колонн, писал о гибридном искусстве, не имеющем никакой эстетической ценности, достаточно назвать работу Р. Гиршмана, где сказано, что колонны «свидетельствуют о неспособности иранских архитекторов понять истинные функции греческих структурных элементов» и что «иранские художники довольствуются поверхностным сходством и не пытаются понять функциональное значение архитектурных черт, имитируя их, но не сохраняя их пропорции».

Но в какой мере справедливы эти жестокие оценки? Прежде всего, две колонны — это слишком мало для серьезных построений. Отметим, что этот храм, видимо, возводился в эллинистическое время, вероятнее всего, не мидийскими, а греческими архитекторами, стремившимися сочетать вкусы населения Мидии и греков, живших здесь уже достаточно долгое время и, по-видимому, попавших уже отчасти под влияние местной культуры. Характер этих колонн, с двойным узким плифсом, торусом над ним, несколько схематичной ионийской капителью и необычным соотношением высоты и диаметра колонны, придающим ей большую стройность, указывает на влияние местных архитектурных традиций, в частности деревянной архитектуры, которое сказывается в повышенной стройности колонн, а также на влияние древней мидийской архитектуры, известной по скальным гробницам, с которой связана форма колонн. Кроме того, нельзя считать, что отклонение от капонов, которые к тому же по-настоящему строго были сформулированы только в римское время (например, Витрувий), должно обязательно служить признаком неполноценности произведения искусства. Таким образом, колонны храма

³¹ Страбон отмечает единство обычаев персов и мидян (Strabo, XV, 3, 13).

³² E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 50—51; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. New York — London, 1941, стр. 283 сл.; R. Ghirshman. Persian art..., стр. 24 сл.; A. Godard. Указ. соч., стр. 164.

в Хорхе свидетельствуют о начавшемся взаимодействии между греческой и местной культурными традициями. Однако мы не видим дальнейшего развития этого процесса. Возможно, что до нас не дошли соответствующие памятники, но более вероятно другое объяснение. Мы уже писали о трагических событиях конца селевкидского владычества и о дальнейшем характере развития политики Мидии. Возможно, что этот «националистический» взрыв подавил греческое население не только политически, но и культурно.

К сожалению, достоверные остатки храмового зодчества Мидии парфянского времени не известны, так как храмы Фрааспы³³, ранее считавшиеся парфянскими, видимо, относятся к раннесасанидскому времени³⁴. Но во всяком случае эволюция достаточно ясно заметна и здесь — от греческого храма (Кенгавер) через Хорхе к типичному иранскому храму огня в раннесасанидское время. Конечно, позднепарфянское время было одним из естественных этапов на этом пути, что подтверждается также большим значением в истории маздеизма этого района, который в поздней традиции считался родной Зороастра³⁵. В исторической традиции отчетливо чувствуется связь Фрааспы с Аршакидской династией. Правителем Мидии до восшествия на ктезифонский трон был и Артабан III, при котором началась решительная оппозиция всему западному (греческому и римскому).

Ту же самую общую линию развития можно видеть на примере скульптуры. На смену памятникам эллинистической пластики приходят наскальные рельефы, столь характерные для всех периодов истории древнего Ирана. На территории Мидии известно три наскальных рельефа парфянского времени, которые находятся на скале Бисутун рядом с ахеменидскими надписями. Они позволяют установить любопытную линию развития. Древнейшим из них является рельеф Митридата II, находящийся под рельефом Дария Великого и датируемый приблизительно 100 г. до н. э.³⁶ Не случайным является уже сам выбор места, показывающий на стремление доказать связь с предшествующей династией. Это изображение очень сильно пострадало в XVIII в., и поэтому судить о нем можно только на основании рисунка, сделанного в XVII в. На нем

³³ D. Wilber. The Parthian structures at Takht-i-Sulayman. «Antiquity», vol. 12, N 48, 1938, стр. 389.

³⁴ R. Nauman. A fire temple of the magians in N.W. Persia. ILN, vol. 246, N 6546.

³⁵ A. V. W. Jackson. Persia past and present. New York, 1909, стр. 124 сл.

³⁶ R. Ghirshman. Persian art..., стр. 52. Из памятников собственно скульптуры (а не рельефов) известна только голова большой мужской статуи из Хамадана (Экбатаны) (R. Ghirshman. Iran..., стр. 279, табл. 34в), датируемая I в. н. э. Фрагмент очень сильно пострадал, но, несмотря на это, производит довольно сильно впечатление выражением глубокой сосредоточенной задумчивости. Это особенно поразительно, так как материал, из которого статуя изваяна, отличается невысоким качеством, а выполнение — простотой.

изображены в профиль четыре знатных парфянина, стоящие в затылок друг другу перед царем. Характерно очень большое сходство в общей концепции этой сцены с персепольскими плитами с изображениями царя и царицы³⁷. Можно заметить и некоторые отличия: например, очень низкий рельеф — черта, которая характерна для большинства парфянских памятников и, видимо, объясняется большим влиянием живописи (об этом ниже).

Другой памятник обнаружен там же и датируется временем Готарза II (38—51 гг. до н. э.)³⁸. На этом рельефе изображен царь на коне, устремляющийся на своего врага — узурпатора и римского ставленника. За царем следует его слуга. Царя венчает Ника. Характерна близость этого рельефа к рельефам последующего, сасанидского, времени, прообразом которых он является. Таким образом, эти два памятника показывают две черты в скульптуре Мидии: с одной стороны, связь с древним ахеменидским искусством, с другой — зарождение тех особенностей, которые затем разовьются в искусстве Сасанидского Ирана.

Кроме того, надо иметь в виду, что эти рельефы — официальные памятники царей Аршакидской династии и имеют значение в первую очередь как свидетельства художественных склонностей Аршакидской династии. Поэтому здесь важно выявить иранские концепции и приемы, господствующие в официальном искусстве Парфии и резко отличающиеся от искусства более западных, месопотамских, районов Парфии.

Из Мидии происходит также еще один небольшой рельеф, изображающий, видимо, местного правителя в момент совершения жертвоприношений³⁹. Он одет в типичный иранский костюм; изображение выполнено в низком рельефе, что сближает его с двумя предыдущими памятниками. Однако общий характер сцены совершенно иной. Строгая фронтальность изображения, жесткость и схематичность позы очень сильно напоминают сцену жертвоприношения Кюнона на стеной росписи в Дуре-Европос (см. ниже). Таким образом, выясняется любопытный факт: вне официального искусства Аршакидов иранские традиции оказались сразу же отброшенными и возобладали тенденции в искусстве, характерные для Месопотамии парфянского времени, главной чертой которых была так называемая фронтальность⁴⁰. Возникает некоторая возможность судить о влиянии Месопотамии на Мидию, а также о соотношении искус-

³⁷ Нам представляется не совсем верным сравнение этого рельефа с инвестируемыми рельефами сасанидского времени (E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East...*, стр. 288), поскольку для них более характерны копные фигуры участников этого действия.

³⁸ R. Ghirshman. *Persian art...*, стр. 52; E. Herzfeld. *Iran in the ancient East...*, стр. 288 сл.

³⁹ E. Herzfeld. *Iran in the ancient East...* стр. 289; R. Ghirshman. *Persian art...*, стр. 53.

⁴⁰ См. Г. А. Кошелев. О фронтальности в парфянском искусстве. «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 135 сл.

Рельеф на скале Бисутун

ства официального, связанного с династией, и искусства более широких кругов населения. Оно, как и официальное, отходит от эллинистических течений, но его характер иной. Той же линии развития следует и прикладное искусство, известное на основании находок из Денавера и Демавенда⁴¹.

Особого внимания заслуживает ритон из Демавенда⁴². Этот ритон из хорошей красной глины. Нижняя часть его завершается протомой козла с высокими загнутыми рогами, подогнутыми передними ногами. Он найден в небольшом некрополе, датируемом по монете Митридата II 123—

⁴¹ R. Ghirshman. *Persian art...*, стр. 101, 111.

⁴² M. Bahrani. *L'exposition d'art iranien à Paris. «Artibus Asiae»*, vol. XI, N 1/2, 1948, стр. 22, рис. 6. См. также: R. Ghirshman. *Notes Iranienes XI. Le Rhyton en Iran. «Artibus Asiae»*, vol. XXV, N 1, 1962, стр. 57 сл.

88 гг. до н. э. Ритон довольно близок по своим формам нисийским ритонам, но в отличие от них в нем совершенно не заметны эллинистические влияния. Поражает также его близость древним произведениям местного искусства (ритон из Калар-Дашта примерно X в. до н. э.). Однако форма раструба более стройная и элегантная, а фигурка козла выполнена тщательнее и свободнее. В некоторых ювелирных произведениях очень явственно проступают черты, роднящие их с искусством народов более северных степей (например, сарматским).

Таким образом, общая линия развития искусства Мидии достаточно ясна: первоначальное господство эллинистического искусства, в это время местные культурные традиции в сколько-нибудь монументальных формах не проявляются; затем недолгий период взаимодействия, приходящийся на конец селевкидского времени, а затем бурная реакция против всего греческого, находящая выражение и в архитектуре, и в скульптуре, и в декоративном искусстве. Во всем господствуют персидские традиции, часто идущие из глубокой древности, иногда появляются первые черты искусства последующей, сасанидской, эпохи. В области религии это связано с возросшим влиянием маздеизма⁴³.

⁴³ Об огромном значении магов в Мидии пишут многие античные авторы, в частности, Плиний (NH, VI, 29, 116).

ПЕРСИДА

История и культура Персиды (Фарса) нам известна еще менее, нежели история и культура Мидии. Древний центр Ахеменидской державы после завоевания Александра Македонского и сожжения Персепольского дворца очень редко попадал в поле зрения античных авторов. Так, Диодор (XIX, 21 сл. и 46), говоря о войнах диадохов, упоминает греческого сатрапа Персиды Певкеста. В эпоху Селевкидов известен сатрап Персиды Александр, поддерживавший своего брата Молона (сатрапа Мидии) в его борьбе с Антиохом III.

Наряду с греческими сатрапами, опиравшимися на греческие города, основанные в Фарсе¹, здесь появляются местные династии, видимо, подчиненные сатрапу. Единственные свидетельства о них — это четыре серии монет, чеканенных, очевидно, на монетном дворе Стахра — небольшого городка, возникшего не遠далеке от руин Персеполя². Монетный чекан этих правителей³ охватывает время от III в. до н. э. до начала сасанидской эпохи. В состав первой серии входят монеты четырех царей, правивших в III в. до н. э. Их титул, засвидетельствованный монетами, читается: «фратадара» или «фратарака». Нам представляется

¹ М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 163; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, стр. 149.

² E. Herzfeld. Archaeological history of Iran. London, 1935, стр. 47. Нам представляется неверным утверждение Э. Герцфельда (стр. 46), что местная «националистическая» партия пришла к власти уже около 300 г. до н. э. Этому противоречит свидетельство о существовании греческого сатрапа Персиды в эпоху царствования Антиоха III. Скорее всего в это время здесь утвердилось местная династия, признанная Селевкидами, власть которой распространялась на небольшой район вокруг Стахра.

³ Allote de la Fuye. Etudes sur la numismatique de la Perside. JA, 1906, стр. 577 сл.; G. F. Hill. Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922, стр. CLX сл., 195 сл.

более верным первое (фратадара — хранитель огня) чтение, предложенное Э. Герцфельдом⁴, так как оно очень хорошо согласуется с преобладающим типом изображений на реверсе этих монет, где царь рисуется стоящим с поднятыми руками перед храмом или алтарем огня. Вторая серия монет двух правителей охватывает III в. до н. э.; на монетах этой серии, так же как и последующих, появляется уже титул «шах» — царь. Третья серия (три правителя) обнимает I в. н. э., и четвертая — наиболее многочисленная — приходится на I в. до н. э. — начало II в. н. э.

Наиболее интересной чертой всех этих монетных эмиссий является чрезвычайно частое употребление на реверсе изображения алтаря или храма огня, что, видимо, должно символизировать верность правителей Персиды культу огня (представлявшего неперемennую часть любого из течений маздеизма). Весьма показательны и имена правителей, среди которых преобладают либо ахеменидские (Артаксеркс, Дарий), либо иранские мифологические (Менучихр), что, видимо, также говорит о сознательном поддержании древних традиций⁵.

Зависимость от Селевкидов прекращается, вероятно, вскоре после смерти Антиоха III, во всяком случае известна неудачная попытка Антиоха IV захватить Персеполь (M a k k a b., 9, 1—2)⁶. Время вхождения Персиды в состав Аршакидской державы не известно. Рассказ Помпея Трога (J u s t., XXVI, 1, 2—4) о том, что Деметрий II Никатор во время борьбы с парфянами был поддержан Персидой, заставляет думать, что последняя в это время либо уже вошла в состав Аршакидского царства (что отвечает смыслу слов Трога), либо находилась перед непосредственной угрозой захвата. С ликвидацией попыток восстановления Селевкидской державы Персида твердо входит в Аршакидское царство, сохраняя, правда, свою местную династию, которой даже разрешался чекан собственной монеты⁷. После восшествия на престол Артабана III местная династия на некоторое время оказывается замененной боковой ветвью Аршакидского дома⁸. О последующем времени, почти вплоть до начала сасанидской экспансии, приведшей к гибели государства Аршакидов, почти ничего не известно, кроме событий римско-парфянской войны при Септимии Севере, когда в 196 г. н. э. происходит восстание против Аршакида Вологеза IV (191—207/8 гг. н. э.) в целом ряде сатрапий, в том числе и в Персиде. Объединенные силы восставших дошли до Хоросана, где с большим трудом были разбиты аршакидскими войсками. Это свидетельствует о том, что тенденции к свержению Аршакидской династии и установлению власти новой династии, опиравшейся

⁴ E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 47.

⁵ A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936, стр. 84—85.

⁶ См.: N. C. Debevoise. Political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 21; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 183.

⁷ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 27.

⁸ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 183.

в своей борьбе на Фарс (Персиду), начали проявляться уже до выхода на историческую арену Сасанидской династии.

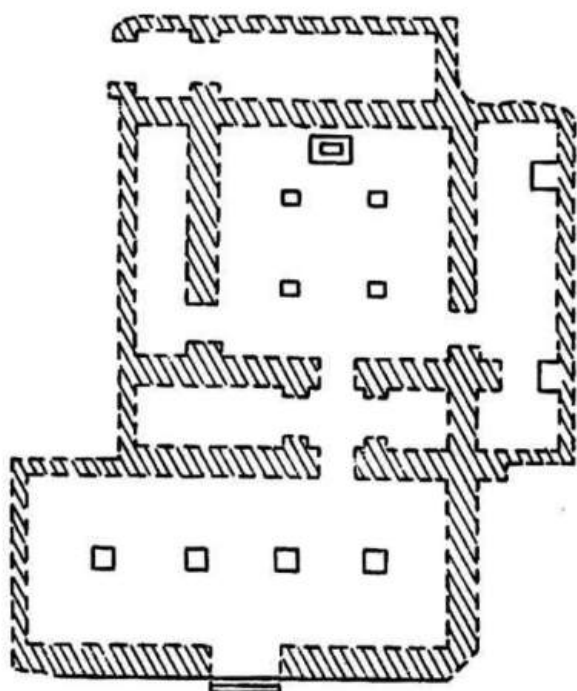
Таким образом, исторические условия развития культуры Персиды в селевкидское и парфянское время характеризуются сохранением древних ахеменидских традиций, о чем свидетельствуют не только данные нумизматики, но и сообщения древних авторов, в частности Страбона, подчеркивавшего традиционность культуры Персиды: сохранение бытовых и религиозных обычаев, большая роль магов и т. д. (Strabo, XV, 3). Особенно интересны его сообщения о религии персов (XV, 3, 13—15), чрезвычайно напоминающие свидетельства Геродота. Однако в идеологии появляется уже

целый ряд новых черт. Одной из них является более тесное слияние религиозной и светской власти, принимающей почти теократический характер, что проявляется, в частности, в появлении термина «фратадара».

Все эти новые черты оказали свое влияние на культуру Персиды. К сожалению, почти ничего не известно о характере градостроительного искусства и фортификации Персиды в селевкидо-парфянское время. Можно только отметить возникновение города Дарабжирда, стены которого в плане представляют совершенно правильный круг⁹. В качестве предположения можно высказать мнение, что этот город был построен парфянами в период установления их контроля над Персидой.

Наибольший интерес среди немногочисленных памятников культуры Персиды этого времени вызывает храм огня, построенный у подножья террасы Персеполя в селевкидское время¹⁰.

Ядром его служит большое квадратное помещение, четыре колонны которого образуют внутри другой меньший квадрат. Это помещение со всех сторон окружено маленькими комнатами, причем задняя из них никак не связана с главным комплексом. Перед центральным комплексом находится еще одно помещение, несколько смещенное влево. Это помещение вытянуто в поперечном направлении, по оси его стоят четыре колонны,

Персеполь. Храм огня. План

⁹ A. Stein. An archaeological tour in the Ancient Persis. «Iraq», vol. III, p. 2, 1936, стр. 191 сл., план 10.

¹⁰ K. Erdmann. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, стр. 29.

поддерживающие кровлю. Ось двери этой передней комнаты не совпадает с осью двери главного помещения, так что, находясь снаружи, невозможно видеть, что происходит внутри главного помещения. В главном помещении позади колонн обнаружен цоколь, на котором, вероятно, был алтарь для публичных культовых действий. Здесь же находились вделанные в стену два рельефа, изображающие царя и его супругу с ветвями баресмана в руках в позе глубокого почтения. Правая из боковых комнат с алтарем была хранилищем огня. В святилище найдены и греческие надписи, в которых упоминались божества, причем каждому иранскому имени бога соответствовало греческое (Ахура Мазда — Зевс Мегистос, Мифра — Аполлон Геллос, Анахита — Артемида).

Устройство этого храма очень показательное. Оно следует основным принципам конструкции иранского храма огня¹¹, безусловно развивая тип ахеменидского храма, известный по раскопкам Суз. Очень ярко заметны в храме Персеполя те черты, которые приписала новая эпоха¹². Прежде всего обводной коридор перестал существовать. На месте его появились четыре не связанные друг с другом комнаты. Центральный квадратный зал перестал быть хранилищем огня, которое переносится в боковой придел, а стал местом свершения общественных религиозных церемоний, ранее отпавлявшихся во дворе перед храмом. Эти новые черты сближают храм Персеполя с храмами Фрааспы, Нисы, Кух-п-Ходжа.

Итак, при твердой преемственной связи с традициями ахеменидской религиозной архитектуры развиваются черты, отражающие новый этап в развитии маздеизма. Эти новые черты порождены прежде всего внутренним развитием, а также влиянием греков.

В частности, такой новой чертой, порожденной внутренним развитием, является чисто теократический характер власти правителей Персиды. Если еще Ахемениды освящали царскую власть религиозной санкцией, то объединение в одних руках царской и жреческой власти, нашедшее выражение в титуле правителей «фратадара» — хранитель огня, — безусловно новое явление, не известное ахеменидскому Ирану.

Другим святилищем Персиды, сохранившимся до этого времени, является башня Нурабада, исследованная Р. Гиршманом¹³. Башня сложена из тесаного камня на растворе. Форма ее квадратная, размер каждой стороны 3,38 м. Вход в башню находится на южной стороне. Дверной проем помещался на высоте 2,45 м от уровня почвы, ранее здесь, ви-

¹¹ К. Erdmann. Указ. соч., стр. 29, 30; E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 46; R. Ghirshman. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. Harmondsworth, 1935, стр. 231; оп же. Persian art. The Parthian and Sassanian Dynasties. New York, 1962, стр. 26; A. Godard. Указ. соч., стр. 161.

¹² К. Erdmann. Указ. соч., стр. 30, 31.

¹³ R. Ghirshman. La tour de Nourabad. Etudes sur de temples iraniens anciens: «Syria», t. XXIV, fasc. 3—4. Paris, 1944—1945, стр. 175 сл.; оп же. Persian art..., стр. 25.

димо, была лестница. Значительную часть внутреннего помещения занимает лестница, ведущая наверх.

Гиршман убедительно показал, что подобного рода святилища существовали еще в ахеменидское время, так что памятник представляет собой дальнейшее развитие древнеиранской традиции, вероятно уходящей корнями в обычай почитания богов на вершинах гор, как это отмечается у персов еще Геродотом. С другой стороны, такого рода башни предшествуют развитию некоторых типов сасанидских святилищ. Характерной особенностью этого типа храмов является то, что алтарь с возжженным огнем горел на крыше башни. Прямые параллели этой башни мы находим в башнях-святилищах Старой Нисы, Таксиль. В раннеисламской литературе имеются указания на распространение подобной сакральной практики среди зороастрийцев.

Таким образом, развитие храмовой архитектуры Персиды в парфянскую эпоху идет в том же направлении, что и в других восточных районах Аршакидской державы. Это развитие базируется в основном на ахеменидских традициях, но не сводится только к ним. Ясно заметны новые явления, отчасти принесенные греками в эпоху господства Селевкидов, однако преувеличивать их значение нет оснований. Слияние античных и местных элементов заметно в нескольких капителях колонн и полуколонн из Стахра, в которых капители коринфского ордера смешаны с очень древними элементами местного происхождения¹⁴.

Еще менее, нежели архитектуру Персиды, знаем мы ее скульптуру. Эллинистическая скульптура представлена только одним образцом.

Рельеф из храма в Персеполе

¹⁴ E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. New York — London, 1941, стр. 278 сл.; R. Ghirshman. *Persian art...*, стр. 23.

Из Талли-Зухак происходит голова мраморной статуи Афродиты¹⁵, датируемая периодом 250—150 гг. до н. э. и, видимо, привезенная из Малой Азии. Отсутствие уже с довольно раннего времени греческого населения в Персиде, видимо, является причиной отсутствия следов греческих влияний в скульптуре Персиды этого времени. Скульптура Персиды известна по двум уже упоминавшимся рельефам, украшавшим вход в храм огня в Персеполе. Само помещение их в этом месте свидетельствует о старательном подражании старым, ахеменидским образцам.

На рельефах персидский правитель и его супруга стоят в позе глубокого почтения с ветвями баресмана в руках¹⁶. Обе фигуры изображены в профиль, в позах, которые иногда встречаются на мидийских рельефах. Характерно это следование самым древним прототипам. В то же время в технике исполнения видны черты, свойственные именно иранскому искусству парфянского времени: очень низкий рельеф, линейность, сухость. Нельзя, конечно, считать, что эти черты присущи только парфянскому искусству, встречаются они и раньше — достаточно вспомнить рельеф с изображением «крылатого гения»¹⁷, но именно в парфянскую эпоху влияние живописи на рельеф стало чрезвычайно сильным. Рельеф смотрится почти не как скульптура, а как вырезанный рисунок, например, рельефы со скалы Гисутун, два рельефа из Ашура. Ярко заметна эта черта и во многих рельефах Месопотамии.

Для истории культуры Персиды представляет большой интерес «некрополь у источника» в Персеполе¹⁸, где встречены трупоположения на спине в вытянутом положении с головой, ориентированной примерно на север. Э. Шмидт полагает, что кладбище может относиться к самому концу ахеменидского или началу послеахеменидского времени. Здесь намечается непрерывность традиции, идущей от времени Ахеменидов, и отсутствие захоронений в оссуариях. Это показывает, что верования широких масс населения оставались в пределах маздеистской религиозной системы, еще не трансформировались в канонический зороастризм.

Подводя итоги, мы должны подчеркнуть, что эллинизация Персиды была крайне поверхностной, стойко сохранялись местные культурные традиции, но это не означало культурного застоя. Многие факты свидетельствуют о том, что культура Персиды развивалась. Новые черты в храмовой архитектуре, скульптуре, официальной идеологии — все это достаточно ярко освещает этот процесс.

¹⁵ A. Stein. Указ. соч., стр. 140, 141, табл. XXIX, 33; L. V. Berghé. *Archéologie de l'Iran ancien*. Leiden, 1959, табл. 64.

¹⁶ E. Herzfeld. *Archaeological history...*, стр. 46; он же. *Iran...*, стр. 286; R. Ghirshman. *Persian art...*, стр. 26.

¹⁷ E. Porada. *Iran ancien. L'art à l'époque préislamique*. Paris, 1963, рис. на стр. 136.

¹⁸ E. Schmidt. *Persepolis*, t. II. Chicago, 1957, стр. 120 сл.

МАРГИАНА

Маргиана античных авторов, древнеперсидская Маргуш, Моуру — Авесты и Марв — среднеперсидских текстов занимала территорию в глубине пустыни Каракум, охватывая земли Мервского оазиса, хотя не исключена возможность, что в нее входили районы, расположенные не только по дельте Мургаба, но и в его среднем течении. Дельта Мургаба осваивается человеком, по-видимому, в эпоху бронзового века, когда основные поселения концентрируются на самом севере оазиса (Яз-депинская и Арвали-депинская группы памятников). В эпоху бронзового и раннежелезного века здесь впервые создаются большие оросительные системы, возникают поселения, имеющие уже цитадели¹. Видимо, в IX—VII вв. до н. э. возникают первые государственные образования, оформлявшиеся в виде небольших владений, центрами которых были крупные поселения с цитаделями (Яз-депе, Арвали-депе)².

В ахеменидское время, насколько можно судить по археологическому материалу, центр оазиса перемещается к югу, в район Эрк-калы и Гяур-калы, где интенсивное обживание территории начинается в тот период, когда Яз-депинский оазис переживал (в V—IV вв. до н. э.) последний этап своего расцвета³. Покорение Маргианы Ахеменидами вызвало усиление эксплуатации народных масс, отвечавших на это широкими общественными движениями. Так, видимо, именно в Маргиане впервые широкие народные массы восприняли проповедь Заратустры⁴, в которой

¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.—Л., 1959, стр. 122 сл.

² В. М. Массон. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. СА, 1958, № 2, стр. 63.

³ З. И. Усманова. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-кала. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1960, № 4, стр. 37.

⁴ В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V. М.—Л., 1948, стр. 5 сл.

имелась ясно выраженная демократическая тенденция⁵. Здесь же вспыхнуло в первые годы царствования Дария I восстание под руководством Фрады, жестоко подавленное сатрапом соседней Бактрии Дадаршишем, причем при подавлении восстания погибло 55 тысяч маргианцев⁶. С этого времени Маргиана входит в состав Бактрийской сатрапии.

Во время завоевания Ахеменидской державы Александром Македонским в Мервском оазисе было основано несколько городов: по свидетельству Курция Руфа, помимо города Маргианы (*urbs Margianae*), еще шесть крепостей на небольшом расстоянии от него (*Curt.*, VII, 10, 15). Плиний уже упоминает только об основании Александрии Маргианской (*N. H.*, VI, 18, 47). Видимо, основание Александрии Маргианской ограничилось созданием укреплений вокруг поселения на месте современного городища Гяур-кала⁷, а македонский гарнизон был помещен на Эрк-кале⁸. Интересно, что записанное в раннем средневековье местное предание приписывает основание «старинного города» на Гяур-кале именно Александру Македонскому (Искандеру Зулькарнейну)⁹. Спустя несколько лет, Александрия Маргианская была разрушена восставшими жителями оазиса. Город восстановил Антиох I, дав ему свое имя (*Plin.* N. H., VI, 18, 47). С этого времени и до середины III в. до н. э. Маргиана входила в состав державы Селевкидов. После возникновения Греко-Бактрийского государства Маргиана некоторое время была одной из его сатрапий. Вопрос о времени завоевания Маргианы парфянами сложен, так как прямых данных в источниках по этому вопросу нет.

М. Е. Массон и В. Тарн считают, что завоевание Маргианы парфянами произошло в период царствования Митридата II (123—88/87 гг. до н. э.), когда в долгой борьбе со среднеазиатскими кочевниками, захватившими остатки Греко-Бактрийского царства и вторгшимися в пределы Парфии, наступил перелом¹⁰. Другой точки зрения придерживаются С. П. Толстов и М. Г. Воробьева, относящие завоевание Маргианы к царствованию Митридата I (171—138/137 гг. до н. э.)¹¹, когда, воспользовавшись междоусобицами в Бактрии, парфяне захватили Маргиану, Дрангану, Арахозию и Арию. Ни та, ни другая точка зрения не подкрепляются достаточно твердыми указаниями источников, поэтому все выводы базируются на самых предположительных построениях. Так, для

⁵ В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. «Материалы ЮТАКЭ», I. Ашхабад, 1946, стр. 14.

⁶ Там же, стр. 26 сл.

⁷ З. И. Усманова. Указ. соч., стр. 36.

⁸ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 93.

⁹ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, стр. 93.

¹⁰ М. Е. Массон. О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИМК, вып. 38, 1951, стр. 147. Тарн даже дает более точную дату — 115 г. до н. э. (*W. Tarn*. Глава в САН, IX, стр. 584—585).

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 241; «История таджикского народа», I. М., 1963, стр. 308.

С. П. Толстова главным аргументом является утверждение, что приобретение богатой Маргианы, одной из наиболее цветущих провинций Греко-Бактрийского царства, явилось предпосылкой для быстрого роста хозяйственной и военной мощи парфян¹². М. Е. Массон в своих выводах опирается главным образом на отнесение известной серии парфянских монет с легендой ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ и названием трех сатрапий (Маргианы, Арии и Траксианы) к чекану Митридата II¹³. Однако имеются и другие взгляды на эту серию. Так, А. Марков относил ее к чекану Митридата I¹⁴, В. Вроз и Р. Мак Доуэлл считали эти монеты более поздними, нежели царствование Митридата II¹⁵, а в В. Тарн, хотя и относил их ко времени царствования Митридата II, но приписывал их не самому царю, а его соправителю на Востоке¹⁶.

Таким образом, нужно признать, что сколько-нибудь твердых оснований для точной даты вхождения Маргианы в состав Парфянского государства нет, и поэтому следует считать, что это событие свершилось примерно во второй половине II в. до н. э. С этого времени Маргиана на протяжении нескольких веков была крайней восточной областью Парфянской державы.

Со второй половины I в. н. э. происходит известное обособление Маргианы, в которой утверждается местная династия потомков Санабара¹⁷. Автономное положение Маргианы в составе Парфянского государства, по-видимому, продолжается до падения Аршакидской державы. Во всяком случае источники свидетельствуют, что в царствование первого царя Сасанидской династии Арташира существует и особый царь Мерва — также Арташир¹⁸. Далее, в литературном памятнике XI в. «Вис и Рамин» персидского поэта Факра аль-Дина Асаад Гургани, источником которого послужила парфянская поэма¹⁹, одним из главных героев является самостоятельный правитель Мерва, носящий титул «царя царей»²⁰. Любопытно сопоставить этот факт и вообще огромное значение, приписываемое Мерву в этой поэме, с легендами монет правителя Маргианы Санабара, которые читаются ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΣ ΣΑΝΑΒΑΡ или

¹² С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 241.

¹³ М. Е. Массон. О северо-восточных пределах..., стр. 147; он же. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. «Труды ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955, стр. 12.

¹⁴ А. К. Марков. Неизданные аршакидские монеты. ЗВРАО, т. VI. СПб., 1892, стр. 279 сл.

¹⁵ W. Wroth. British Museum. Catalogue of the coins of Parthia. London, 1903, стр. XXXI—XXXII; R. H. McDowell. The coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, стр. 52.

¹⁶ САН, IX, стр. 587.

¹⁷ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 16; В. М. Массон. Восточнопарфянский правитель Санабар. «Нумизматический сборник», II. М., 1957, стр. 34 сл.

¹⁸ В. Г. Лукопин. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, стр. 14.

¹⁹ V. Minorsky. Vis u Ramin. A parthian romance. «Bulletin of the School of Oriental and African studies», vol. XI, p. 4, 1946, стр. 745; vol. XII, p. 1, 1947, стр. 20.

²⁰ Там же.

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΣ ΣΑΝΑΒΑΡΟΥ²¹. Кроме того, в позднеантичной традиции упорно подчеркивается обширность владений Маргианы. У Плиния Маргиана следует сразу на восток за племенами Таруги, Анагиаси, Нурсани (N. H., VI, 18, 46), у Птолемея также она на западе граничит с Гирканией (VI, 10). Ту же традицию продолжает и Аммиан Марцеллин (XVIII, 6, 54) — «местность за гирканами выпала на долю маргианам». Если сравнить это с сообщениями писателя рубежа нашей эры Исидора Харакского, то окажется, что маргианские владения значительно расширились к западу, включив в себя и другие области современного Южного Туркменистана. Вероятно, начиная с середины I в. н. э. Маргиана, оставаясь формально в составе Аршакидской державы, приобрела значительную самостоятельность и ее влияние распространилось на все парфянские владения к северу от Копет-дага.

В связи с этим встает вопрос о взаимоотношениях Маргианы позднеаршакидской поры с Кушанской державой, под властью которой находились более восточные области Средней Азии. На основании сообщений китайской хроники младшего дома Хань о том, что Кушаны начали воевать с Аньси (т. е. Парфией)²², Р. Гиршман пришел к выводу, что все территории к северу от Копет-дага, кроме Дахистана, должны быть включены в состав Кушанской державы²³. Необоснованность данного вывода уже доказана работами М. Е. Массона, показавшего, что власть кушанских правителей никогда не распространялась на Маргиану, не говоря уже о более западных районах²⁴.

Таковы основные вехи политической истории Маргианы до вхождения ее в состав Сасанидского государства. В экономике Маргианы главную роль играло сельское хозяйство. Так, в частности, в китайских источниках говорится: «Там ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу, делают вино из винограда»²⁵. Природные условия Маргианы таковы, что посевы риса не везде были возможны, но зерновые культуры и виноградарство были широко распространены²⁶. Исключительное плодородие Маргианы отмечает Страбон, писавший, что, «изумленный плодородием равнины, Антиох Сотер велел обвести ее стеной 1500 стадий в окружности и основал город Антиохию. Эта страна богата виноградом. Рассказывают даже, что здесь нередко попадают

²¹ В. М. М а с с о н. Восточнопарфянский правитель..., стр. 38.

²² И. Я. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 227.

²³ R. G h i r s h m a n. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Caire, 1946, стр. 133 и карта на стр. 151; он же. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. London, 1954, стр. 260.

²⁴ М. Е. М а с с о н. Народы и области..., стр. 16, 17; он же. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. «Известия АН Туркменской ССР», 1952, № 5, стр. 15, 16.

²⁵ И. Я. Б и ч у р и н. Указ. соч., стр. 151.

²⁶ М. Е. М а с с о н. Народы и области..., стр. 30.

корни лозы, которые у основания могут охватить только двое людей, а виноградные гроздья в два локтя» (Strabo, XI, 8, 2). О распространении виноградарства в Маргиане говорит Плиний (N. H., VI, 18, 96). Некоторые данные для суждения о развитии виноградарства дает и археология. Так, при археологических работах на Гяур-кале было обнаружено много виноградных косточек, к северу от Мерва прослежены следы некогда бывших здесь виноградников²⁷. Видимо, известное значение имело и скотоводство, причем, помимо разведения крупного и мелкого рогатого скота, важными отраслями были верблюдоводство и коневодство. Развитие сельского хозяйства Маргианы было бы немыслимо без ирригационной системы, которая охватывала бы весь оазис. Вероятно, известное сообщение Исидора Харакского (Map. Parth., 14) об «обильной водой Антиохии» в Маргиане объясняется хорошо налаженным ирригационным хозяйством, снабжавшим водой поля, огороды и сады Маргианы. Именно на время вхождения Маргианы в Парфянское государство приходится окончательное сложение маргианской ирригационной системы, которая прослеживается в низовьях Мургаба, даже за пределами орошенных в средневековье земель²⁸.

Большое значение в жизни Маргианы играло ремесленное производство, развивавшееся главным образом в городах. О большом числе городов в Маргиане говорят древние авторы. Так, Птолемей называет Аркану, Сину (Сену), Аргадину, Язоннон, Рейу, Антиохию Маргиану, Гуриане, Нисайю (Нигайю) (VI, 10, 3—4). О нескольких городах говорит Аммиан Марцеллин, выделяя из них как наиболее известные Иасоний, Антиохию и Нигэю (XXIII, 6, 54).

В китайских источниках неоднократно упоминается Аньси — Парфия. Так как китайцам были знакомы только восточные районы Аршакидского государства, то естественно, что в основном данные китайских источников относятся к Маргиане и соседним с ней районам. В них говорится о том, что в Аньси имеется несколько сот больших и малых городов²⁹. Археологические исследования открыли в Маргиане большое число поселений городского типа, относящихся к парфянской эпохе, главным образом к северу от Мерва.

Говоря о ремесле Маргианы, в первую очередь следует назвать гончарное, достаточно хорошо изученное в результате работ ЮТАКЭ³⁰. Маргианская керамика, насколько это можно сейчас представить, следует образцам столицы области — древнего Мерва (городище Гяур-кала).

²⁷ М. Е. Массон. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. «Материалы ЮТАКЭ», II. М.—Л., 1951, стр. 9.

²⁸ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 38.

²⁹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 151, 160, 183, 225.

³⁰ См.: Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. «Труды ЮТАКЭ», т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 41 сл.; она же. Парфянская керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3.

Выделяются три хронологических периода в развитии маргианской керамики античной поры. Первый — III—II вв. до н. э. — характеризуется большим разнообразием форм. Это широкогорлые сосуды, кувшины, кубки, горшки, чаши, тарелочки, миски, вазы, хумы, хумчи, котлы. Керамика изготавливается на быстро вращающемся гончарном круге. Разнообразие типов и вариантов внутри одного типа, видимо, свидетельствует о большом числе ремесленных мастерских. Большинство керамических форм продолжает местную традицию гончарного производства, засвидетельствованную памятниками предшествующего времени (культура Яз III), однако появляются и новые формы. Так, наряду с основной массой керамики, имеющей красный черепок и часто покрытой с внешней стороны ангобом, встречается серолощенная и красолощенная, число форм которой сравнительно невелико. Видимо, серолощеную керамику можно связать с влияниями переднеазиатских областей, а красолощеную — с Тохаристаном. Керамика следующего периода (I в. до н. э. — I в. н. э.) как в формах сосудов, так и в технике их производства в основном продолжает традиции предыдущего периода, хотя появляются и новые формы (например, вазочки, видимо являющиеся модификацией формы глубокой чаши). Уменьшается количество керамики, имеющей аналогии в переднеазиатском мире, но зато резко возрастает число форм, находящихся аналогии в других частях Средней Азии, что, возможно, отражает рост культурных и экономических связей с этими областями. В керамическом производстве конца парфянской эпохи (II—III вв. н. э.) происходят значительные изменения. Это касается прежде всего техники изготовления. Сосуды, сделанные из тонко отмученной глины, с красным и розовым черепком, составляют теперь меньший процент, чем сосуды, сделанные из глины без тонкой отмучки, но хорошо промешанной, имеющей сероватый, реже кремовый и красный черепок. Изделия обжигаются при более высокой температуре, в результате чего при использовании тех же самых глин цвет черепка становится не красным, а белым. Уменьшается количество красолощенной керамики, а основная масса керамической продукции кажется несколько худшего качества, чем в предыдущее время. В то же время очень велико разнообразие форм сосудов. Наиболее разнообразны и многочисленны формы кувшинов, среди которых продолжают существовать как формы предшествующего времени, так и совершенно новые, не связанные с местными традициями керамического производства. Это сосуды с грушевидным туловом, петлеобразными и витыми ручками, с условно зооморфной орнаментацией и жгутообразными налепами. Эти мотивы, видимо, связаны с проникновением кочевнических элементов в среду населения Маргианы. Подобный процесс характерен для керамики не только Мерва, но и остальных областей Средней Азии.

Керамические печи Маргианы известны по раскопкам на поселении Джин-депе, где вскрыто пять печей среднепарфянского времени (I в. до

н. э.— I в. н. э.)³¹. Все эти печи однотипны, с небольшими только различиями. Они относятся к типу печей с прямой тягой. Печь состоит из двух камер. Топочная камера врыта целиком в землю и соединяется с поверхностью длинным каналом топочного устья, через которое происходит загрузка топливом. В плане дно топочной камеры круглое, диаметром от 1,16 (печь 4) до 3,2 м (печь 2). В сечении топочная камера представляет собой полуэллипс, плоское основание которого является полом топки. Высота колеблется от 1,65 (печь 4) до 3,2 м (печь 2). Выложена топочная камера из сырцового кирпича обычных для Маргианы этого времени размеров (40 × 40 × 14 см). Ряды кирпича располагаются горизонтально, причем в верхней части каждый последующий ряд нависает над предыдущим. В верхней части топка для прохода раскаленного воздуха соединяется несколькими каналами (восьмью или девятью) с обжигательной камерой. Каналы прямоугольные в сечении и идут под углом в 30°. Иногда помимо этих каналов имеется еще и центральное отверстие. Обжигательная камера располагается прямо над топочной. Раскаленный воздух в нее поступает по каналам, каждый из которых имеет два отверстия. Как и топочные, обжигательные камеры круглые в плане, их внутренний диаметр колеблется от 2,92 (печь 4) до 5,2 м (печь 1). Стены их сложены из двух или трех рядов сырцового кирпича. Обжигательная камера имела в своей стене загрузочный проход, заделывавшийся после каждой загрузки печи подлежащей обжигу продукцией. Стены обжигательной камеры перекрывались куполом с отверстием в середине для прохода дыма. Высота купола от 3 до 5 м. Типологически эти печи ближе всего античным керамическим печам Причерноморья III—I вв. до н. э.³², но в них отсутствует центральный подпорный столб, характерный для причерноморских печей.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что на сравнительно небольшом поселении одновременно функционирует такое большое число печей (помимо пяти раскопанных, имеется еще не менее шести неисследованных). Объяснение этому может быть только одно. Джин-депе было специализированным поселением гончаров, где изготавливалась керамика не только для местного населения, но и для продажи. Причем, видимо, главным рынком сбыта продукции были не столько окружающие поселения, сколько кочевые племена, так как Джин-депе находилось на самой границе оазиса, уже за пределами стены Антиоха³³.

До недавнего времени известные затруднения вызывал вопрос о металлообработке в Мерве. Прямые свидетельства античных авторов

³¹ Л. Н. Мережин. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. «Труды ЮТАКЭ», т. XI, стр. 12 сл.

³² В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 20 сл.

³³ См.: Л. М. Рутковская. Античная керамика..., стр. 67; Г. А. Кошелев. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. КСИИ, вып. 95, 1963, стр. 79.

о мервской стали (Plut. Crass., 24; Plin. N. H., XXXIV, 145) рассматривались многими учеными как указание только на то, что сталь поступала в Парфию транзитом через Мерв³⁴. Однако очень большое число криц и шлаков среди развалин парфянских городов и селений Маргианы заставило отвергнуть данное толкование источников³⁵. Наибольший материал дали раскопки дома ремесленника на территории древнего Мерва³⁶. Было выяснено, что невдалеке от цитадели на протяжении всего парфянского времени существовала неоднократно перестраивавшаяся мастерская, о чем свидетельствуют развалины небольших печей для плавки металла, шлаки, остатки инструментов, литейных форм, стеклянных реторт, тиглей. Помимо чисто металлических предметов, здесь изготовлялись сложные луки и другие костяные изделия.

Одним из наиболее любопытных памятников, связанных с ремесленным производством древнего Мерва, является квартал мукомолов, находившийся в северо-восточной части городища Гяур-кала³⁷. В этом месте было вскрыто около 40 помещений, входивших в состав не менее чем десяти хозяйств. В каждом хозяйстве было обнаружено три-пять установок для помола зерна и большое число хумов, в которых хранились как мука, так и предназначенное к помолу зерно. Каждая из этих мельниц состояла из двух жерновов. Нижний, меньшего диаметра, неподвижно укреплялся на подставке из жженных трапециевидных кирпичей. Верхний, несколько большего диаметра, соединялся с ним деревянной осью. Поднимая или опуская эту ось, можно было получать разные помолы муки. Характерно обилие монет мелких номиналов, находимых в помещениях этого квартала, что свидетельствует о товарном характере производства. Все обнаруженные при раскопках материалы говорят о бедности населения квартала. Видимо, главной рабочей силой при производстве муки были женщины.

Расцвет квартала мукомолов падает на самый конец парфянской и начало следующей, сасанидской эпохи.

Раскопки Мерва дали некоторые материалы и по ткачеству³⁸. Так, при работах на Эрк-кале были обнаружены шелковые ткани красного

³⁴ R. Ghirshman. Iran.... стр. 284; САН, IX, стр. 598; В. Р. Lozinski. The original homeland of the Parthians. S-Gravenage, 1959, стр. 33 сл.; ср. нашу рецензию в СА, 1961, № 2, стр. 311.

³⁵ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 31; он же. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1949, стр. 23—25, 29, 30, 37, 38; он же. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

³⁶ З. И. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. «Труды ЮТАКЭ», т. XII, 1963, стр. 164 сл.

³⁷ К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. «Труды ЮТАКЭ», т. XII, стр. 119 сл.

³⁸ З. И. Усманова. Новые находки фрагментов древних тканей из Эрк-калы в Старом Мерве. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1961, № 2, стр. 44 сл.

Две пальмирские стелы, найденные в Маргиане

цвета, ткани из растительных волокон (кенафа и хлопка) и шерстяные ткани. Есть основания считать, что в Мерве позднепарфянского времени было развито и ковроделие.

Подъем сельского хозяйства и ремесленного производства в парфянской Маргиане сопровождался ростом товарообмена. Деньги широко распространяются по всему оазису; особенно многочисленны мелкие номиналы бронзовой эмиссии, что свидетельствует о развитой базарной торговле³⁹. Монеты обычны даже на самых небольших сельских поселениях. Мы уже упоминали об обилии мелких монет в жилищах бедных ремесленников-мукомолов. Важную роль играет и торговля с окружающими кочевыми племенами, о чем свидетельствуют огромные керамические печи Джин-дене. На развитое монетное обращение косвенно указывает также довольно значительное число встречающихся в Средней Азии фальшивых парфянских драхм, подражающих различным типам общегосударственного чекана⁴⁰. Итак, мелкая розничная торговля проникала во все поры общества парфянской Маргианы.

Маргиана играла огромную роль и в крупной международной торговле своего времени. Эта роль определялась прежде всего тем, что Мерв

³⁹ М. Е. М а с с о н. Новые археологические данные..., стр. 15—16; он же. Новые данные по древней истории Мерва, стр. 100; В. М. М а с с о н. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, № 2.

⁴⁰ М. Е. М а с с о н. Народы и области..., стр. 32.

лежал на самом восточном конце Парфянского государства и именно отсюда шли торговые пути за его пределы. Из дорожника Исидора Харакского ясно видно, что главная парфянская дорога (видимо, устроенная так же, как были сделаны ахеменидские «царские дороги») шла от самых западных границ Парфии до Мерва. Отсюда она резко поворачивала на юг — в Арию, Анауэ, Зарангиану, Сакастену и Арахозию. Оканчивалась дорога где-то в районе Кандагара, по мнению М. Е. Массона⁴¹, или Газни, по мнению Томсона⁴². Этим путем Маргиана связывалась с Индией. Подтверждением тесных сношений с Индией являются не только некоторые индийские вещи, найденные в Мерве, но и проникновение буддизма в Маргиану (об этом ниже). Другой большой торговый путь шел из Мерва на Амударью (Чарджоу) и далее в более восточные районы Средней Азии, восточный Туркестан и, наконец, Китай. Данные об этом имеются в китайских источниках, где отмечается очень большая торговая активность парфянского купечества⁴³. Особенно интересны сообщения о стремлении парфянских купцов к монопольному овладению всей торговлей по «великому шелковому пути». Они стремились не допускать прямых контактов между Римом и китайскими купцами⁴⁴. Перепродажа по повышенным ценам восточных товаров на западных рынках была основным источником прибыли для маргианского купечества. Попытки нарушения этой монополии исходили не только с Востока, но и с Запада. Обнаружение пальмирских стел в Мервском оазисе⁴⁵ свидетельствует о проникновении купцов этого великого торгового города на самые восточные границы Парфии, где, возможно, как и во многих других городах Парфянского государства, существовали торговые фактории пальмирских купцов.

Экономический подъем Маргианы в парфянское время проявился главным образом в обширном градостроительстве. Помимо огромного города Мерва, остатки которого занимают теперь территорию городища Гяур-кала, известно несколько десятков городов, крепостей и поселений. К сожалению, они еще плохо исследованы. Мерв возник во второй четверти I тысячелетия до н. э.⁴⁶ Для него характерна трехчастная система обороны, отражающая трехчастную структуру самого города⁴⁷ (стена,

⁴¹ М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 27.

⁴² Д. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 406—407.

⁴³ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 151, 183.

⁴⁴ Там же, стр. 225, 226—227.

⁴⁵ И. Н. Виноков. Еще о пальмирских надписях в Советском Союзе. ВДИ, 1965, № 1, стр. 19 сл.; М. Е. Массон. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1966, № 1, стр. 55 сл.

⁴⁶ З. И. Усманова. О времени возникновения..., стр. 37.

⁴⁷ Г. А. Кошеленко. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, стр. 57 сл.

охватывающая полусельский пригород⁴⁸, стены собственно города⁴⁹ и цитадель города — Эрк-кала). Система обороны Мерва показывает ее высокую эффективность; стены строятся из сырцового кирпича на мощных платформах, оберегающих стены от ударов стенобитных машин, мощные квадратные выступающие вперед башни обеспечивают эффективную защиту прясел. Стены Гяур-калы прорезались воротами почти в середине каждого фаса⁵⁰. В основе планировки города лежали две главные улицы, идущие от ворот и рассекающие город на четыре части. Мощная цитадель — Эрк-кала возвышалась над городом. Ее стены имели башни, не выступавшие за гладь стен. Единственные крепостные ворота обращены внутрь города и фланкировались укрепленным дворцом, построенным на гребне стен цитадели⁵¹.

Мерв входит в первый тип классификации поселений в северо-восточных областях Парфии. Близки ему города Кырк-депе⁵² и Дав-кала⁵³. Единственное отличие заключается в том, что у них отсутствует стена полусельской округи, что, правда, может объясняться двояко: либо кратким временем их существования, либо усиленной распашкой, уничтожившей следы этой стены. Ко второму типу — типу государственных крепостей — относятся Чичанлык⁵⁴, Дурнали⁵⁵, Чильбурдж⁵⁶. Они строились на окраине культурных земель, были заняты немногочисленными гарнизонами. План их обычно близок квадрату со стороной около 200 м. Основу обороны составляют башни, далеко выдвинутые вперед, многоэтажные. Стены сравнительно тонкие. Ворот мало, они хорошо защищены. Почти полностью отсутствует застройка внутри стен. Стены сильно вытянуты вверх, что указывает на то, что крепости предназначены для защиты от кочевников, у которых не может быть осадных машин. Иногда вокруг них возникают поселения.

Близки этому типу Гебеклы и Акча-депе. Это мощные крепости, но гораздо меньших размеров, с монументальной центральной постройкой,

⁴⁸ З. И. Аляхмова. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва. «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 405.

⁴⁹ Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-калы. «Труды ЮТАКЭ», т. XII, стр. 95 сл.

⁵⁰ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, рис. 1.

⁵¹ З. И. Усманова. Эрк-кала. «Труды ЮТАКЭ», т. XII, стр. 20 сл.; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 39.

⁵² Д. Дурдыев. Кырк-депе. «Труды ИИАЭ АН Туркменской ССР», т. V. Ашхабад, 1959, стр. 130; Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 41.

⁵³ Г. А. Кошелев. Парфянская фортификация..., стр. 61, рис. 3.

⁵⁴ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 46.

⁵⁵ М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии, стр. 14—20; оп же. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 145; Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 47.

⁵⁶ Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2; оп же. Пути развития архитектуры..., стр. 51—54.

что, может быть, указывает на то, что здесь была резиденция чиновника, ведавшего сношениями с кочевыми племенами, по своим функциям в известной мере аналогичного арабарху, резиденцией которого был Дура-Европос.

Последним типом городского поселения является поселение типа Джин-депе⁵⁷ и Такырджа-депе. Это довольно обширные поселения (размеры Джин-депе — $2 \times 1,5$ км), очень свободной планировки, с ясно выраженным ремесленным характером. Они лишены обводных стен, только в центре возвышается бугор, видимо, остатки небольшой цитадели или укрепленного дома правителя города. Свободная планировка поселения, когда каждый квартал окружен свободной территорией, занятой, вероятно, садами и огородами, в сочетании с очень сильно развитым ремеслом создает впечатление, что Джин-депе и Такырджа-депе являют собой тип поселений, переходных от сельских к городским.

Особое место в системе укреплений Маргианы занимает стена, окружавшая весь Мервский оазис. Построенная Антиохом Сотером, по словам Страбона (XI, 10, 2), она была длиной в 1500 стадий (230—250 км), толщиной — 5,2 м. Стена сделана из пахсы⁵⁸. Помимо защиты от песков, стена, очевидно, выполняла и известные оборонительные функции: так как всю ее занять гарнизонами было нельзя, по-видимому на довольно значительном расстоянии один от другого располагались посты, сигнализовавшие о приближении опасности.

Необходимо обратить особое внимание на близость системы укреплений Маргианы не только укреплениям Парфиены, о чем мы уже писали выше, но и оборонительной системе Хорезма (хотя в общем укрепления Хорезма кажутся более архаичными) и особенно Бактрии (Коламир, Кей-Кобад-шах, Мунчак-депе, Беграм)⁵⁹.

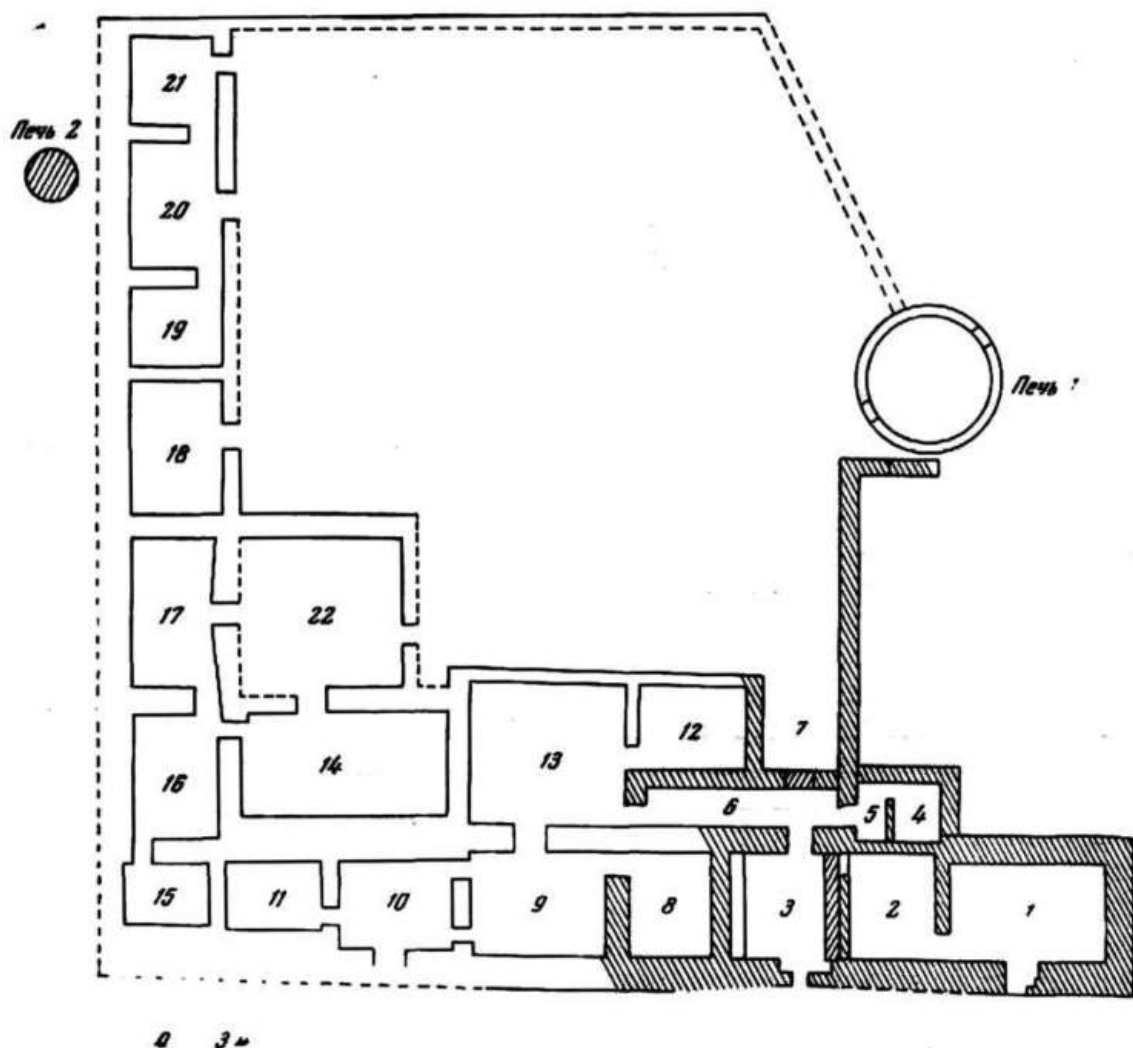
Изучение архитектуры Маргианы естественнее всего начать с рассмотрения жилища, так как оно явилось исходным типом всей архитектуры, давшим начало и дворцу, и храму, и общественному зданию.

Наиболее интересный материал дали раскопки на поселении Джин-депе. Был раскопан квартал в непосредственной близости от «цитадели». Выяснено, что этот комплекс состоит из трех самостоятельных домохозяйств с большим двором, ограниченным с севера и востока глинобитным забором. В состав комплекса входят также две керамические печи; одна

⁵⁷ См.: Г. А. Кошеленко. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г.; Л. Н. Мерзжан. Указ. соч.

⁵⁸ С. Я. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. «Труды ЮТАКЭ», т. I. Ашхабад, 1949, стр. 268.

⁵⁹ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян). МИА, № 37, 1954, стр. 259 сл.; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 77 сл.; Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.». Сталинабад, 1956, стр. 77 сл.; R. G h i r s h m a n. Begram, стр. 6.

План квартала на поселении Джин-депе

из них расположена в восточной части двора, вторая, не исследованная еще, — к западу от квартала. С севера, юга и запада квартал окружает свободное, незастроенное пространство.

Были полностью вскрыты комнаты 1—8, и с целью выяснения общего плана квартала, во всех остальных помещениях проведены зачистки: удалялся верхний слой заполнения (песок) на глубину до 0,5 м. В раскопанных помещениях сохранившаяся высота стен равна 1,5—2 м⁶⁰.

В западной стене комнаты 8 (так же, как и некоторых других) расчищена алтарная ниша, высотой около 1,5 м; верхняя часть ее состоит из прямоугольного углубления, в котором еще одна более глубокая

⁶⁰ Г. А. Кошеленко. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г., стр. 79 сл.

(глубиной до 25 см) ниша с овальным рельефным обрамлением. С юга внизу рядом с алтарной нишей — маленькая глубокая ниша, в которой, видимо, горел жертвенный огонь. Близкие, хотя и не аналогичные ниши известны в домах Беграма⁶¹. Они, видимо, служили для «домашнего» культа. Сюда помещались те изображения богов, которые, по словам Иосифа Флавия, всюду сопровождали парфян (Jos. Ant., XVIII, 9, 5). Домашние модельные известны в домах Селевкии⁶² парфянского времени. Более монументальные культовые ниши открыты также в раннесредневековом доме Пянджикента⁶³. В восточной стене была еще одна довольно большая ниша.

В результате проведенных работ можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, как уже отмечалось, квартал составляют три отдельных домохозяйства. Первый комплекс первоначально занимал комнаты 1, 2, 3 (тогда как 4, 5, 7 еще не существовали). Второй жилой комплекс включал комнаты 6, 8—13, и третий — все остальные. Вероятно, тогда хозяину первого домохозяйства принадлежала и печь 1. Значительные изменения происходят позднее, когда возводится длинный забор, а затем строятся комнаты 4, 5, комната 3 отделяется глухой стеной от комнаты 2 и в ней прорубается дверь на юг. В результате перестроек доступ к печи хозяину оскудевшего жилища I, включавшего теперь только две комнаты, становится невозможным. Видимо, печь переходит в собственность хозяина второго жилого комплекса. Он одновременно приобретает часть дома соседа (комнату 3) и строит новые помещения 4, 5 и 7. Подобного рода операции с куплей-продажей смежных комнат квартала неоднократно засвидетельствованы в Олинфе⁶⁴ и Помпеях⁶⁵. Следующее изменение происходит, видимо, уже тогда, когда печь перестает функционировать и используется как хозяйственное помещение. Забутовка восточного проема делает возможным доступ к ней только со стороны двора; кажется тогда же к южному забору пристраивается небольшое преодолженне, полностью исключающее доступ к этому новому хозяйственному помещению откуда бы то ни было, кроме двора. В это же время закладывается и дверь, связывающая комнаты 6 и 7. Тем самым всякий доступ к печи 1 (хотя уже и не функционирующей) для жителей второго хозяйства оказывается невозможным, а хозяином ее становится владелец третьего дома. Таким образом, удалось проследить некоторое движение собственности в одном доме из поселения парфянской Маргианы.

⁶¹ R. G h i r s h m a n. Begram, стр. 33—35, рис. 16 и табл. VIII.

⁶² N. E. M a n a s s e h. Architectural features of block B. Second preliminary report upon the excavations at Tell Umar, Iraq. Ann Arbor, 1933, рис. 5.

⁶³ См.: В. Л. В о р о н и н а. Архитектура древнего Пянджикента. МИА, 124, 1958, стр. 67 сл.

⁶⁴ D. M. R o b i n s o n, H. C r a h a m. The hellenic house (Excavations at Olynthus, p. VII). Baltimore, 1938, стр. 92, табл. 90.

⁶⁵ М. Е. С е р г е е н к о. Помпеи. М.—Л., 1949, стр. 177, 214.

Раскопки позволили сделать некоторые выводы и относительно характера архитектуры жилища и общего облика данного типа поселений Парфии. Джин-депе и аналогичное ему поселение Тахырджика-депе выделяются среди громадного большинства парфянских поселений. Отличаясь довольно большими размерами, ярко выраженным ремесленным характером, находясь за стеной Антиоха, они лишены каких-либо укреплений, защищавших город в целом. Не свидетельствует ли это отсутствие укреплений о том, что угрозы со стороны кочевников, заинтересованных в торговле с городскими ремесленниками, не было?

Во всяком случае отсутствие стен оказало определяющее воздействие на планировку поселений. Каждый квартал окружен свободным от зданий пространством, видимо занятым садами и огородами. Заслуживает внимания тесное соседство в одном квартале нескольких домов, причем часто они имеют общую стену. Такой прием застройки широко распространен в эллинистическое время (Приена, Дура-Европос и особенно Селевкия). Важна тесная связь производственных объектов и жилых помещений в едином комплексе, аналогичная устройству квартала мукомолов, дому оружейника Мерва и не известная в западных районах Парфии. Двор, в отличие от комплексов парфянского времени Дура-Европос и Селевкии, не был организующим центром всего жилого комплекса. Внутренний двор, характерный как для Греции, так и для древней Месопотамии, здесь не встречается. Нельзя, правда, сказать, было ли это своеобразной особенностью Маргшаны или вызывается полусельским характером поселений. В одном из жилых помещений (№ 3) обнаружена суфа. В жилых домах Дура-Европос суфа появляется только в парфянское время⁶⁶. Во всех случаях, когда удалось проследить, верхние части дверных проемов оформлены в виде арок, в то же время никаких следов сводчатых перекрытий помещений у нас нет. Видимо, они были плоскими, как у домов Дура-Европос и Селевкии парфянского времени: жерди с насыпной землей сверху, обмазанные жидкой глиной⁶⁷. Отсутствие следов рухнувших перекрытий, вероятно, вызвано тем, что жители покидали поселение в спокойной обстановке и дерево, представляющее ценность в условиях пустыни, увозили. Подтверждением того, что гибель поселения не была связана с военными событиями и не сопровождалась захватом и грабежом, является и исключительно малое число найденных предметов.

Из других строительных приемов необходимо отметить, что толщина основных стен достигает 1,8—2,2 м. Такие мощные сырцовые стены защищали ночью от холода и обеспечивали в жаркое время дня внутри помещений более низкую температуру, чем снаружи. Этому же способствовало и полное отсутствие окон. Использование этого приема сближает

⁶⁶ F. E. Brown. House in block EV. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 6th season of work». New Haven, 1936, стр. 11.

⁶⁷ M. Rostovzeff. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938, стр. 49.

Капитель из Мерва

жилища Джин-дене с домами Беграма⁶⁸ и древневосточных городов парфянской Месопотамии, в частности Ашура⁶⁹, эта же близость сказывается в том, что углы построек не всегда прямые.

Таким образом, на основании работ 1955—1956 и 1961 гг. можно говорить о маргианском варианте жилого дома; порожденный местными природными условиями и хорошо приспособленный к ним, он обладал многими конструктивными особенностями, сближающими его с жилищами парфянских областей Месопотамии и Бактрии.

Другим важным объектом является дом ремесленника-металлурга на территории Гиур-калы⁷⁰. Неоднократные перестройки и плохая сохранность не позволяют говорить о нем с достаточной оп-

ределенностью. Как и дома на Джин-дене, этот дом был построен в основном из кирпича-сырца. Здесь также можно отметить как характерную черту тесную связь жилых и производственных помещений. Особого внимания заслуживает найденная в пределах этого комплекса гипсовая коринфизированная капитель с рельефным изображением женской головы⁷¹.

Коринфские и коринфизированные капители были широко распространены в эллинистическую эпоху и особенно в первые века нашей эры на всем Востоке. Они были очень популярны в Пальмире⁷², Хатре⁷³, Нисе, Сурх-Котале⁷⁴. Коринфизированная капитель с человеческим бюстом на ней широко известна в парфянской Месопотамии⁷⁵ (Ашур⁷⁶, Селевкия⁷⁷,

⁶⁸ R. Ghirshman. Begram, p. 15.

⁶⁹ W. Andrae, H. Lenzen. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933, стр. 21—25, табл. 8.

⁷⁰ З. И. Усманова. Раскопки мастерской..., стр. 164 сл.

⁷¹ Описание см.: Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова. Коринфизированная капитель из Мерва. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1963, № 1, стр. 87 сл.

⁷² A. Gabriel. Recherches archéologiques à Palmyre. «Syria», t. XII, N 1, 1926, стр. 86 сл.

⁷³ W. Andrae. Hatra, t. 1—2. Leipzig, 1908—1912.

⁷⁴ D. Schlumberger. Surkh-Kotal. «Antiquity», vol. XXXIII, N 130, 1959, стр. 84.

⁷⁵ Например: F. Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1923, табл. 63.

⁷⁶ W. Andrae, H. Lenzen. Указ. соч., стр. 76.

⁷⁷ L. Watermann. Preliminary report upon the excavations at Tell Umar, Iraq. Ann Arbor, 1931, табл. 11, 1, 2.

Урук-Варка⁷⁸). Наиболее близка мервской капители капитель из Урука, где в верхнем ряду чередуются аканф и человеческое погрудное изображение, заходящее на абак, как и на капители из Падуды. Листья аканфа, как и на капители из Мерва, поддерживают абак, имеющий, правда, более сложную профилировку, нежели абак капители из Мерва, выполненный в виде простой плиты. Прически фигур, изображенных на этой капители, сходны с прическами на мервской капители⁷⁹. В Средней Азии близка мервской капитель с хорезмского городища Ангка-кала⁸⁰, правда, значительно более грубая в исполнении, и капитель пилястра из Термеза⁸¹. Л. И. Ремпель сопоставляет этот мотив сочетания коринфизированной капители с поясным или погрудным изображением человеческой фигуры со «строчпой композицией карнизов, где скульптурные изваяния чередуются с листьями аканфа» (айртамский фриз)⁸². Тот же принцип замечен и в архивольтах малых айванов Хатры. Позднее изображения людей известны на капителях и в сасанидскую эпоху (Так-и-Бустан)⁸³.

Относительно назначения этой капители высказывалось предположение, что она относилась к оформлению домашнего алтаря Великой Маргрианской богини⁸⁴. Не отвергая этого предположения, мы, однако, считаем возможным выдвинуть и другое. Может быть, это деталь приставного ордера верхнего яруса колоннады внутри какого-нибудь парадного помещения. Двухъярусные колоннады, широко распространенные с эллинистического времени, требовали для верхнего яруса более легкого ордера — ионийского, если нижний был дорийский, и коринфского, если нижний был ионийским; случалось, что дорийский ордер был увенчан коринфским. Такого рода сочетания встречаются, в частности, в парфянской Нисе (квадратный зал)⁸⁵.

Возможным было и другое сочетание — гладкая стена внизу и коринфский приставной ордер сверху (Ниса, круглый храм)⁸⁶. Такого рода здания известны и в других парфянских городах, так, одно из граффити Хатры изображает здание с двухъярусной колоннадой. При высоте капители в 16 см общая высота коринфской колонны с антаблементом состав-

⁷⁸ M. Dieulafoy. *L'art antique de la Perse*, p. V. Paris, 1890, стр. 27.

⁷⁹ В Малой Азии этот мотив (человеческий бюст) встречается в сочетании с ионийскими капителями. См., например: F. Noak. *Die Baukunst des Altertums*. Berlin, 1910, табл. 56.

⁸⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции. ВДИ, 1953, № 1, рис. 13, 6.

⁸¹ Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. «Труды Термезской археологической экспедиции», т. II. Ташкент, 1945, стр. 74, рис. 7.

⁸² Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 53.

⁸³ SPA, IV, табл. 153а.

⁸⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 84, 85.

⁸⁵ См. выше стр. 20.

⁸⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 86 и сл.

ляла примерно 2 м⁸⁷. Учитывая, что высота верхнего яруса несколько меньше нижнего, мы должны будем заключить, что помещение было высотой приблизительно в 4,5—5 м. Поскольку в замке на Эрк-кале (Мерв) встречаются помещения со стенами в 4—8 м высоты, можно предположить, что эта капитель была частью архитектурного украшения одного из несохранившихся парадных помещений дома богатого парфянского хозяина мастерской. Эти помещения, видимо, значительно отличались по своему облику от рабочих помещений, вскрытых при раскопках⁸⁸.

В пределах Мерва в 1954—1955 гг. проводились также раскопки квартала ремесленников-мукомолов II—III вв. н. э.⁸⁹ Хотя вскрыта еще сравнительно небольшая часть квартала, но уже сейчас можно сделать некоторые выводы относительно характера архитектуры этого памятника. Выделяется шесть отдельных домохозяйств⁹⁰. Основным строительным материалом везде служит сырцовый кирпич обычных размеров: 39—42 × 10—12 см. Иногда используются жженные кирпичи, но их функции всегда подсобные: вымостка пола или основание для жерновов. В одном случае в качестве вымостки пола служил слой утрамбованных черепков. Обращает на себя внимание тот факт, что, как и на Джин-депе, стены зданий очень большой толщины. Стены штукатурят глиной. Характерно, что, как и на Джин-депе, центром жилого комплекса дворы не служат. Очень интересна также тесная связь всех жилых комплексов друг с другом, что напоминает архитектуру квартала В в Селевкии. Широко используются суфы. Хумы в помещениях хранились чаще всего во вкопанном состоянии. Очень заметна специализация отдельных помещений. Одни из них приспособлены только для хранения зерна или муки и заполнены в основном хумами, это помещения 25, 17, 47. Другие служат собственно мастерскими, в них найдены как хумы, так и жернова, в том числе намертво прикрепленные к полу (например, помещения 24, 45). Кроме того, имеются также и жилые помещения. Большое число терракотовых статуэток найдено в комнатах домов. Очевидно, некоторые религиозные церемонии выполнялись дома.

Таким образом, обобщая весь имеющийся, хотя и не очень обширный материал, можно сделать вывод, что в Маргиане развивается выросший в местных условиях и к ним приспособленный тип жилища. Греческое воздействие проявляется только в декоре самого богатого из них. Жилища строились из местных строительных материалов: кирпича-сырца и пахсы, жженный кирпич в строительных конструкциях почти совершенно

⁸⁷ А. Палладио. Четыре книги об архитектуре. М., 1936, стр. 48.

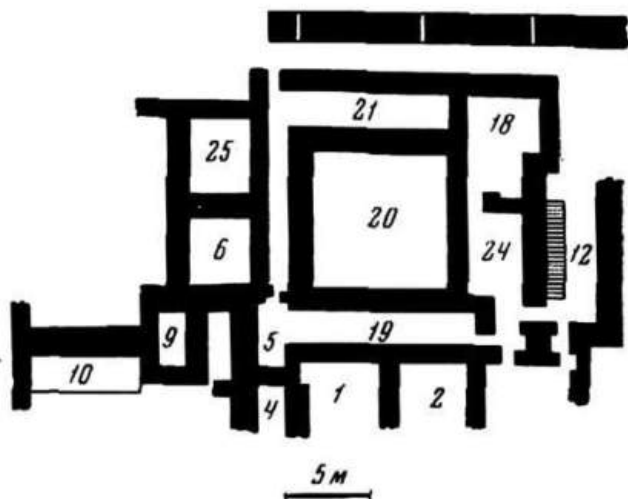
⁸⁸ В Ашуре парфянского времени известен богатый дом, где высота главных помещений в два раза выше, нежели второстепенных.

⁸⁹ К. Кацури с, Ю. Буряков. Указ. соч., стр. 119.

⁹⁰ Первое домохозяйство охватывает комнаты 1—4, 8—10; второе — 25, 26, 29, 30—33; третье — 13—18, 24; четвертое — 19—21, 48; пятое — 27, 42, 45; шестое — 40, 41, 46 и 47.

не употреблялся. Характерна большая толщина стен здания, которая в сочетании с небольшими проемами дверей и полным отсутствием окон помогает хранить ночную прохладу⁹¹.

Конструкции перекрытий этих зданий не известны, но показательно, что отсутствуют хотя бы самые малейшие остатки кровельной черепицы, столь широко представленной в царском городе-заповеднике Старая Ниса. Это, видимо, свидетельствует о том, что характер перекрытий у всех этих зданий был тот же самый, что и в Дура-Европос позднего времени, когда жители отказались от греческого способа

План дворцово-храмового комплекса в Эрк-кале

покрытия крыши черепицей, а потолок перекрывался тонкими жердями, которые сверху обмазывались толстым слоем глины. Дверные проемы зданий закрывались деревянными дверьми, доказательством чему служат каменные, кирпичные и керамические подпятники. Широко распространены суфы, совершенно неизвестные в греческих городах Парфии в селевкидское и раннепарфянское время и многократно встречающиеся там в позднепарфянское время. В этом также, видимо, можно видеть результат воздействия архитектуры коренных районов Парфии. Одной из самых показательных черт архитектуры жилища Маргианы является тесная связь жилых и производственных помещений в единый комплекс, что наблюдается даже в таком богатом доме, как дом ремесленника-металлиста в Мерве, где были и монументальные парадные помещения.

Типично свободное пространство вокруг домов и кварталов, вероятно занятое садами и огородами. Наряду с определенными четко выделенными кварталами ремесленников, расположенными на окраинах города (квартал мукомолов в Мерве), другие ремесленные кварталы находятся в непосредственной близости к центральному ядру города, что говорит о своеобразии городской планировки и ее отличии от обычной планировки греческих городов этого времени. Характерной чертой является и твердо установленное наличие следов домашнего культа у парфян, до сего времени известное только на основании сообщений Иосифа Флавия.

⁹¹ Интересно отметить очень большую толщину стен здания на поселении Яз I. См.: В. М. Массон. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. СА, 1958, № 5, стр. 51—52. рис. 3.

Таким образом, жилой дом Маргианы, сложившийся под влиянием специфических местных условий и, следовательно, хорошо к ним приспособленный, имеет некоторые черты, сближающие его с домами Бактрии; он испытал античное влияние в очень ограниченной мере, с другой стороны, его влияние на архитектуру греческих городов Парфии кажется очень возможным.

Архитектура общественных зданий Маргианы (дворцов, зданий культового назначения) может быть представлена только в самой общей форме. Единственным источником для суждения о дворцовой архитектуре Маргианы могут служить раскопки большого здания на гребне стен Эрк-калы, которое З. И. Усманова считает замком⁹². Это сооружение было построено на платформе, перекрывавшей стены Эрк-калы. Таким образом, уровень полов помещений замка был на 26 м выше уровня почвы в городе, а само здание возвышалось над городом на 34 м, напоминая в этом отношении замок-дворец Топрак-калы (Хорезм). Отсюда был виден, как на ладони, не только весь город, но и парфянские крепости к северу от города. Ядром комплекса является большое квадратное помещение (8,5 × 8,6 м) с обводными коридорами вокруг него и рядом комнат за ними. Перекрытия, насколько можно сейчас это представить, были балочные у основных помещений и сводчатые у обводных коридоров. Основным строительным материалом был сырцовый кирпич обычных в Парфии размеров. Стены помещений были покрыты белой штукатуркой, поверх которой наносилась цветная. Преобладают тона ярко-голубые, красные, желтые, розовые, черные, по голубому фону розовая роспись и черная по красному. Однако монументальная стенная живопись отсутствовала, что, видимо, было связано с широким употреблением в быту прославленных парфянских ковров, которыми украшали стены. Любопытной деталью является лестница в помещении XXII, ведущая, видимо, на крышу. Она заставляет вспомнить уже упоминавшуюся нами поэму «Вис и Рамин», главная героиня которой неоднократно наблюдала за событиями с крыши своего дворца.

Особое внимание привлекает центральное помещение с окружающими его обводными коридорами. Подобное устройство напоминает иранские храмы огня, известные нам как по ахеменидскому храму в Сузах⁹³, так и по храмам селевкидско-парфянского времени в Персеполе⁹⁴, Кухи-Ходже⁹⁵, Хатре⁹⁶, Нисе⁹⁷. Особенно интересен в этом отношении ку-

⁹² З. И. Усманова. Эрк-кала, стр. 20 сл.

⁹³ M. Dieulafoy. L'acropole de Suse. Paris, 1890, стр. 411—416; E. Erdmann. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, стр. 16 сл.

⁹⁴ E. Erdmann. Указ. соч., стр. 29 сл.

⁹⁵ E. Herzfeld. Iran..., стр. 291 сл.

⁹⁶ W. Andrae. Hatra, t. II. Leipzig, 1912, стр. 135.

⁹⁷ См. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 78—98.

шанский храм в Сурх-Котале⁹⁸. Общее его устройство восходит к общепиранскому храму огня, но его сближает с мервским комплексом возвышенное положение. Храм в Сурх-Котале находится на естественной возвышенности, к нему ведет монументальная лестница. Мервский храм в местности, лишенной каких бы то ни было естественных холмов, построен на гребне степ Эрк-калы и является самым высоким местом в древнем Мерве. Подобное стремление храмов ввысь напоминает известное место из Геродота, говорившего о том, что древние персы поклонялись богам на «возвышенных местах» (I, 131). А. Годар в своей последней работе⁹⁹ исследовал дальнейшее развитие этого обычая, приведшее к сооружению небольших храмов (видимо, развившихся затем в «чортаки» сасанидского времени) на монументальных платформах, находившихся на естественных возвышенностях и также связанных с культом огня. Таким образом, можно видеть в мервском храме одно из проявлений в парфянское время этой тенденции к слиянию в одном комплексе как «возвышенного места», так и храма огня, что напоминает развитие религиозной архитектуры более западных иранских районов, с тем только отличием, что естественная возвышенность была заменена искусственно созданным холмом¹⁰⁰.

Еще одна черта привлекает внимание — объединение в едином комплексе как храмовых, так и дворцовых помещений. Такой прием иногда встречается. Достаточно вспомнить Кух-и-Ходжу и Хатру, где наблюдается то же самое. Однако здесь дело не в чисто механическом объединении жилых и сакральных помещений. Причина, видимо, более глубокая. Намек дает уже упоминавшаяся нами поэма «Вис и Рамин», на основании анализа которой В. Минорский пришел к выводу, что в парфянское время в Мерве функции царя и верховного жреца объединялись в одних руках¹⁰¹. Показательно, что в зороастрийской литературе стойко держится традиция об особой приверженности Мерва зороастризму. Так, в Вендидаде (I, 6) Мерв назван «Mourum suram artavanam» — «Мерв сильный и правый», в Айткар Зарерап¹⁰² он назван зороастрийским — «Murg-i Zaralušlān». Подобное объединение в одних руках политической и сакральной власти не является чем-либо исключительным в это время. Достаточно вспомнить правителей Фарса (Персиды) селевкидского времени, имеющих титул «хранитель огня», на такое же объединение в одних

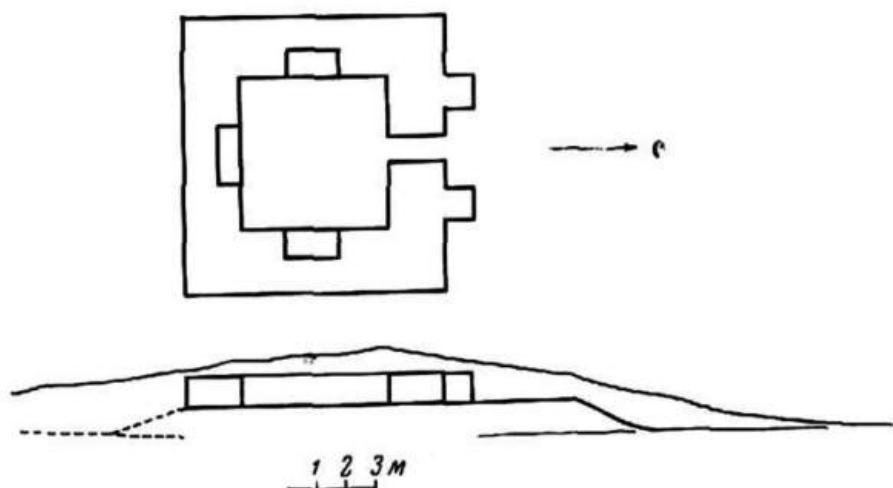
⁹⁸ D. Schlumberger. Le temple de Surhh-Kotal en Bactrian. «Journal asiatique», t. 240, fasc. 2, 1952, стр. 439, сл.; t. 242, fasc. 2, 1954, стр. 161 сл.; t. 243, fasc. 3, 1955, стр. 269 сл.

⁹⁹ A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, стр. 158 сл.

¹⁰⁰ В этом отношении интересно вспомнить сообщение Страбона о строительстве персидскими полководцами храма Апахите, возводимого среди равнины на скале, причем создавалась насыпь, благодаря чему скале была придана форма холма (XI, 8, 4).

¹⁰¹ V. Minorsky. Указ. соч., стр. 754.

¹⁰² Ed. Pagliaro, Roma, 1925, § 19.

Древний Мерв. Здание в некрополе. План и разрез

руках гражданской и религиозной власти в Хатре намекают некоторые античные авторы.

Другим памятником религиозной архитектуры в Мерве является буддийская ступа (см. ниже). Очень любопытное здание, связанное с погребальным культом, было вскрыто недавно в некрополе Мерва. Основная часть здания возводилась в парфянское время, что определяется на основании монет, найденных в кладках здания. Одна из монет I в. н. э., вторая — II в. н. э. (определения производились М. Е. Массоном). Центральная часть здания, возведенная в парфянское время, представляет собой почти правильный квадрат ($9,5 \times 9$ м). Вход, шириною в 1 м, перекрытый арочкой, находится с севера здания, он фланкирован с обеих сторон небольшими пилонами. Внутреннее помещение — квадратное (5×5 м), с тремя большими нишами в южной, восточной и северной стенах помещения. Верхние части ниш выполнены в виде арок. Насколько можно судить по рухнувшим остаткам перекрытий, верхняя часть здания была выполнена или в виде свода, или в виде купола. Еще одной любопытной особенностью этого здания является то, что оно возведено на искусственно насыпанном холме; пол здания возвышается над уровнем окружающей почвы на 1,5 м. Сейчас трудно сказать, какого рода захоронения совершались в этом помещении; обнаруженные в нем при раскопках труположения безусловно позднейшие, так как для устройства их прорубался хороший глинобитный пол, устраивались подбой в стенах, разрушались нижние части ниш, если в них не помещались трупы.

Все, что известно о развитии религии в Маргиане в парфянское время, убеждает в том, что господствующим течением был зороастризм. Поэтому естественно предположить, что первоначально это здание было

наусом на зороастрийском кладбище, в котором хранились оссуарии, подобным наусу, раскопанному С. А. Ершовым в непосредственной близости¹⁰³. Кроме того, имеются и другие основания для подкрепления этого предположения. Г. А. Пугаченкова доказала, что, вопреки широко распространенному ранее мнению, оссуарий отражает форму не жилища, а науса¹⁰⁴. В таком случае поразительно совпадение в форме науса в Мерве и оссуариев из Мервского некрополя; и там и здесь — квадратное здание, перекрытое куполом. Некоторые оссуарии имеют портално оформленную фасадную часть, что явно отражает существующую архитектурную практику. Это же можно отметить и в наусе, где выступающие пилоны, видимо, должны были создавать порталное оформление здания. Очень характерно полное сходство в общем рисунке двери, где верхняя часть была выполнена в виде арки. Необходимо также обратить внимание на то, что дверка у всех оссуариев Мервского некрополя никогда не делается таким образом, чтобы ее нижняя часть была сразу же над полом, — она прорезана почти в середине фасадной стенки, что, видимо, отражает наличие высокого искусственного холмика, на котором построен наус, благодаря которому дверь в наус находится значительно выше окружающей почвы.

Таким образом, поразительное сходство данного науса и оссуариев V—VI вв. заставляет предположить, что именно подобного рода здания послужили прообразом для возникновения преобладающей формы мервских оссуариев.

Наиболее интересной чертой в этом сооружении является купольное перекрытие. Такая форма перекрытия существовала в Южном Туркменистане давно¹⁰⁵, на рубеже нашей эры встречается в целом ряде производственных сооружений (в частности, в печах Джин-дене)¹⁰⁶, кроме того, оссуарий с Мунон-дене (об этом ниже) перекрыт таким же купольным перекрытием.

Наус Мервского некрополя несколько напоминает наусы некрополя Пианджикента¹⁰⁷, относящиеся к более позднему времени, но он более монументален и более тщательно выполнен.

Происхождение такой архитектурной формы еще далеко не ясно. Однако нам кажется, что одним из источников была гробница Кира

¹⁰³ С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-али. «Труды ИИАЭ АН Туркменской ССР», т. V. Ашхабад, 1959.

¹⁰⁴ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. В кн.: «Искусство зодчих Узбекистана», II. Ташкент, 1963, стр. 82.

¹⁰⁵ Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 220.

¹⁰⁶ Там же, стр. 220, 221.

¹⁰⁷ Б. Я. Ставиский, О. Т. Большаков, Е. А. Мончадская. Пианджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953, стр. 64 сл.

ахеменидского времени¹⁰⁸. При различии строительных материалов (камень в одном случае и сырцовый кирпич — в другом) оба здания обнаруживают большое сходство. Оба они вознесены над землей. Одно возведено на мощном ступенчатом основании из камня, другое — на холме насыпной земли. В основе плана того и другого здания лежит прямоугольная планировка. Двускатная крыша гробницы Кира по внешнему виду немного напоминает свод. Таким образом, приняв во внимание, что одно из зданий является гробницей могущественного царя, а другое — скромным наусом в некрополе далекого города, можно отметить некоторое их родство. Это позволяет предполагать, что одним из источников формирования архитектурного типа науса являются ахеменидские царские гробницы, учитывая, конечно, всю эволюцию религиозных воззрений ираноязычных народов, приведшую к тому, что вместо трупа в гробнице теперь устанавливались оссуарии.

Чрезвычайно характерно, что наус Мервского некрополя безусловно оказал очень сильное влияние на развитие архитектуры последующего времени и создание типа мусульманских мавзолеев. Достаточно сравнить его план с планами мавзолея Кыз-бibi (IX—X вв. н. э.)¹⁰⁹, Серахс-баба¹¹⁰ и Махтум¹¹¹, чтобы признать определяющее воздействие форм зороастрийской погребальной архитектуры.

Изобразительные искусства Маргианы известны почти только на основании коропластики. Скульптура представлена только единственной находкой головы гигантской статуи Будды (об этом ниже), живопись же не известна до сего времени вовсе.

В мелкой терракотовой скульптуре Маргианы¹¹² наибольшее место занимают женские статуэтки. Исчерпывающее исследование их было проведено Г. А. Пугаченковой, которая наметила общую картину развития этой области коропластики древнего Мерва следующим образом: с III в. до н. э. в терракоте Мерва широко представлены два типа женских статуэток. Один из них Г. А. Пугаченкова связывает с культом Анахиты, второй — с образом другого божества зороастризма — Aši-Urta-Rti — богини, покровительствующей семье, плодородию, охраняющей правопорядок и благоденствие. Общий стиль статуэток с течением времени претерпевает существенные изменения. Ранние статуэтки миниатюрны, объемно моделированы, пластичны, очень пропорциональны. Более поздние отлича-

¹⁰⁸ F. Sarre. Указ. соч., табл. 2.

¹⁰⁹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 175.

¹¹⁰ Там же, стр. 376.

¹¹¹ Г. А. Пугаченкова. Новые материалы к истории архитектуры Южного Туркменистана. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII, стр. 298.

¹¹² Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I. Ашхабад, 1949, стр. 332 сл.; он же. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. II. Ашхабад, 1951, стр. 169; Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX, 1959; она же. Коропластика древнего Мерва. «Труды ЮТАКЭ», т. XI, стр. 117 сл.

ся большей условностью, иератической застылостью, они крупнее по размерам. Поражает объемность лепки головки такой статуэтки по сравнению с плоскостностью выполнения остального тела.

В этой схеме вызывает возражение только один пункт. Г. А. Пугаченкова полагает, что значительное воздействие на выработку иконографии женского божества Маргианы оказал образ Кибелы, проникнувший из Месопотамии. Это представляется маловероятным.

Во-первых, Кибела имела свою строгую иконографию, чрезвычайно отличную от иконографии «маргианской богини». Она чаще всего изображалась сидящей с львом на коленях. Кроме того, в западных районах Парфии Кибела была сравнительно мало популярна, далеко уступая в этом отношении Атаргатис-Нанайе. Естественно предположить, что именно этот образ оказал серьезное воздействие на иконографию «маргианской богини».

Тем более, что в нашем распоряжении находится одна чрезвычайно любопытная терракотовая статуэтка, датируемая временем не позднее I в. до н. э., происходящая из раскопок в Джин-депе. С одной стороны, она чрезвычайно близка всей группе ранних терракотовых статуэток, наилучшим образцом которых является статуэтка II в. до н. э. с Гяур-калы¹¹³. Здесь тот же самый образ обнаженной богини-женщины, причем сходство двух статуэток распространяется даже на такие детали, как поворот головы, положение ног и т. д. Однако статуэтка с Джин-депе имеет одну особенность — у нее на груди имеется та перевязь, которая особенно характерна для иконографии Атаргатис¹¹⁴ и которой нет больше ни у одной статуэтки Мерва. Это, очевидно, переходное звено от образа Атаргатис к маргианской богине. Думается, что можно предположить влияние иконографии Атаргатис на формирование образа великого женского божества Маргианы.

В конце парфянской эпохи в мервской короппластике появляются мужские фигурки, среди которых особенно популярен всадник. Однако настоя-

Терракотовая статуэтка.
Джин-депе

¹¹³ Г. А. Пугаченкова. Короппластика..., стр. 123, рис. 3.

¹¹⁴ Du Mesnil du Buisson. Le sautoir d'Atargatis et la chaîne d'amulettes. Leiden, 1947. Однако нельзя исключать возможность и влияния в данном случае некоторых индийских образов типа Якши. См., например: А. К. Соомасваму. Archaic Indian terracottas. «Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst», 1928, табл. VII (48).

Оттиск каменной печати из Мерва
Гяур-кала)

щее развитие этого образа приходится уже на следующую историческую эпоху — сасанидскую.

Особую, еще очень мало исследованную область искусства Маргианы представляет сфрагистика. К парфянскому времени относится побольшая серия печатей¹¹⁵ из недорогих камней (кварц, непрозрачный серый или зеленоватый поделочный камень, которым изобилует Мургаб в среднем течении и его приток — река Кушка). Среди этих печатей древнейшим образцом (III—II вв. до н. э.) является оттиск на терракотовом параллелепипеде. Изображена мужская голова в профиль вправо. Лицо безбородое, с крупным носом и усами. На голове клубок с небольшим свешиваю-

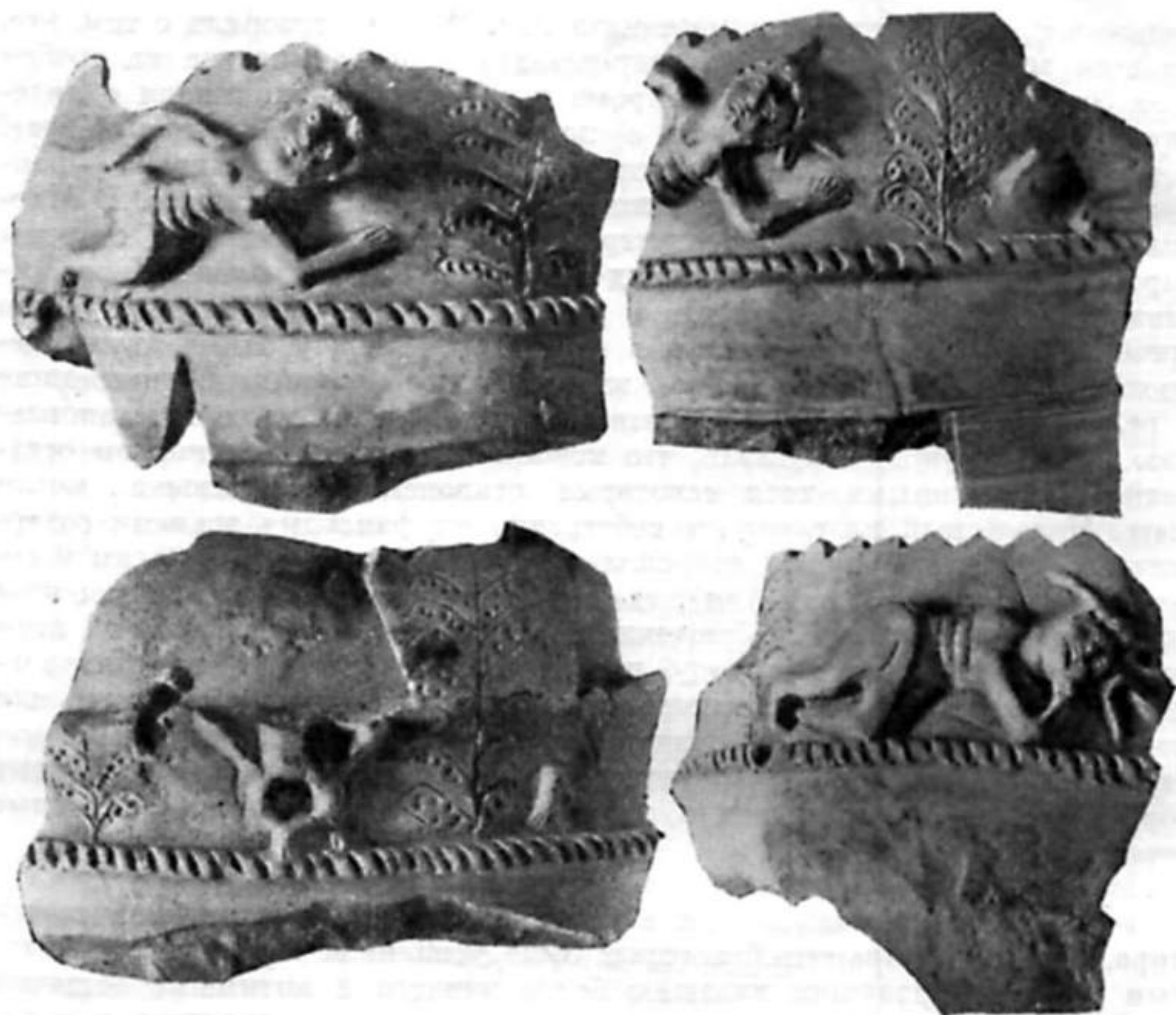
щимся на затылке концом, но это может быть и прической, валиком, обрамляющим лицо. К I в. до н. э. — I в. н. э. относится стеклянная гемма, на которой изображена крылатая Ника. Правая рука ее опущена вдоль тела, в левой руке венок с длинными ниспадающими лентами. Тем же временем датируется и халцедоновый перстень с изображением рыбы. Этот символ Г. А. Пугаченкова склонна рассматривать как возможное свидетельство раннего пропиткования христианства в Мерв. Видимо, этим же временем можно датировать и печать с изображением коня влево, полученную при раскопках Эрк-калы Жуковским в 1890 г. К парфянскому времени можно отнести и печать из серого поделочного камня, недавно случайно найденную на городище Гяур-калы. Изображена на ней сцена пахоты. Ближайшей аналогией этому сюжету является сцена на рельефном красноглазурном парфянском сосуде, опубликованном М. И. Ростовцевым¹¹⁶.

Техника резьбы всех этих печатей комбинированная: объемно выемчатая и штриховая¹¹⁷.

¹¹⁵ Г. А. Пугаченкова. Геммы из Мерва. «Известия АН Туркменской ССР», 1957, № 3, стр. 65.

¹¹⁶ M. Rostovtzeff. The social and economic history of Roman empire. Oxford, 1926, табл. XXXIX, 2.

¹¹⁷ Именно по этому последнему пункту определения Г. А. Пугаченковой были подвергнуты критике со стороны В. Г. Лукопина (А. Я. Борисов, В. Г. Лукопин. Сасанидские геммы. Л., 1963, стр. 23 сл.). Не входя подробно в рассмотрение всех тонкостей дискуссии, отметим только, что критика В. Г. Лукопина вряд ли основательна, так как в системе его доказательств положение, что коллекция гемм из раскопок С. А. Ершова в Мервском некрополе хронологически однородна, является одним из решающих. Однако наши работы в этом некрополе убеждают нас в том, что стратиграфия его была значительно более сложной, чем это представи-

Мунон-депе. Фрагменты оссуария

В сфрагистике Мерва выделяются геммы с сюжетами явно эллинистического происхождения (Ника, Геракл), близкими печатям Нисы. Видимо, распространение печатей является свидетельством расширения института частной собственности, а их недорогой материал и невысокое качество исполнения говорят о широком бытовании их среди слоев среднего свободного населения.

Развитие религиозных воззрений населения Маргшаны в парфянской время можно себе представить следующим образом: господствующее

лось С. А. Ершову, и поэтому рассматривать эти геммы как бесспорно принадлежащие только одной эпохе (V—VIII вв. н. э.) нельзя.

положение, несомненно, занимает маздеизм. Мы уже говорили о том, что, по всей вероятности, центром дворцово-храмового комплекса на гребне стен Эрк-калы был храм огня. Кроме того, мы уже упоминали о литературной традиции, говорящей о почитании Ахура-Маазды в Мерве. С этим же кругом верований связана и терракотовая скульптура — наиболее яркий показатель религиозных воззрений народных масс. В Маргиане впервые проповедь Заратустры получила признание со стороны народных масс¹¹⁸. Оссуарный обряд захоронений в некрополе Мерва сасанидского времени¹¹⁹ говорит о распространении маздеизма и в это время. Трудно допустить, чтобы в промежутке между этими двумя периодами происходили какие-то кардинальные изменения, приведшие к резкому падению этой религиозной системы, а затем ее восстановления. Скорее нужно допустить, что позиции маздеизма в основном оставались неизменными, хотя некоторые отклонения, безусловно, могли быть. Интересный материал по собственно парфянскому времени содержит небольшой оссуарный некрополь в районе Мунон-депе (35 км к северо-западу от г. Байрам-Али), где было найдено несколько фрагментов оссуария с налестными изображениями¹²⁰. Анализ изображений на этом оссуарии привел нас к выводу, что здесь запечатлен момент ритуальной погребальной пляски, исполнявшейся родственниками умершего или наемными плакальщицами. Пляска по существу была сложным мистериальным действием, в котором сливались как ортодоксальные зороастрийские представления, так и древние местные народные верования.

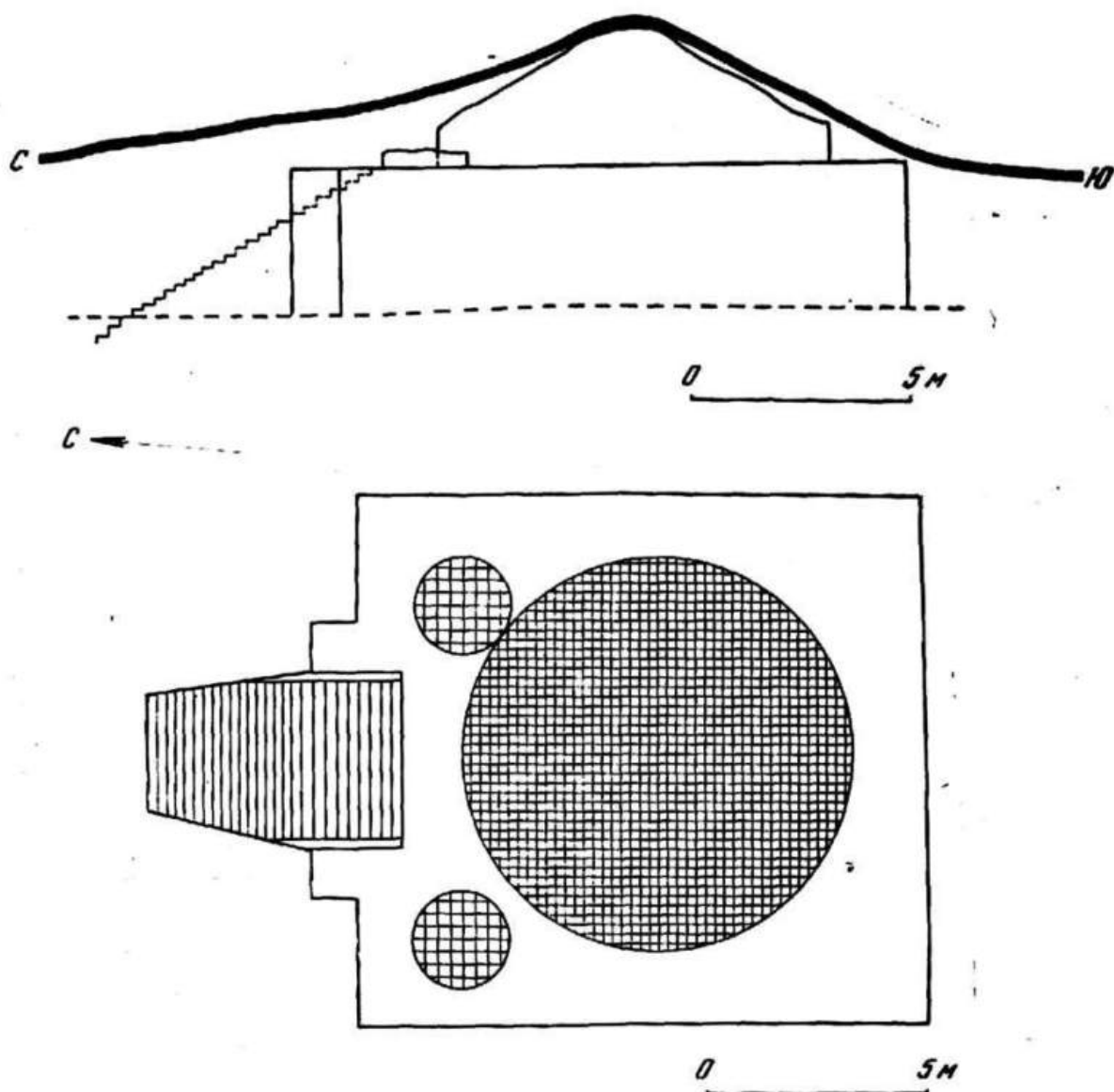
Мистериальный характер этого ритуального действия полностью отвечает тем общим тенденциям в религиозной жизни эллинистического мира, одним из выражений которых была усиленная тяга к мистериальным культам, дававшим иллюзию более личного и интимного общения с божеством. Видимо, соответствующие тенденции проявлялись и в зороастризме, иначе трудно объяснить выделение из него такого ярко выраженного мистериального культа, как культ Мифры. Имеются свидетельства о распространении мифраизма и в Парфянской империи (в Дура-Европос).

Итак, подводя итоги, можно сказать, что в изображении на оссуарии с Мунон-депе можно видеть сцену погребального мистериального действия, отражающего местные религиозные представления, которым свойственно сочетание и переплетение канонических зороастрийских религиозных представлений и местных пародных верований, отрицаемых и

¹¹⁸ В. В. Струве. Восстание в Маргиане..., стр. 15; он же. Родина зороастризма, стр. 5 сл.

¹¹⁹ С. А. Ершов. Указ. соч., стр. 160 сл.

¹²⁰ См.: Г. Кошленко, О. Оразов. О погребальном культе в Маргиане в парфянское время. ВДИ, 1965, № 4, стр. 42 сл.

План и разрез ступы в Мерве

осуждаемых зороастризмом. Этот памятник также свидетельствует о расширении круга тех видов религиозных действий, которые были распространены в эллинистическом мире, и, таким образом, об известной общности развития идеологических представлений и породивших их социально-экономических причин.

Помимо маздеистских верований, в Маргиане парфянского времени распространялся и буддизм. Об этом свидетельствует нахождение на территории Гяур-калы буддийского храмового комплекса. Он еще не до

Мерв. Расчистка головы статуи Будды

тая тремя слоями краски (розовой, желтой, красной), волосы и глаза окрашены в синий цвет, губы — в ярко-красный (высота 75 см). Общий облик ее указывает на сильное влияние буддийской скульптуры Бактрии и Гандхары, а характерная трактовка волос — на время не позднее III в.

¹²¹ Предварительная публикация см.: М. Е. Массон. Из работ Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1963, № 3, стр. 51 сл. Более детально этот вопрос освещен в нашей статье — *The Beginning of Buddhism in Margiana*. «Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae» (в печати).

¹²² A. Foucher. *L'art greco-bouddhique du Gandhara*, I. Paris, 1905, стр. 72 сл.

¹²³ J. Hackin, J. Carl, J. Meunier. *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan*. Paris, 1959, стр. 120—121.

конца раскопан ¹²¹, но уже ясно, что возник он в парфянское время. Центром его является ступа (почти квадратное монолитное здание, размером $13,3 \times 13$ м, с лестницей в северной части, круглой монолитной же башней и двумя колоннами, возведенными на платформе). При строительстве использовался кирпич обычных парфянских размеров, многие поверхности покрывались красной краской. Эта ступа принадлежит к «переходному» типу (по классификации А. Фуше) ¹²², сменившему в начале нашей эры «древний» тип, отличавшийся круглой платформой. Ступы подобного типа распространены очень широко, но наиболее близкими параллелями является ступа из района Кабула (Нох-и-Пахлаван), датируемая серединой II в. н. э. ¹²³

При раскопках перед фасом здания была обнаружена голова гигантской статуи Будды, выполненная из глины и последовательно покры-

н. э.¹²⁴ В результате открытия буддийского святилища в Мерве совершенно иное значение приобрели сведения китайских источников о парфянах-буддистах¹²⁵, проповедовавших эту религию в Китае, ранее отвергавшиеся как легендарные, и некоторые другие источники, говорящие о распространении буддизма в Мерве в более позднее время. Тем самым ясной становится пестрота религиозной жизни Маргианы парфянского времени, где сталкивались мадеизм, осложненный древними народными верованиями, буддизм и, может быть, начинавшее распространяться христианство.

¹²⁴ A. K. Coomaraswamy. The Buddha's cūḍa, hair, usnisa and crown. «The Journal of Royal asiatic society», 1928, N 4, стр. 815 сл.

¹²⁵ E. Zürcher. The Buddhist conquest of China. Leiden, 1956, стр. 22 сл.; T. Harmatta. Sino-Indica. «Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae», t. 12, fasc. 1—2, 1964, стр. 3 сл.; H. Maspero. Les origines de la communauté bouddhiste de Lo-yaug. JA, t. 225, N 1, Paris, 1934, стр. 93.

САКАСТАН

Среди восточных областей Парфянского государства чрезвычайно важную роль играл Сакастан (современный Систан). Однако политическая история этой области чрезвычайно темна¹, а противоречия скудных свидетельств источников настолько велики, что приходится ограничиваться констатацией только немногих сравнительно твердо установленных фактов.

В составе Ахеменидской державы территория этой страны (называвшаяся в это время Дрангианой), очевидно, не играла сколько-нибудь заметной роли. Завоевания Александра Македонского также, видимо, мало задела ее. Некоторое время она находилась в составе Греко-Бактрии². Однако уже при Митридатe I Сакастан попадает под власть парфян³.

Мощное движение кочевых племен Средней Азии, сломившее Греко-Бактрию и потрясшее Парфянское государство, отразилось на роли этой восточной, окраинной области Аршакидской державы⁴.

Тяжесть борьбы, которую пришлось выдержать Аршакидам против кочевников — саков, массагетов, тохаров, ясно видна хотя бы из того,

¹ E. Herzfeld. Sakastan. «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», IV. Berlin, 1932.

² М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 187.

³ R. Ghirshman. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. Harmondsworth, 1954, стр. 245; М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 187.

⁴ По проблемам кочевнического завоевания Греко-Бактрии и северо-западной Индии существует огромная литература. См.: И. И. Умнянов. Тохарская проблема. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 181—193; С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 178—203.

что в боорьбе с ними погибли два парфянских царя — Фраат (Lust., XLII, 1) и Артабан II (Just., XLII, 2, 2). Отдельные сакские отряды прорывались до Месопотамии (Joan. Antioch., fr. 66, 2; см.: FHG, IV, 561). Однако Митридату II удалось локализовать продвижение сакских племен, отклонив его на юго-восток в направлении Дрангианы. Здесь и осели эти племена, давшие название стране — Сакастан.

Дальнейшая история Сакастана чрезвычайно сложна. Известно, что Сакастан входил в число тех «индо-скифских» и «индо-парфянских» владений, которые играли столь большую роль в истории восточного Ирана и западной Индии. Совершенно бесспорны тесные политические и культурные связи Сакастана с Аршакидской династией⁵. Видимо, усиление угрозы со стороны возникающего Кушанского государства приводило к постепенному расширению связей с Парфией. Это отражается в том, какую большую роль играли сакские отряды во главе с правителем Сакастана Суреной в парфянской армии во время столкновения с Римом (поход Красса).

Во всяком случае с I в. до н. э. Сакастан представляет собой одно из вассальных государств Аршакидской державы, во главе которого находится местная династия Суренов, считающаяся второй после Аршакидов в Парфии. Представители этого рода по традиции возлагали корону на голову аршакидских царей.

Парфянский период был временем экономического подъема Сакастана⁶, в этом отношении характерно увеличение числа населенных пунктов⁷. Показательны также в Сакастане овалы в плане крепости⁸, являющиеся результатом оседания в том районе саков, принесших сюда свои методы укрепления городов, восходящие к кочевническому приему укрепления лагеря.

Наиболее важным памятником Сакастана можно считать руины дворца в Кух-и-Ходжа⁹. Этот дворец находился в центре Сакастана, на острове среди озера, имел мощные укрепления; он был окружен стенами с выступающими вперед квадратными и двумя круглыми башнями. Здание сложено из сырцового кирпича. Дворец создавался в два периода:

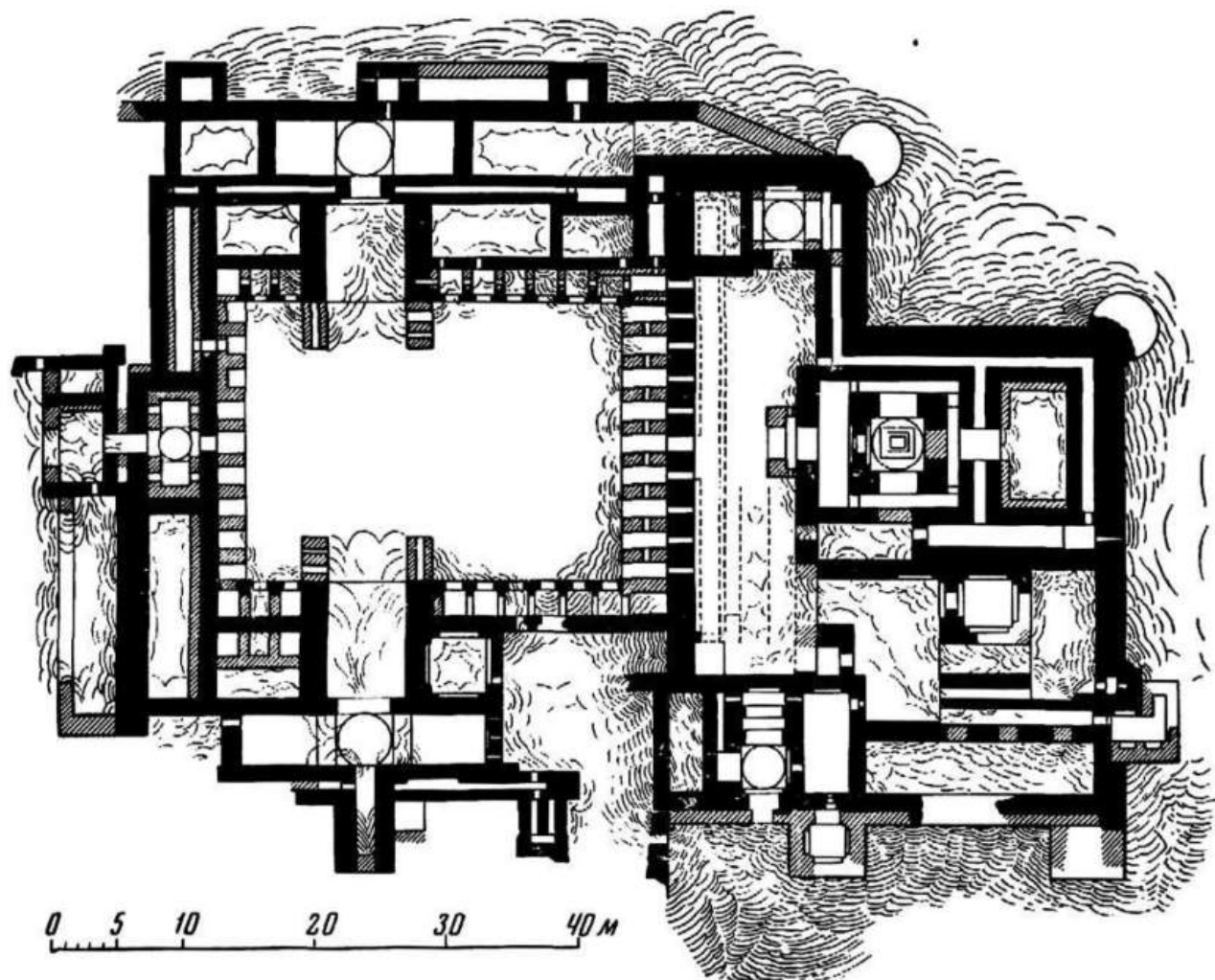
⁵ N. C. Debevoise. A political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 61; R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 249.

⁶ W. A. Fairervis. Archaeological studies in the Seistan basin of southwestern Afghanistan and eastern Iran. New York, 1961, стр. 101.

⁷ Там же, карта на стр. 99.

⁸ J. Hackin. Recherches archéologiques dans la parti Afghane du Seistan. В кн.: J. Hackin, I. Carl, I. Mennie. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan. Paris, 1959, стр. 25 сл.

⁹ C. E. Yate. Khorosan and Seistan. London, 1900, стр. 85—87; A. Stein. A third journey of exploration in central Asia 1913—1916. «Geographical Journal», XLVIII, 1916, стр. 221; A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, t. II, стр. 909 сл.; E. Herzfeld. Archaeological history of Iran. London, 1935, стр. 59 сл.; он же. Iran in the Ancient East. New York — London, 1941, стр. 291 сл.

План и разрез дворца в Кух-и-Ходжа

первый — аршакидский, а второй — раннесасанидский¹⁰. Аршакидский период относится к I в. н. э.

Дворец занимает часть холма, вход в него находится с южной стороны, центром композиции является прямоугольный обширный двор, в который с запада и востока выходят обширные сводчатые айваны с комнатами рядом и позади них. Айванные помещения равны по высоте двум этажам обычных помещений. На северной стороне находится обширная галерея, внешняя (выходящая во двор) сторона которой украшена приставными дорийскими колоннами с обычным антаблементом. Пространство между колоннами прорезано сводчатыми нишами, в центре — сводчатый проем двери, к которой ведут две монументальные лестницы, пристроенные к галерее. Над входом — две скульптурные мужские фигуры.

Позади галереи — храм огня. Та часть дворца, которую он занимает, расположена на более высоком уровне, чем остальные его части. Ядро храма составляет квадратное купольное помещение, три (или четыре) входа в которое оформлены в виде арок. С четырех сторон это помещение обрамлял сводчатый коридор, ширина которого не везде одинакова: со стороны главного фасада она примерно в два раза больше. Позади этого комплекса находится еще одно довольно обширное прямоугольное помещение. Подходы к храмовому комплексу оформлены монументальными лестницами. Алтарь храма был найден неподалеку, во дворе. Совершенно несомненно родство этого храма с храмами в Хатре и Персеполе¹¹. Как и в Хатре, ядро храма составляет квадратное помещение, со всех сторон обведенное коридором (отличие только в том, что центральное здание Хатры перекрыто сводом). Однако можно полагать, что, как и в Персеполе, эта комната предназначалась не для хранения огня, а для общественных церемоний¹². То обстоятельство, что эта центральная комната здесь не замкнутое помещение (напротив, три арки дают свободный доступ в нее), отражает какие-то не совсем еще известные изменения в ритуале и соответственно изменение функций отдельных частей храма. Эта особенность сближает храм Кух-и-Ходжа с остальными храмами огня парфянского времени и означает новую фазу в развитии храмовой архитектуры и тем самым маздеистской религии. Купольное перекрытие центрального помещения как по своей идее, так и по методам исполнения роднит храм Кух-и-Ходжа с храмами огня последующего, сасанидского времени; то же самое можно сказать и об арках, открывающих наружу пространство центрального помещения.

¹⁰ E. Herzfeld. *Archaeological history...*, стр. 66 сл.; он же. *Iran...*, стр. 292 сл.

¹¹ E. Erdmann. *Das iranische Feuerheiligtum*. Leipzig, 1941, стр. 32.

¹² K. Erdmann. Указ. соч., стр. 33.

Еще более важной чертой является включение храма Кух-и-Ходжа в дворцовый комплекс.

Если для ахеменидского времени характерно выделение храма огня из общей застройки, вынесение его даже за пределы собственно города¹³, то сасанидские храмы во многих случаях объединены в одном комплексе с царским дворцом (например, Бишапур, Каср-и-Ширин), однако зарождается эта черта еще в парфянское время. То же самое наблюдается в Хатре, единый комплекс с дворцовыми постройками составляют и храмы Старой Нисы. По наиболее близкие аналогии в общем устройстве здания можно усмотреть в дворце парфянского времени в Ашуре (см. ниже).

Дворец Кух-и-Ходжа и дворец в Ашуре прежде всего имеют общие основные черты плана. В обоих случаях центром дворцового комплекса является обширный двор с выходящими в него айванами. Группы помещений с каждой стороны двора не связаны друг с другом и сообщаются только через двор. Значительную часть здания занимает храм. В Кух-и-Ходжа, как и в Ашуре, основным мотивом внешнего рисунка является сочетание дорийских приставных колонн и сводчатых проемов *пиш* (окон). Столь же поразительно единство архитектурного декора. Вместе с тем надо отметить, что в Ашуре еще не возводились купола.

Значение святилища Кух-и-Ходжа было очень велико¹⁴. Руины его являются объектом известного почитания еще и сейчас. Храм Кух-и-Ходжа является свидетельством того, что в религии одной из важнейших областей Парфянской державы — Сакастана — происходили процессы, сходные с теми, что наблюдались и в остальных ираноязычных областях Парфянского царства. Эти процессы нашли свое выражение в единообразии религиозной архитектуры во всех этих районах. С другой стороны, этот храм еще раз доказывает тесную связь, по крайней мере в области религии и религиозной архитектуры, аршакидского и сасанидского Ирана.

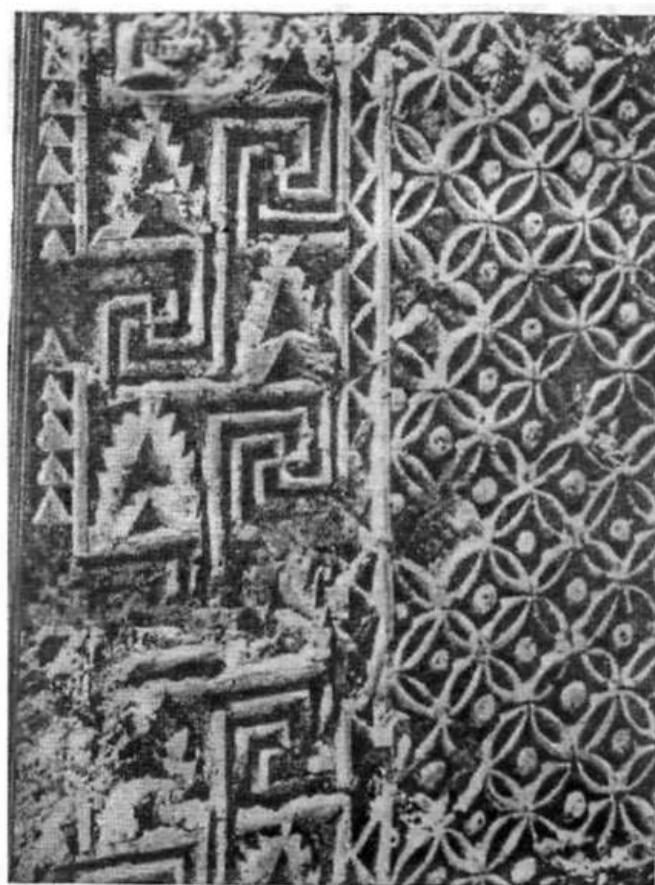
Не меньшее значение, чем архитектура, имеет для нас и настенная живопись этого дворца.

Наряду с чисто декоративными панно здесь встречаются и сюжетные росписи¹⁵: эрот верхом на коне с копьём наперевес, эрот на леопарде, изображения людей и богов. Очень характерна композиционная схема, используемая в этой живописи: сцены обрамлены разноцветными полосами и производят впечатление многокрасочного ковра с вытканными на нем изображениями. Может быть, в Кух-и-Ходжа это отражает происхождение

¹³ R. Ghirshman. La tour de Nourabad. «Syria», t. XXIV, fasc. 3—4. Paris, 1944—1945, стр. 175.

¹⁴ E. Herzfeld. Archaeological history..., стр. 68.

¹⁵ E. Herzfeld. Iran..., табл. CI—CIV.

Кух-и-Ходжа. Стукковый орнамент и фрагмент росписи

самого приема украшения степ росписью, видимо восходящего к украшению стен коврами.

Среди живописи Кух-и-Ходжа очень ярко чувствуются два элемента: эллинистический и местный. Иногда они сливаются в единое целое, иногда же остаются совершенно отдельными. Примером сцен второго рода являются уже упоминавшиеся изображения эрота, может быть, связанные с дионисийским культом. Эта сцена по своему характеру чисто эллинистическая, и параллель ей можно видеть в некоторых памятниках эллинистического искусства западного Ирана, в частности в изображении эрота в Нихавендском кладе¹⁶. К другой, наиболее интересной группе относятся, в частности, изображения царя и царицы. Царь стоит несколько впереди своей супруги, ее тело видно только наполовину. Лицо царя повернуто в три четверти, царица же изображена почти в фас. Их костюмы, богато украшенные, разноцветные, дают яркую гамму желто-красно-фиолетовых цветов различных оттенков. В этой сцене особенно поражает стремление к глубине композиционного построения: свободные естественные позы, мягкий и очень пластичный рисунок контуров тела царицы. В общем эта сцена резко расходится с обычными приемами изображения царственных персон в ахеменидском искусстве, где они изображаются в строгих, полных величественного достоинства позах, только в официальные моменты их жизни.

Также интересна сцена с изображением «трех божеств», где на темном фоне резко выделяются одетые в белые с синим и зеленым одежды фигуры трех божеств.

Здесь также ярка и заметна попытка пространственного построения. Очень характерна голова одного из персонажей¹⁷. Наиболее интересна в этой голове попытка дать индивидуальную характеристику. Голова человека изображена в энергичном повороте, сухие, резкие черты, крутой подбородок, небольшие усы и борода, внимательный взгляд создают впечатление человека с импульсивным характером, как бы на секунду застывшего в стремительном повороте.

Таким образом, в живописи Кух-и-Ходжа заметно очень много черт, явно унаследованных от эллинистического искусства¹⁸, таких, как попытки глубокого пространственного построения, индивидуальной характеристики персонажей, свободного, неканонического изображения фигур богов и царственных особ. Но в то же время в этой живописи заметны и те черты, которые характерны для всего парфянского изобразительного искусства в целом: линейность, плоскостность, изгибы которой

¹⁶ R. Ghirshman. Persian art. The Parthian and Sassanian Dynasties. New York, 1962, стр. 101.

¹⁷ E. Herzfeld. Iran..., табл. CII левая.

¹⁸ E. Herzfeld. Archaeological history..., стр. 71; R. Ghirshman. Persian art..., стр. 45; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, стр. 157.

вырываются отнюдь не все сцены в Кух-и-Ходжа, стремление к фронтальности, заметное в целом ряде сцен.

Встает вопрос о происхождении этого весьма сильного эллинистического влияния на живопись Кух-и-Ходжа. Герцфельд полагал, что источником было греко-бактрийское искусство¹⁹. Еще дальше в этом отношении пошел А. Годар, вообще считавший весь памятник Кух-и-Ходжа скорее греко-бактрийским, чем парфянским²⁰. Вряд ли это справедливо. Прежде всего надо учесть, что само греко-бактрийское искусство слишком мало известно. Кроме того, со времени работ Герцфельда были сделаны очень важные открытия, позволяющие во многом по-новому взглянуть на этот вопрос. Это прежде всего раскопки в Нисе и раскопки в Халчаяне. В Нисе можно проследить очень яркую картину проникновения эллинистических элементов далеко на восток Азии (нисийские ритоны, скульптура, мелкая пластика). Все эти произведения являются фактическим материалом, подтверждающим высказывавшееся раньше мнение о значительном участии парфянских элементов в формировании искусства Гандхары²¹, в которое эллинистические элементы проникали через Парфию.

Раскопки в Халчаяне²² вскрыли произведения искусства того же самого типа, что и в Кух-и-Ходже. В Халчаяне также ярко заметны два потока: эллинистический и местный, иногда сливающиеся, а иногда остающиеся раздельными. Конечно, скульптура Халчаяна по своим художественным достоинствам стоит значительно выше, нежели росписи Сакастана, но принципиально это явления одного порядка. Кроме того, Г. А. Пугаченкова среди скульптуры Халчаяна выделяет явные следы воздействия Парфии. Таким образом очевидно, что главным источником эллинистических черт в живописи Сакастана скорее всего может быть парфянское искусство, то ли непосредственно, то ли отраженно через искусство Тохаристана.

¹⁹ E. Herzfeld. *Archaeological history...*, стр. 73.

²⁰ A. Godard. Указ. соч., стр. 153.

²¹ J. E. Van Lohuizen-Leeuw. The «scythian» period. Leiden, 1949, стр. 91; J. Marshall. *The Buddhist art of Gandhara*. Cambridge, 1960 (главы III—VI).

²² Г. А. Пугаченкова. Археологическая разведка у селения Халчиян. «Известия АП Узбекской ССР», серия общественных наук, 1960, № 3, стр. 49 сл.; она же. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 г. «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 4, стр. 55 сл.; она же. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН Узбекской ССР в 1960 г. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 3, стр. 65 сл.; она же. К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии. «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 6, стр. 51 сл.; она же. Образ чагатайского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. ВДИ, 1962, № 2, стр. 88 сл.; она же. Халчаянская Афина. ВДИ, 1963, № 2, стр. 155 сл.; она же. Скульптура Халчаяна. «Искусство», 1964, № 6, стр. 30 сл.

Подводя итоги, следует отметить большое своеобразие культуры Сакастана, где наряду с древними иранскими культурными традициями уживаются сильные эллинистические влияния. Однако, насколько мы можем представить себе дальнейшее развитие искусства Систана, процесс этот остался незавершенным. Видимо, более тесное сплочение с Парфией, где с первых веков нашей эры усиливается антиэллинская направленность во всех сферах культуры, и отчуждение от Кушанской державы, в центрах которой эллинистическое искусство продолжало существовать еще значительное время в форме греко-буддийского искусства, привели к отмиранию этой яркой ирано-эллинистической ветви парфянского искусства.

ЗАПАДНАЯ ПАРФИЯ

МЕСОПОТАМИЯ

Политическая история Месопотамии в парфяnsкое время очень сложна. Основные линии ее (и их влияние на формирование и развитие культуры парфяnsкой Месопотамии) нами прослежены в предыдущих работах¹. Поэтому мы ограничимся общим очерком, останавливаясь только на самых важных явлениях.

К моменту парфяnsкого завоевания, примерно в 140 г. до н. э., обстановка в Месопотамии сложилась следующим образом: Александр Македонский и Селевкиды на ее территории основали значительное число греческих городов, которые, являясь опорой правящей династии, пользовались целым рядом привилегий. Полноправные члены гражданских общин этих полисов составляли господствующий слой населения парфяnsкой Месопотамии. К греческим городам примыкали в известной мере и некоторые древневосточные города², гражданско-храмовые коллективы которых также имели привилегии, хотя и не столь значительные.

Парфяnsкое завоевание Месопотамии было встречено правящими кругами городов чрезвычайно враждебно, так как оно пизводило граждан как греческих, так и восточных городов до уровня рядовых подданных «великого царя», а привилегированное положение переходило к завоевателям — парфянам. Эта враждебность нашла выражение в поддержке, которую оказывали Селевкидам — Деметрию II Никатору и Антиоху VII Сидету — жители Месопотамии в период их попыток отвоевать Месопотамию. Неудача этих попыток только на время ослабила остроту борьбы в Месопотамии. В течение всего I в. до н. э. и начала I в. н. э.

¹ Г. А. Кошелевко. Городской строй полисов Западной Парфии. ВДИ, 1960, № 4, стр. 73—82; он же. Внутривполитическая борьба в Парфии. ВДИ, 1963, № 3, стр. 56—68.

² Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83.

греческие (в первую очередь Селевкия на Тигре) и восточные (в частности, Вавилон) города постоянно выступали в роли основной силы, поддерживающей проримских ставленников на аршакидский престол, и в результате в этом районе Парфянской державы неоднократно вспыхивают восстания. Кроме того, антиаршакидские устремления этой части населения находят свое выражение и во время завоевательных походов самих римлян (Красс, Антоний), симпатий к которым она (особенно греки) не скрывает. Обстановка изменяется только ко второй половине I—II в. н. э. С подавлением «великого восстания» 36—43 гг. н. э. в Селевкии этот самый могущественный греческий город Месопотамии перестает быть центром консолидации всех оппозиционных сил. Антипарфянские настроения постепенно спадают. Видимо, часть греческих городов, таких как Дура-Европос, была привлечена большими прибылями в торговле между Западом и Востоком, а другие, как Селевкия на Тигре, были сокрушены. Во всяком случае, хотя сама Аршакидская династия, сотрясаемая постоянными междоусобными войнами, во II в. н. э. и переживает кризис, подчинение парфянской власти, вне зависимости от признания власти того или иного представителя ее, не было уже спорным вопросом для жителей Месопотамии. Свидетельством этому служат восстания против римлян, которые вспыхивают во времена неоднократных римских захватов Месопотамии в течение II в. н. э. (поход Траяна, Овидия Кассия, Септимия Севера). Очень показательно также, что римские походы никогда не приводили к сколько-нибудь длительному владычеству римлян в Месопотамии.

Политическая обстановка воздействовала, как нам представляется, на развитие культуры парфянской Месопотамии следующим образом: в период господства Селевкидов взаимодействие между греческой и местной культурами было сравнительно ограниченным, так как в большинстве случаев существовали социальные барьеры между греками и представителями местного населения. Падение этих барьеров во время парфянского завоевания способствовало бурному взаимодействию местной культуры семитоязычного населения и культуры греческого населения. Несомненно существовало и некоторое влияние иранцев, но их число всегда было сравнительно невелико и, кроме того, враждебное отношение к парфянской власти в первый период вряд ли могло способствовать усилению иранских влияний.

Решительное численное преобладание местного населения привело к тому, что в синтезе греческой и местной культур возобладали местные элементы. С улучшением отношений с Аршакидской династией должно было увеличиться и значение иранских элементов в культуре Месопотамии. Кроме того, нельзя забывать о близком соседстве римской Сирии, откуда на культуру парфянской Месопотамии самым широким потоком могло распространяться влияние римской провинциальной культуры.

В парфянское время Месопотамия переживала время экономического подъема. Наиболее яркое выражение он нашел в росте городов. В это время продолжают существовать очень многие из древневосточных городов, такие, как Вавилон, Урук-Варка. Для многих из греческих городов, основанных Селевкидами, таких, как Дура-Европос, парфянское время было периодом наибольшего расцвета. Возрождаются некоторые из старых городов — Ашур, Ниневия. Сами парфяне возводят много новых городов (Ктезифон, Вологазокерт). Очень интересные данные получены из Хатри³.

Развитие городов было тесно связано с развитием ремесла. Во всех городах проводились обширные строительные работы, иногда весьма монументальные. Кроме того, известно много ремесленных производств, существовавших в Месопотамии. В Селевкии раскопана мастерская по переработке фиников, из которых изготовлялась сладкая паста и финиковое вино⁴. В Борсиппе существовали мастерские по переработке льна, их значение было столь велико, что о них упоминали даже древние авторы (Strabo, XVI, 1, 7). Важную роль играло керамическое производство⁵. Месопотамия была также центром международной торговли, здесь скрещивались сухопутные и морские дороги, связывающие Запад с Востоком.

Развитие торговли требовало развитой дорожной сети, поддержания ее в порядке, обеспечения безопасности торговых караванов. Свидетельством высокого уровня парфянской дорожной сети является итинерарий Исидора Харакского. Вся Месопотамия была изрезана сетью сухопутных и речных дорог. Большое значение имели и каналы, особенно унаследованный от нововавилонского времени так называемый царский канал, соединяющий Евфрат с Тигром⁶. Месопотамия была связана несколькими дорогами и с восточным побережьем Средиземноморья.

В международной торговле Парфии важное место занимала торговля с Индией и Цейлоном. Она осуществлялась как сухопутным, так и морским путем через Харакену. Экономическое значение восточной торговли трудно переоценить. По свидетельству Плиния (N. H., XII, 41), римляне были вынуждены платить 100 млн. сестерциев в год Индии, Аравии и серам (китайцам) за их товары. Поэтому парфянское правительство стремилось захватить ключевые позиции на всех торговых путях, чтобы извлекать максимум выгоды из своего срединного положения между

³ Этот город — важнейший в северной Месопотамии — паселяли большей частью арабы. Видимо, возникновение его связано не только с градостроительной деятельностью парфян, но и с оседанием на землю кочевников-арабов и их переходом к классовому строю.

⁴ L. Waterman. Preliminary report upon the excavations at Tell Umar, Iraq. Ann Arbor, 1931, стр. 14.

⁵ N. C. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939.

⁶ A. Salonen. Die Wasserfahrzeuge in Babylonien. Helsinki, 1939.

Дальним Востоком и Римской империей. Но здесь соперниками выступают не только внешние, но и внутренние враги. Главным центром транзитной торговли были Селевкия на Тигре⁷. Уже говорилось о враждебных отношениях между этим могущественным городом и центральным правительством. Это побудило парфяны попытаться перетянуть транзитную торговлю в другие центры (в частности, Харакену и вновь основанный Вологазокерт). Видимо, их усилия в этом направлении оказались успешными. Во всяком случае после 24 г. н. э. в пальмирских надписях больше не встречаются упоминания о Селевкии в числе городов, куда ходили или откуда возвращались пальмирские торговые караваны.

Несмотря на значительное развитие ремесла и огромную роль торговли, основу хозяйства Месопотамии составляло сельское хозяйство. Об этом говорит и описание Страбоном Месопотамии (Strabo, XVI, 1). Интересно, что, согласно его описанию, ирригационные системы Месопотамии поддерживались в порядке (Strabo, XVI, 1, 9).

В Месопотамии рабовладельческие отношения, хотя в форме, отличной от классического рабства Греции и Рима, существовали с древнейших времен. Греческое завоевание, строительство греческих городов, большая роль греческого населения, сближение между греческими и восточными городами в эпоху Селевкидов — все это способствовало дальнейшему развитию рабовладельческих отношений в Месопотамии, их поднятию до уровня античных⁸. Скучные источники парфянского времени свидетельствуют о дальнейшем развитии этого процесса. Известно о продаже крупных масс рабов в первый период владычества парфяны, когда в рабство обращались жители Месопотамии, принимавшие участие в антипарфянских восстаниях (Diod., XXXIV, 44^a). В пергаментях из Дура-Европос неоднократно упоминаются рабы, в том числе продаваемые (Dura. Perg., XXIII) и закладываемые⁹. Продолжается процесс закабаления свободных общинников. Так, некий Барлай, сын Татая, получает займы 400 драхм под залог всего имущества, обязуясь за это выполнять обязанности раба (παρέξεται αὐτῷ δουλικὰς χρεῖας), делать все, что ему прикажут¹⁰.

Одним из методов полного порабощения мелких землевладельцев было использование закона, по которому не уплативший поголовной подати становится рабом того, кто уплатил за него этот налог¹¹. Этот закон был

⁷ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 227; R. H. Mc Dowell. The excavations at Seleucia. «Papers of Michigan academy of sciences, arts and letters», t. 18, 1932, стр. 113; R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, стр. 217.

⁸ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 28.

⁹ См.: C. B. Welles, R. O. Fink, F. Gilliam. The parchments and papyri. The excavations at Dura-Europos. Final report, V, p. I. New Haven, 1959, стр. 109 сл.

¹⁰ И. А. Шишова. Дура-Европос — крепость Парфянского царства. «Ученые записки ЛГУ», № 192, серия исторических наук, 21, 1956, стр. 117—118.

¹¹ Ю. А. Солодухо. Концентрация земли в Ираке во II—V вв. н. э. ВДИ, 1947, № 2, стр. 45.

зафиксирован в сасанидское время, но, так как законоведы-талмудисты, в частности Равва, ссылаются на Равви Шешета, жившего в конце парфянского — начале сасанидского времени, можно предполагать, что это законоположение существовало уже в парфянское время. Широко была распространена торговля рабами. Об этом свидетельствует существование в Селевкии особого налога на продажу рабов¹². Из описания путешествия Аполлония Тианского явствует, что царские чиновники взимали налог за продажу рабов в Вавилоне (*Philost. Vita Apol.*, I, 20).

Рабы использовались главным образом в сельском хозяйстве. Так, крупные частновладельческие поместья — дастакерты с рабами упоминаются в Талмуде, причем рассказ о продаже дастакерта с рабами находится в вавилонском Талмуде и по контексту относится к Ираку¹³.

Характерно, что поместье продается вместе с рабами; например о продаже виноградника вместе с рабом¹⁴ сообщает пергамент XXII из Дур-Европос. Наряду с рабами, принадлежавшими частным лицам, существовали и государственные рабы. Так, в письме Плиния Младшего к Траяну (*Plin. jun. Ep.*, X, 74) упоминается о поимке беглого раба Каллидрома, который некогда был подарен дакийским царем Децибалом парфянскому царю Пакору и работал в его рудниках. На основании этого текста можно считать, что рудники в Парфии принадлежали царю и на них работали царские рабы¹⁵. Кроме рабского труда, в парфянской Месопотамии, видимо, довольно широко был распространен и труд свободных мелких землевладельцев, которые возделывали небольшие земельные участки, принадлежавшие лично им или общине¹⁶.

При всей скудности источников все же не подлежит сомнению, что рабовладельческие отношения достигли значительного развития в Месопотамии и греческое завоевание дало известный толчок этому развитию¹⁷.

Экономический подъем, переживаемый парфянской Месопотамией, находил свое выражение также и в расцвете городов. В Месопотамии парфяне столкнулись с местными очень устойчивыми традициями: древневосточной и греческой. В парфянское время продолжали существовать многие из древневосточных городов (Вавилон, Урук, Ашур, Ниппур, Ниневия). Вавилон имел еще довольно большое значение в это время (*Just.*, XLII, 1, 3, XLII, 4, 2; *Liv.*, 38, 17; *Joseph. Ant.* 18, 371;

¹² R. H. Mc Dowell. Bullae stamped with greek legends. Preliminary report upon the excavations at Tel Umar. Iraq. Ann Arbor, 1931, стр. 30, № 13—15.

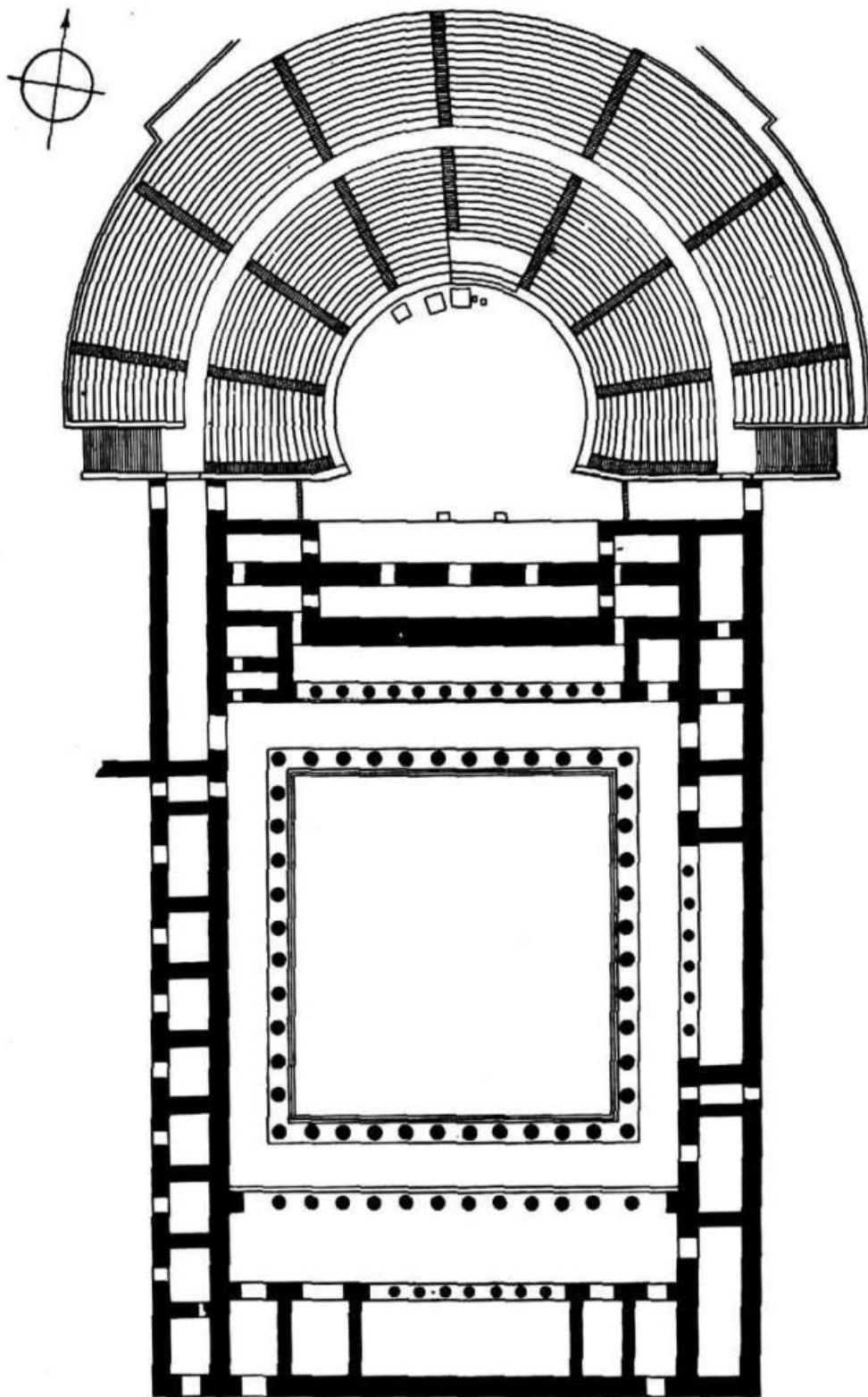
¹³ А. Г. Перяханян. Рабовладение и землевладение в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, № 4, стр. 19; Ю. А. Солодухо. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. СВ, 11, 1941, стр. 37—52.

¹⁴ C. B. Welles. Die zivilen Archiv in Dura. «Papyri und Altertumswissenschaft», 19, München, 1934, стр. 382, 383.

¹⁵ А. Г. Перяханян. Указ. соч., стр. 15.

¹⁶ Ю. А. Солодухо. Значение еврейских источников, стр. 40.

¹⁷ Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 94.

Вавилон. Театр и палестра. План

Plin. N. H. VI, 26, 123; Curt. Ruf., V, 1, 22; Dio Cass., LXVIII, 30, LXXV, 9). Об этом свидетельствуют найденные здесь надписи¹⁸, и это подтверждают последние раскопки, в частности открытие театра¹⁹, существовавшего вплоть до II в. н. э.²⁰. Город неоднократно подвергался осадам (Just., XLII, 4, 2) и мог их выдерживать, что говорит о существовании городских стен, возникших в повоававилонское время²¹. Это наиболее яркий пример сохранения древневосточной системы укреплений в парфянское время²². Городская планировка города также унаследована от более раннего времени, хотя улицы уже выглядят по-другому (вдоль улиц тянутся колоннады, являющиеся навесными градостроительными приемами римской Сирии), сохраняется, впрочем, ряд древних храмов. Характерной чертой является наличие погребений внутри городских стен.

Среди городов, возведенных греками, наиболее известна система укреплений Дюра-Европос²³. Укрепления города возводятся в селевкидское время, в них заметно смешение вавилонских и греческих принципов фортификации. После прихода парфян в городе возводится цитадель, что отражает неуверенность новых хозяев в лояльности жителей. Только через 100 лет возникает эта уверенность, и внимание с цитадели переносится на городские стены из опасения угрозы со стороны Рима. Сырцовые стены и башни заменяются каменными, хотя и план, и устройство их остаются неизменными. Ничего специфически парфянского в системе укреплений Дюра нет. В парфянское время прямоугольная система улиц сохраняется, но резко меняется характер домов, храмов, дворцов; агора застраивается десятками мольчайших лавок, становясь похожей на средневековый сук — крытый рынок городов Ближнего Востока²⁴.

Видимо, к числу укреплений на парфянской царской дороге относится небольшая парфянская крепость Телль Бандар²⁵. Она имеет прямоугольный план, четыре мощные округлые башни по углам и две небольшие башни посреди коротких стен. Сложена она из сырцового кирпича 40 × 26 × 17 см. Среди городов, возведенных в парфянское время, наибольшее внимание привлекает Хатра²⁶. Планировка города приближается к

¹⁸ B. Haussoulier. Les inscriptions grecques de Babylone. «Klio», IX, 1909, стр. 352—353.

¹⁹ F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallowitz. Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957.

²⁰ H. Klengel. Babylon zur Zeit der Perser, Griechen und Parther. Forschungen und Berichte (Staatliches Museum zu Berlin), B. 6. Berlin, 1962, стр. 53.

²¹ F. Wetzel. Die Stadtmauern von Babylon. Leipzig, 1930, стр. 7.

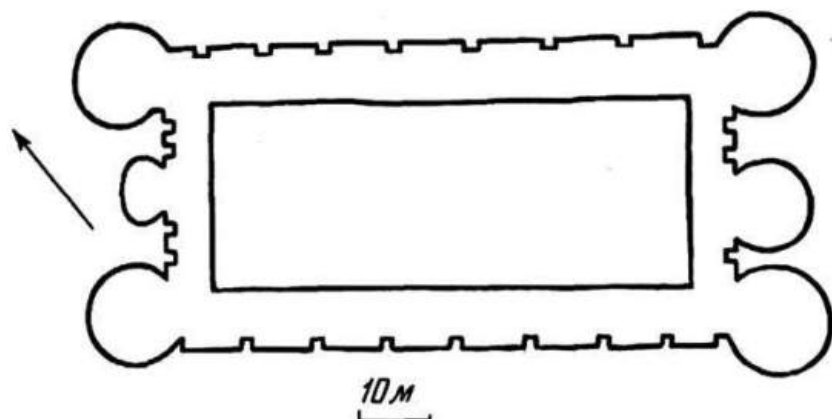
²² Г. А. Кошелев. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, стр. 65.

²³ Там же, стр. 66.

²⁴ The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 9th season of work», p. 1. The Agora and Bazaar. New Haven, 1944.

²⁵ S. Langdon. Excavations at Kish and Barghuttri at 1933. «Iraq», vol. I, p. 2, 1934.

²⁶ Г. А. Кошелев. Парфянская фортификация, стр. 68; W. Andrae. Hatra, t. I—II. Leipzig, 1908—1912; F. Safar. Hatra and the first season of Excavations. «Sumer», t. VIII, N 1. Baghdad, 1951, стр. 3—16.

Телль Бандар. План крепости

кругу, город окружен двумя стенами, внешняя стена местами в плане образует зигзаг. Иногда основная стена усилена еще и протейхизмой. Все ворота защищены сложными предвратными лабиринтами. В планировке укреплений Хатры заметно слияние местной и иранской систем обороны. Общая планировка города нерегулярная. Центр Хатры занимает прямоугольный в плане обширный дворцово-храмовый комплекс. Часть городской территории занята некрополем. Ктезифон по характеру своих укреплений и планировке близок Хатре. Город тоже представляет в плане круг. Сырцовая стена усилена полукруглыми в плане башнями²⁷. Наибольшее внимание привлекает круглый план обоих этих городов²⁸. Мы уже писали выше, что подобные методы строительства укреплений восходят к старой кочевнической традиции.

Таким образом, можно констатировать, что если в укреплениях старых городов Месопотамии и греческих городах парфянского завоевание почти никакого отражения не нашло, то в новых городах, строившихся в парфянское время на завоеванных территориях, парфянское влияние было широким и многообразным. Оно проявлялось в общем плане укреплений, в системе расположения стен и системе защиты ворот (Хатра), в способах строительства (Фраасна) и размещения башен (Ктезифон). Очень интересно, что в парфянское время начинается переход к более прогрессивному типу круглых башен.

Для решения вопросов градостроительного искусства в этих районах в парфянское время еще очень мало материалов, но, так же как и в фортификации, парфянское влияние на градостроительство древних месопо-

²⁷ O. Reuther. The German Excavations at Ctesiphon. «Antiquity», 1929, t. 3, N 29; он же. Die Ausgrabungen des Deutschen Ktesiphon Expedition im Winter 1928/29. Wittenberg, 1929, стр. 6—9.

²⁸ Г. А. Кошелев. Парфянская фортификация, стр. 70.

тамских и греческих городов было незначительным. Гораздо ярче оно проявлялось во вновь основанных городах, таких, как Хатра, но даже и здесь определяющими были древние местные традиции. Традиционной особенностью этих городов было выделение центрального храмово-дворцового комплекса. Правда, этот принцип не всегда строго соблюдался. Так, в Ашуре дворец оказывается в самом центре жилой застройки. Характерной чертой, не известной ни в греческих, ни в парфянских городах, было отсутствие строгой границы между городом и некрополем. В некоторых случаях можно говорить об очень сильном проникновении некоторых элементов западного градостроительного искусства — колоннадные улицы в Вавилоне, стои в Ашуре.

АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩА, ДВОРЦА, ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЙВАНА

С наибольшим вниманием следует рассмотреть архитектуру жилища городов Месопотамии, так как процессы, происходящие в ней, показывают характер развития культуры основных масс населения с наибольшей яркостью. В судьбах архитектуры жилища греческих городов и восточных городов Месопотамии имеется значительное различие, и их следует рассматривать раздельно.

Так как более или менее систематическим раскопкам подвергались только два греческих города: Дура-Европос и Селевкия, поневоле придется ограничиться ими. Раскопки на территории Селевкии, проведенные в конце 20-х — начале 30-х годов американской экспедицией под руководством Л. Ватермана, привели к вскрытию квартала на холме Телль Умар. При раскопках его было обнаружено четыре последовательных слоя, отражающих четыре больших этапа в жизни города²⁹. Первый слой датируется периодом с 312 г. до н. э. (время основания города)³⁰ приблизительно до 141 г. до н. э. (время захвата города парфянами), второй слой — с 141 г. до н. э. до 43 г. н. э. (подавление «великого восстания» и утеря городом автономии)³¹, третий слой — с 43 г. н. э. до 110—116 г. н. э. (время войн Траяна с парфянами, взятие города римлянами и частичное разрушение его), слой четвертый — с 116 г. н. э. до III — начала

²⁹ N. E. M a n a s s e h. Architectural features of block B. «Second preliminary report upon the excavations at Tell Umar, Iraq». Ann Arbor, 1933, стр. 1; N. C. D e b e v o i s e. Указ. соч., стр. 9. Мы изменили нумерацию слоев, так как в работах советских антиковедов принято вести нумерацию слоев хронологически снизу вверх.

³⁰ О дате основания города см.: R. H. M c D o w e l l. The excavations at Seleucia, стр. 108—118.

³¹ Г. А. Кошелев. Архитектура жилища греческих городов Парфии. «Античный город». М., 1963, стр. 170, прим. 3.

IV в. н. э. (время медленного угасания города). Приведенные даты сейчас общеприняты³².

Первый слой вскрыт на очень небольшой площади, кроме того, он очень сильно поврежден в результате последующих перестроек. Сказать что-либо определенное об архитектуре домов этого времени трудно. Однако установлено, что город был распланирован по гипподамовой системе (для суждения о системе городской планировки репаяющими оказались данные аэрофотосъемки)³³. Кроме того, найденные здесь чисто античные вещи³⁴ заставляют предполагать, что дома Селевкии в это время повторяли один из типов греческих домов, вероятнее всего, пастадный³⁵.

Второй слой известен гораздо лучше. На территории раскопа находится прямоугольный квартал. Размеры его первоначально были 136,69 × 70,45 м. Затем квартал несколько расширился и, захватив часть улицы, достиг размеров 140,3 × 73,2 м. Во внешней части блока паходились лавки. Каждая лавка занимала одну-две комнаты, имеющие выход только на улицу и не соединяющиеся с основной частью блока. Сейчас трудно сказать, являлся ли этот квартал единым жилым комплексом или рядом отдельных домов³⁶. Второй вариант кажется более вероятным³⁷. Этот блок, очевидно, был кварталом, в состав которого входило семь домов. Центром каждого дома служил дворик (обычно мощеный), окруженный со всех сторон жилыми и хозяйственными помещениями, для которых он был источником света и воздуха. С одной стороны к дворику примыкал портик, за которым находилось обычно самое большое и самое важное в данном комплексе помещение. Иногда в портик выходили двери двух, трех и более комнат. Портик чаще всего двухколонный, иногда он обрамлен только антами³⁸. Такой основной принцип планировки очень близок домам Олифа³⁹, характерной чертой которых является внутренний дворик с примыкающей к нему с одной стороны пастадой. Сходны с ними и так называемые простадные дома Приены⁴⁰. Характерно, что архитектура жилого дома Селевкии эллинистического времени остановилась на пастадном типе и не дала следующего типа — перистильного, столь широко распространенного в архитектуре эллинистической эпохи.

³² Там же, стр. 172, прим. 4.

³³ S. Yeivin. Architectural notes. В кн.: L. Waterman. Указ. соч., стр. 19. Аэрофотосъемка, правда, отражает городскую планировку только в самом позднем слое, но это доказывает, что при всех тех кардинальных изменениях, которые произошли в жизни города, планировка его со времени основания осталась неизменной.

³⁴ N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 1.

³⁵ Г. А. Кошелевко. Архитектура жилища..., стр. 172, прим. 7.

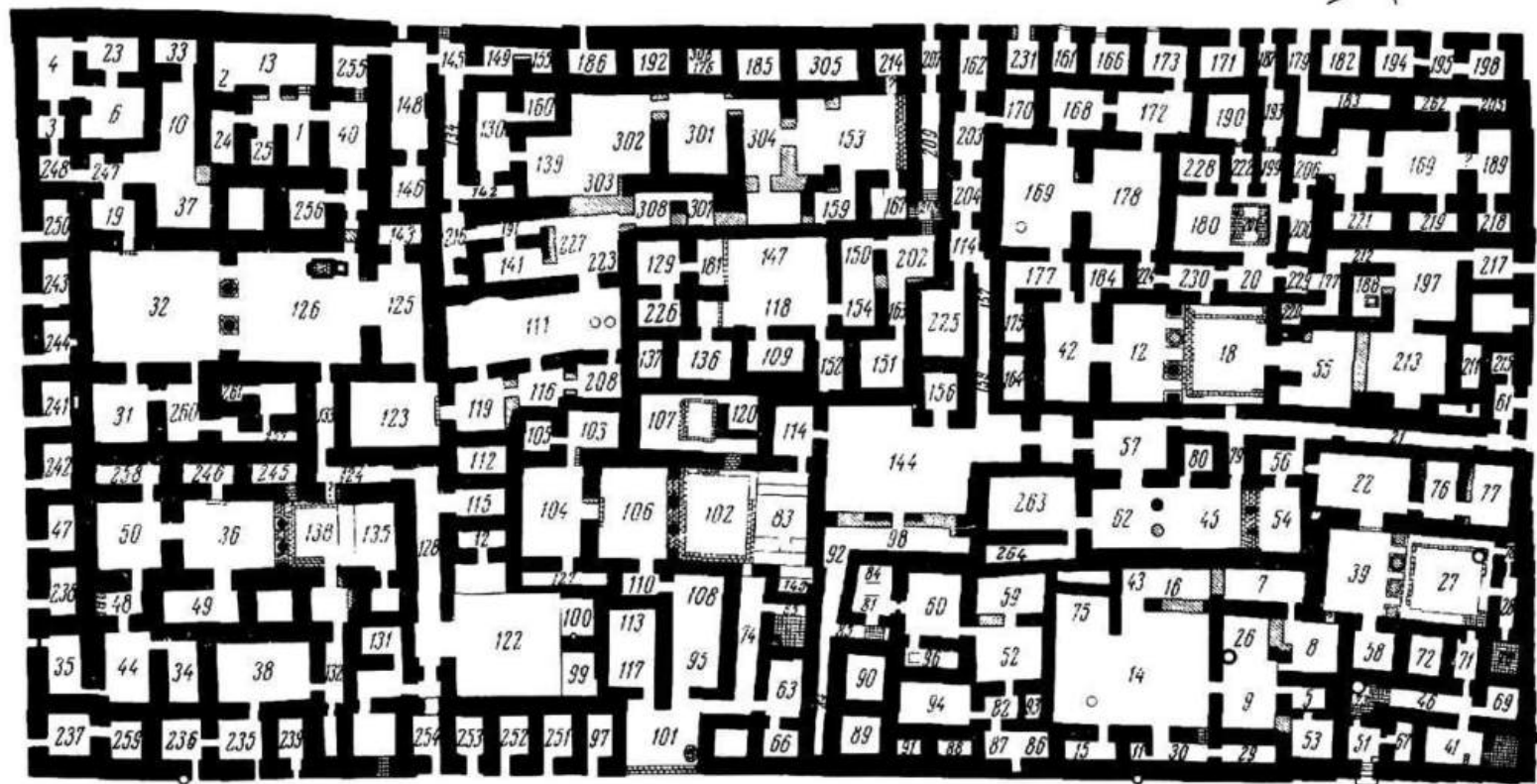
³⁶ N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 7.

³⁷ Г. А. Кошелевко. Архитектура жилища..., стр. 172.

³⁸ Там же, стр. 172, прим. 9.

³⁹ D. M. Robinson, I. W. Graham. The hellenic house (Excavations at Olinthus, p. VIII). Baltimore, 1938, стр. 142—143.

⁴⁰ Th. Wiegand, H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, дома XXV, XXVI, XXXIII.

Селевкия. Блок «Б». 141 г. до н. э. — 43 г. н. э.

Но если основное архитектурно-планировочное решение дома было античным по основному замыслу, то в отдельных частностях можно заметить следы местных влияний. Самый яркий пример этих влияний можно видеть в ином, нежели обычно в Греции, расположении портика. Портик в домах Олиифа помещался обязательно вдоль северной стороны двора⁴¹. То же самое видно и в простадных домах Приены. Даже в перистильных домах северный портик зачастую делался более высоким и парадным, чем остальные (так называемый родосский портик). Дома такого типа широко распространены по всему античному миру. При раскопках они обнаружены на Делосе, в Приене, в Пальмире и т. д.⁴² О том, что такое расположение портика было не случайностью, а результатом сознательного приспособления к климатическим условиям Греции, свидетельствуют античные авторы (Vitruv., VI, 7, I; Xenoph. Oec., 9—2—5; Xenoph. Memorab., III, 8, 9).

Во втором слое Селевкии все портики расположены с южной стороны двора. В этом нельзя не видеть влияния древнемесопотамской архитектуры, приспособившейся к условиям более жаркого климата⁴³. В древнемесопотамских домах жилые покои обычно располагаются на южной стороне внутреннего дворика⁴⁴. Это можно заметить и в Уре, и в Вавилоне, во всяком случае с эпохи нововавилонского царства⁴⁵. Интересно, что этот метод расположения главных жилых комнат на южной стороне двора дожил в Ираке до настоящего времени⁴⁶. Техника строительства — сырец с промазкой из битума — также близка древнемесопотамской и далека от античной. Характерно, что внешняя сторона стен домов Селевкии во втором слое украшена небольшими выступами, которые встречаются также в домах древней Месопотамии.

Несмотря на перенесение портика на южную сторону двора, что, как уже говорилось, диктовалось климатическими условиями Месопотамии, все-таки подчеркивалось бывшее значение северной стороны. В большинстве случаев с севера к дворику примыкали большие комнаты с очень широкими входами (например, комнаты 54, 83, 125, 135 и т. д.), в то время как западная и восточная стороны двора оставались почти всегда глухими.

Таким образом, до 43 г. н. э., несмотря на отдельные сравнительно небольшие изменения, диктуемые непривычными для греков климатическими условиями, жилые дома в Селевкии оставались в своих основных чертах эллинистическими, близкими по своим архитектурно-планировочным

⁴¹ D. M. Robinson, I. W. Graham. Указ. соч., стр. 143.

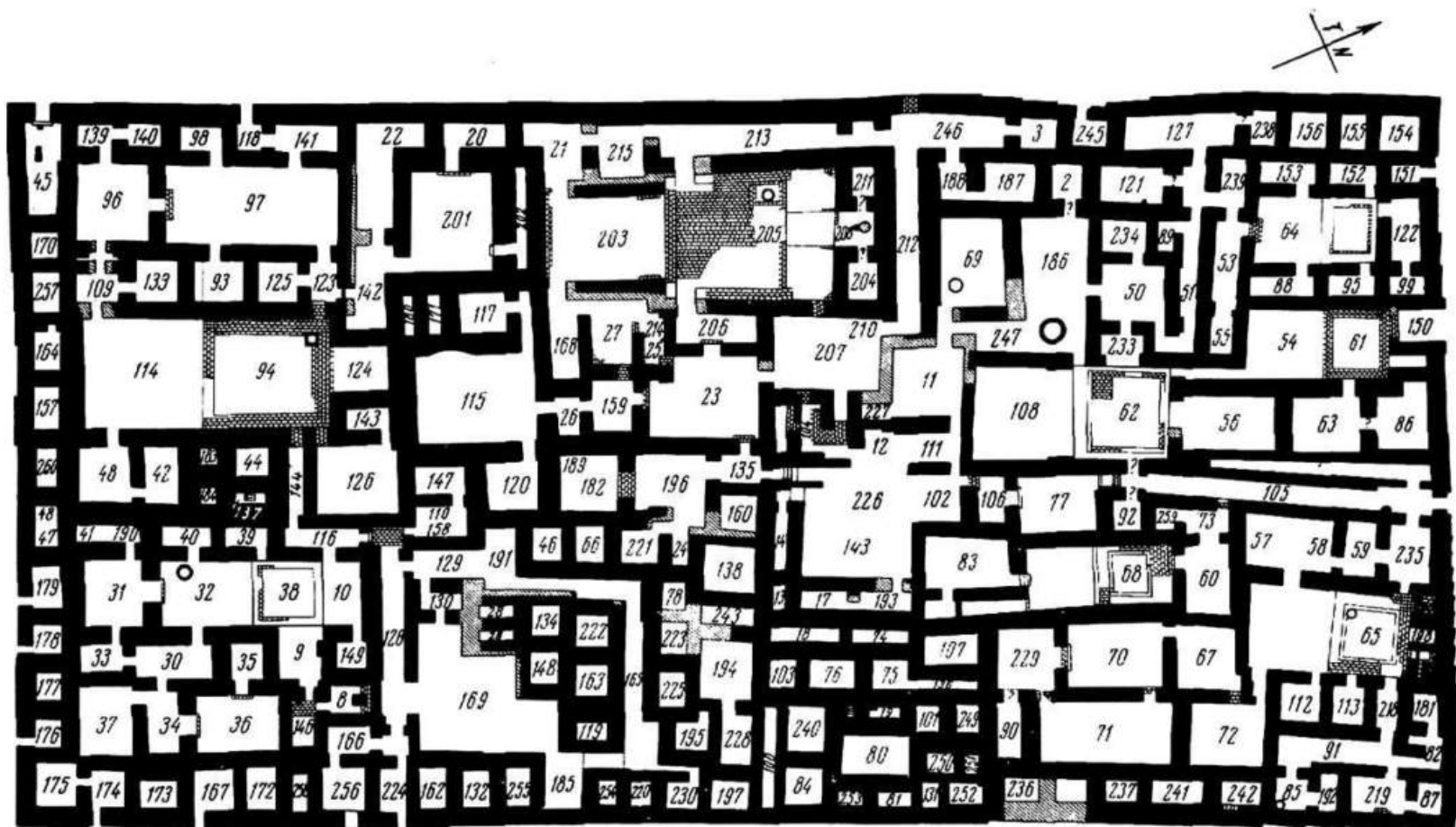
⁴² L'Exploration archéologique de Délos, t. I. Paris, стр. 139 сл.; Th. Wiegand, H. Schrader. Указ. соч., стр. 297, рис. 316; A. Gabriel. Recherches archéologiques à Palmyra. «Syria», t. II, № 1, стр. 86 сл.

⁴³ N. E. Manassch. Указ. соч., стр. 30.

⁴⁴ ВИА, т. I, М., 1944, стр. 133.

⁴⁵ R. Koldewey. The excavations at Babylon. London, 1935, стр. 258.

⁴⁶ T. Baqir. Babylon and Borsippa. Baghdad, 1959, стр. 11.

Селевкия. Блок «Б». 43—116 гг. н. э.

принципам домам Олинфа и ранней Прены. Вещи, найденные во втором слое Селевкии, также греческие. Резкое изменение происходит после 43 г. н. э. Слой третий, начинающийся с этого времени, имеет уже чисто восточный облик. Архитектура этого слоя очень близка к сасанидской и ранне-мусульманской архитектуре Переднего Востока. Место портика занимает айван — большая сводчатая комната без передней стены, выходящая на внутренний дворик (иногда применяется термин «ливан»).

Хорошо заметно, как в некоторых местах при перестройке здания колоннадные портики были разрушены. Здания, так же как во втором слое, отчетливо делятся на несколько комплексов⁴⁷. Центром каждого такого жилого комплекса является открытый двор с примыкающим к нему с юга большим айваном. Иногда в таком комплексе два-три двора⁴⁸.

Колоннадные портики исчезают в третьем слое полностью; колонны в архитектуре последующего времени в Селевкии совершенно лишены всякого конструктивного значения и используются только как декоративный элемент (иногда они делят стену в комнате на отдельные орнаментальные панели). Ближайшую параллель такому устройству представляет большой жилой дом в Ашуре парфянского времени⁴⁹. В нем также центром является внутренний дворик с большим южным айваном. Такое же решение имеют все известные нам дворцовые комплексы Месопотамии парфянского времени (дворцы Хатры, Ашура). В тех же дворцовых комплексах, в которых даже и встречаются перистильные дворы, они постоянно занимают заднюю, непарадную часть дворца. Передняя, наиболее официальная часть решена постоянно с использованием айвана (так, например, построен раннепарфянский дворец цитадели в Дур-Европос).

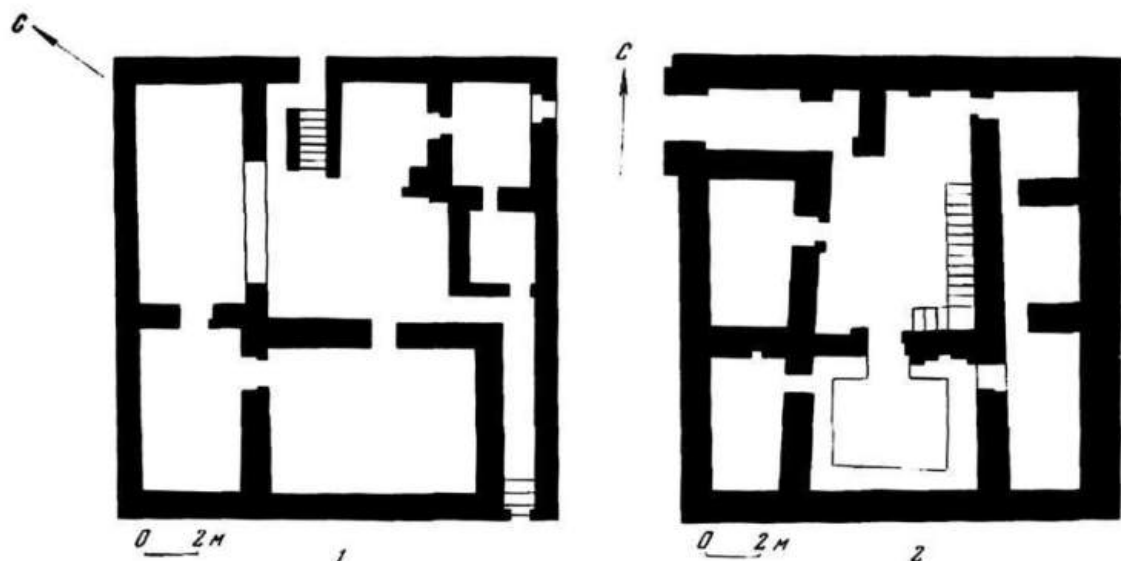
В одном случае во втором слое наблюдается чисто сасанидское решение — к двору 94 примыкают два айвана: один с севера, другой с юга, что характерно для сасанидской архитектуры⁵⁰. Кроме того, во втором слое впервые появляются суфы — лавки из глины или кирпича. Они довольно широки и идут вдоль двух или трех сторон двора. Иногда они служат своеобразными ступенями к айвану, уровень пола которого выше уровня пола двора. Эта черта также очень отличает дворики этих домов от обычных эллинских домов. Интересно, помимо всего прочего, что во втором слое число лавок на территории блока резко уменьшилось (примерно на $\frac{3}{4}$).

⁴⁷ N. E. Maпasseh. Указ. соч., стр. 31.

⁴⁸ Там же, рис. 5, стр. 19; А. Кошелевко. Архитектура жилища..., стр. 175, прим. 21.

⁴⁹ Интересно, что схема вертикального членения дома в Ашуре — одному этажу главного помещения соответствуют два этажа в остальных помещениях — находит очень близкие параллели в архитектуре жилых домов римского и византийского времени в Сирии.

⁵⁰ S. Yeivin. Указ. соч., стр. 19.

Дура-Европос: 1 — богатый дом эллинистического времени; 2 — план так называемого типичного дома парфянского времени

Таким образом, хорошо заметно, что 43 год н. э. является очень резким и четким рубежом, после которого внезапно и резко меняются основные принципы планировки жилого дома.

Как нам кажется, резкое изменение архитектуры жилища явилось показателем того, что после подавления восстания в городе обновился состав населения, а это могло быть вызвано карательной политикой Аршакидов.

Это, видимо, позволяет отказаться от предположения Манассе, что айван является закономерным развитием и прямой модификацией греческого дома «мегаронного типа»⁵¹. Ни в коем случае не углубляясь в дискуссию о происхождении айвана⁵², можно отметить, что мегарон и айван — два совершенно различных исходных типа жилища, порожденные различными природно-климатическими условиями, связанные с совершенно различными фазами развития общества и в силу этого имеющие совсем различные функции. Поэтому смена эллинистического по своим принципам дома домом восточным связана в Селевкии не с естественным развитием типа жилища, а с политикой Аршакидов, приведшей, видимо, к изменению состава населения Селевкии.

Более сложная картина в Дура-Европос. Сложность ее заключается в том, что слои эллинистического времени в Дура-Европос сохранились

⁵¹ N. E. Manassch. Указ. соч., стр. 31.

⁵² См., например: O. Reuther. Parthian architecture. SPA, t. I. London — New York. 1938, стр. 428 сл.; G. Oelmann. Hilani und Liwanhaus. «Bonner Jahrbücher», II. 127 (1922), стр. 189—217, 236.

недостаточно. Единственный дом, который мы можем со значительной долей вероятности отнести к эллинистическому времени, — это богатый дом в центре города, раскопанный экспедицией Кюмона⁵³. Он состоит из пяти комнат, сгруппированных вокруг дворика, имеет два входа (с разных улиц), полуподвальный этаж (исследованный не полностью). Кюмон считает, что этот дом воспроизводит план греческого дома IV в. до н. э.⁵⁴ С известными оговорками с этим можно согласиться. Действительно, трудно представить, чтобы в греческой военной колонии, построенной около 300 г. до н. э.⁵⁵ по всем правилам античного градостроительства⁵⁶, жилой дом воспроизводил бы иной тип, нежели греческий. Вопрос заключается в том, насколько этот дом, построенный в эллинистическую эпоху, отражает местные, восточные влияния. Сама планировка вокруг центрального дворика, являющегося источником света и воздуха для всех комнат дома, не является определяющей, поскольку древнемесопотамские дома планировались таким же образом, по крайней мере с нововавилонского времени. Показательным для определения характера дома является то, что на северной стороне двора расположена большая комната, с очень широким входом в нее. Этот вход настолько широк, что вряд ли его можно назвать дверью (ширина его немного более 4 м). Это скорее портик (пастада). Правда, здесь отсутствуют колонны и за пастадой нет никаких жилых помещений; жилые помещения сдвинуты несколько вбок. Но подобное расположение комнат встречается и в Приене⁵⁷, и на Делосе⁵⁸. Расположение пастады на севере целиком отвечает принципам античной архитектуры (Vitruv., VI, 7, 1; Xenoph. Oec., 9, 2—5; Xenoph. Memorab., III, 8—9) и прямо противоположно старой вавилонской традиции расположения важнейших жилых помещений на южной стороне двора⁵⁹. Очень близко приепским домам устройство входа, когда главная дверь в дом выходит не на главную улицу, а в боковой переулок, и длинный и узкий коридор ведет от входа к дворiku, делая зачастую при этом изгиб. Декор дома также выдержан в основном в традициях греческой архитектуры, но с некоторыми сирийскими элементами⁶⁰. Восточное влияние сказывается также в устройстве глубоких полуподвальных помещений. В них жители проводили наиболее жаркую часть дня⁶¹. Дома

⁵³ F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, стр. 241 сл.

⁵⁴ Там же, стр. 245.

⁵⁵ О дате основания города см.: M. Rostovtzeff. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938, стр. 11.

⁵⁶ Там же, стр. 37.

⁵⁷ Th. Wiegand, H. Schraeder. Указ. соч., дом № 26.

⁵⁸ I. Chamonard. Exploration archéologique de Délos. Paris, t. VIII, I, 1919, стр. 118, 176.

⁵⁹ R. Koldewey. Указ. соч., стр. 258 сл.; ВИА, т. I, стр. 433.

⁶⁰ F. Cumont. Указ. соч., стр. 245.

⁶¹ Там же, стр. 246.

с таким устройством известны в Беграме кушанского времени⁶², встречены в Самарре⁶³, довольно широко распространены и в современном Иране⁶⁴.

От этого эллинского по своим основным принципам дома, хотя с отчасти переработанной по местным требованиям наставдой, резко отличаются дома последующего времени в Дура-Европос. Все эти дома чисто восточные по характеру⁶⁵ и очень сходны с вавилонскими домами предшествующих эпох⁶⁶.

Общий тип дома Дура-Европос этого времени характеризуется большой ролью внутреннего дворика, в который ведет довольно длинный проход (иногда с поворотом). Такие повороты обычны в домах Ура⁶⁷. Такие же повороты и у домов Апура парфянского времени. Двор по-прежнему остается центром дома. Главная комната, «диван», обычно находится на южной стороне двора. В наиболее богатых домах она является центром для целого ряда комнат, выходящих в нее⁶⁸. В громадном большинстве случаев вдоль трех или четырех стен «дивана» идут низкие (примерно 20 см), но широкие (до метра) суфы, сделанные из сырца или мелких камней. По мнению археологов, работавших здесь, отсутствие в диванах наиболее богатых домов этих скамей-суф объясняется тем, что они здесь были сделаны из более дорогого материала — дерева⁶⁹. Эти скамьи, видимо, покрывались коврами или циновками. Хозяин, сидя или полулежа на них, беседовал с посетителями. Такие компаты с суфами вдоль стен очень близки по устройству и назначению современным приемным комнатам людей среднего достатка в Ираке⁷⁰.

В одном из углов двора находится вход на кухню, часто прикрываемый одной или двумя колоннами⁷¹, и лестница, ведущая во второй этаж или чаще на плоскую крышу, играющую летом роль спальни. Это также сближает дома Дура с современными домами Ирака⁷². Такой принцип устройства и назначение крыши этих домов резко отличаются от устройства

⁶² R. Ghirshman. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire, 1946, стр. 23.

⁶³ E. Herzfeld. Bericht über die Ausgrabungen in Samarra. Berlin, 1912, стр. 14.

⁶⁴ Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 525.

⁶⁵ C. Hopkins. Private houses. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 5th season of work». New Haven, 1934, стр. 33.

⁶⁶ M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 49; он же. New material for the history of Dura. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 5th season of work». New Haven, стр. 311.

⁶⁷ L. Woolley. Excavations at Ur 1930—1931. «Antiquaries Journal», vol. XI, N 4, 1931, стр. 433 сл. Планы на табл. XI, VII.

⁶⁸ F. E. Brown. House in block E. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 6th season of work». New Haven, 1936, стр. 11.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Народы Передней Азии..., стр. 524.

⁷¹ C. Hopkins. Указ. соч., стр. 53.

⁷² M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 49.

крыш зданий в районе агоры, где больше, чем где-нибудь, сохранились остатки домов эллинистической эпохи. Большое количество кровельной черепицы и почти целых антефиксов, относящихся к эллинистическому времени, контрастирует с полным отсутствием их в вышележащих слоях и свидетельствует о том, что в раннюю эпоху жизни города черепица использовалась для покрытия крыш, а в более позднее время господствующим если не единственным типом была плоская крыша⁷³, устроенная, видимо, так же, как плоские крыши домов Селевкии (плоские брусья вдоль, поперек тонкие жерди, засыпанные сверху землей с известью и обмазанные слоем известки). Такие же крыши и в парфянском Ашуре. Еще одной деталью, сближающей дома Селевкии и Дура-Европос, является устройство скамей во дворе.

Очень интересно, что имеются дома, по которым видно, что восточный тип дома в Дура-Европос сменил эллинский не столь резко и внезапно, как это произошло в Селевкии. Есть несколько домов, являющихся в той или иной степени переходными ступенями от эллинского к восточному типу. Переход этот был медленным, плавным и постепенным. Уже в «эллинистическом» доме, раскопанном Кюмоном, мы отмечали некоторые восточные черты. Очень интересен дом А в блоке G7, который при полностью восточном плане сохранил одну черту, сближающую его с домом, раскопанным Кюмоном. — две комнаты (вероятно, женская половина дома), расположенные отдельно от всех остальных жилых и хозяйственных помещений⁷⁴. Такое же устройство было у дома рядом с маленьким храмом «римских стрелков»⁷⁵. Характерно, что такая определенно восточная черта, нигде не встречающаяся в эллинской архитектуре, как скамьи-суфы в приемных комнатах — диванах, широко распространилась в Дура-Европос только со II в. н. э.⁷⁶, а ранее встречалась только эпизодически (например, дом Н, квартал 7). Это подтверждается историей дома К в квартале 3, где суфы, да практически и сам диван, первоначально отсутствовали (I в. до н. э.) и появились только позднее⁷⁷. Это, видимо, также подтверждает положение о том, что изменение типа жилища в Дура-Европос было медленным, постепенным процессом. Характерно, что во многих домах Дура-Европос позднего времени пережиточно сохраняются портики, стоящие в западной или восточной части двора (очень редко на севере). Они перестали играть сколько-нибудь заметную роль в архитектуре дома, так как в большинстве случаев площадь, занимае-

⁷³ The Excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 9th season of work», p. 1. The Agora and Bazaar. New Haven, 1944, стр. 20—21.

⁷⁴ C. Hopkins. Указ. соч., стр. 35.

⁷⁵ The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 2nd season of work». New Haven, 1931, стр. 57 сл.

⁷⁶ The Excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 9th season of work», p. 1. The Agora and Bazaar. New Haven, 1944, стр. 78 сл.

⁷⁷ В Беграме «диван» появляется впервые только в сасанидскую эпоху; см.: R. Ghirshman. Begram, стр. 33.

мая пми, крайне невелика, комнат за пими нет пли если и есть, то портик — не более чем небольшой навес над входом в кухню⁷⁸.

Таким образом, в позднеэллинистическое и римское время в Дура-Европос господствующим является восточный тип дома⁷⁹, хотя пережиточно встречаются отдельные черты, указывающие на эллинское прошлое жилой архитектуры города. Интересно, что в богатых домах этих черт больше⁸⁰. На основании имеющегося материала трудно сказать, с какого времени можно говорить о начавшейся замене эллинского жилого дома восточным. Можно только предполагать, что эллинский тип жилого дома в Дура-Европос заменялся восточным примерно с середины I в. до н. э.⁸¹

Итак, можно считать установленным, что в архитектуре жилого дома греческих городов Парфии характерным является переход от эллинских принципов планировки к восточным. Однако нельзя сводить этот процесс только к утрате домом эллинских черт и приобретению им каких-то беслично восточных черт. Картина гораздо сложнее: первоначально, видимо, благодаря завоеванию и повсеместному распространению эллинской культуры, создается местный вариант эллинистического дома. Локальную окраску ему придает влияние культуры исконного местного семитоязычного населения. Это хорошо заметно и в Дура-Европос и в Селевкии. Затем в Дура-Европос развивается тот совершенно новый тип дома, который обычно называется «диванным». Причем этот тип дома отнюдь не возрождение какого-либо из типов древнемесопотамских домов. Это совершенно новый тип дома, хотя генетически и связанный больше всего с домами древней Месопотамии. В Селевкии же создается другой тип дома — «айванный». По своему происхождению этот тип, вероятно, является следствием творческой деятельности не семитского субстрата, а другого этнокультурного элемента — иранцев. Насколько можно проследить, изменение архитектуры жилого дома Дура-Европос и Селевкии было только одной из черт, характеризующих сложный процесс ориентализации культуры населения этих городов.

Так же резко меняется архитектура дворцовых и храмовых зданий, росписи, характер декора, скульптуры, меняются религиозные воззрения.

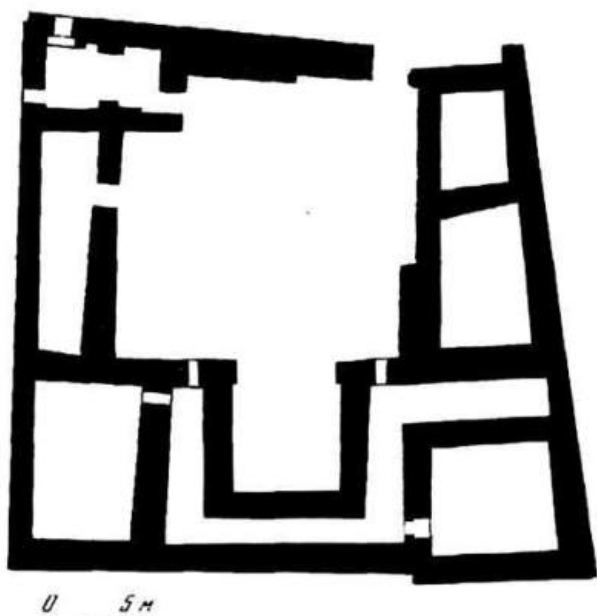
⁷⁸ The Excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 9th season...», p. 1, стр. 152, рис. 71; стр. 149, рис. 69; стр. 149, рис. 60; стр. 145, рис. 65.

⁷⁹ Совершенно неправильно считать, что прототипом этого дома был дворец Дария в Сузах (R. Ghirshman. Persian art..., стр. 36). Дворец обычно развивается из рядового жилища, но невозможно допустить, чтобы прототипом рядового жилища был дворец.

⁸⁰ M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 49.

⁸¹ Там же, стр. 38, 39. Вряд ли можно считать началом этого процесса вторую половину II в. до н. э. — дату смены эллинистического дворца в цитадели парфянским. Дело в том, что этот дворец — некоторым образом уникальное явление в Дуре. Это единственный пример здания с айваном в Дуре-Европос, не имеющий сходства с остальными зданиями, стоящий особняком. Можно, видимо, считать, что айваный вариант восточной архитектуры остался чужд Дуре-Европос.

Уже отмечалось, что процесс изменения жилого дома по-разному протекал в различных городах Парфии. Это различие, как нам представляется, связано с различной судьбой греческих городов, оказавшихся под властью Парфии. Лишение мелких греческих городов типа Дура-Европос их привилегий в результате парфянского завоевания привело к тому, что право гражданства перестало быть тем барьером, который отделял местное население от греков. Коренное местное население нахлынуло в греческие города⁸². В условиях тесных контактов между местным и греческим населением происходит взаимовлияние и взаимопроникновение культур; местная восточная культура, культура громадного большинства населения, оказывается более жизнестойкой и одерживает решительную победу над греческой. Этот процесс протекает довольно медленно и плавно, без резких скачков и взрывов.

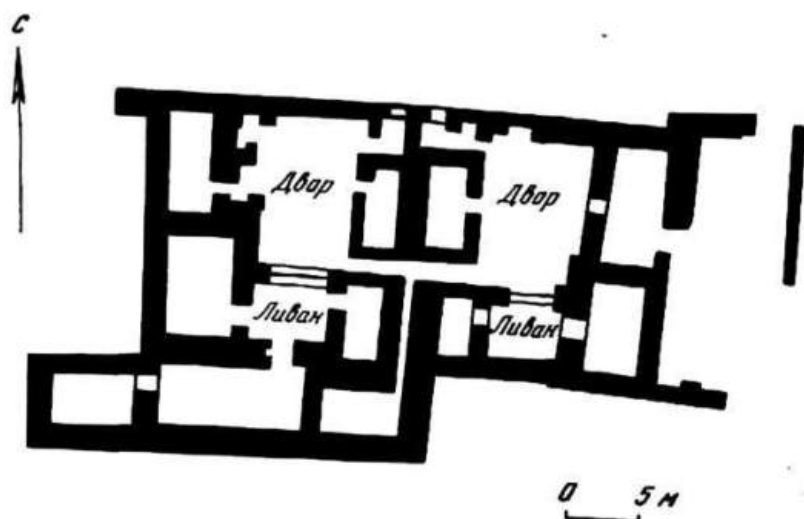
Большой дом в Ашуре

Иное положение сложилось в Селевкии. Селевкия и при парфиях сохраняла свою автономию, вела долгую и упорную борьбу с центральным правительством. Это привело к тому, что греческое население города хранило свою культуру, свои обычаи, свои права. Только поражение Селевкии в «великом» восстании приводит к резкому изменению культуры города, что, видимо, связано со вселением в город значительного числа негреческого населения.

Самые ценные данные для суждения об архитектуре жилища месопотамского города в парфянское время происходят из Ашура. Город Ашур после падения ассирийской державы долгое время был маленьким, прозябающим населенным пунктом, и возрождение его началось только при парфиях.

К сожалению, имеющийся материал охватывает только позднепарфянское время. Поэтому известен только конечный результат развития, и нет возможности проследить его предшествующие стадии. Это также делает невозможным ответ на коренной вопрос: развивалась ли архитек-

⁸² Г. А. Кошелевко. Городской строй греческих полисов Западной Парфии, стр. 74.

Ашур. План домов «Y», «X»

тура жилища на месте плп была перенесена из южной Месопотамии в уже сформировавшемся виде, как полагают авторы публикации⁸³.

Приемы и материалы строительства всех домов, независимо от их размеров, одинаковые, только с очень небольшими изменениями. Дома имеют каменные фундаменты, чаще всего сложенные из местного раковистого известняка желтого цвета. У богатых домов внешние части фундаментов выложены из ровно отесанных квадров, в качестве скрепляющего раствора использована известь. Фундамент обычно лежит на подушке из сырцовых кирпичей. Из них же сложены и стены домов. раствором здесь также служит известь⁸⁴.

Лучшими примерами обычных для позднепарфянского времени (II—начало III в. н. э.) домов являются два дома (X и Y) к северу от дворца, чрезвычайно близкие друг другу по плану⁸⁵. Центром каждого из жилых комплексов является обширный двор⁸⁶. Входные двери, идущие с улицы, соединяются с двором небольшим вестибюлем. Двери обязательно находятся в углу двора. С северной стороны двора (со стороны улицы) комнат нет. Все комнаты концентрируются на трех остальных сторонах двора. Центром жилой части дома является находящееся на юге большое помещение — ливан (айван), обращенный к северу.

⁸³ W. Andrae, H. Lenzén. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933, стр. 3.

⁸⁴ Там же, стр. 8.

⁸⁵ Городские дома открыты в нескольких местах: над храмом Набу-Иштар в западной части города, рядом с дворцом, и в юго-западной части города, у городской стены. К сожалению, только дома в районе дворца дают сколько-нибудь цельную картину, позволяя представить себе их устройство. W. Andrae, H. Lenzén. Указ. соч., стр. 8—9.

⁸⁶ В доме Y его размеры 9,4 × 6,4 м, в доме X — 9,9 × 7,2 м.

В доме У значительные ливаны подчеркиваются также и тем, что уровень пола в нем значительно выше, чем уровень пола во дворе и в остальных комнатах. Кроме того, каменный фундамент стен этой комнаты выше и тщательнее сложен, чем в остальных комнатах. Видимо, правы авторы публикации, предполагающие двойную или даже тройную высоту стен ливана по сравнению с остальными помещениями. Ливан, вероятно, бывший парадной и приемной комнатой, соединялся с собственно жилыми помещениями⁸⁷.

Характерной чертой обоих домов является лестница во дворе, конструктивно соединенная со стеной. Эта лестница ведет на крышу здания. Трудно сказать, существовал ли второй этаж в собственном смысле этого слова или крыша служила только для вечерней трапезы членов семьи и сна. Заслуживают также особого внимания комнаты X2 и Y2 в обоих этих домах. В отличие от остальных, эти комнаты изолированы, не имеют связи с остальными.

Очень близок к этому типу и двойной дом Т, расположенный над разрушенной уже в это время частью парфянского дворца. Здесь твердо выражен тот же самый принцип устройства с двором, диваном, лестницей, ведущей на второй этаж, расположенной с северной стороны двора. В этом доме отсутствует только отдельная изолированная комната. Тот же самый план выдерживался и в большом доме к западу от дворца и в остатках дома Z.

В ливане никогда не бывает очагов, встречающихся в различных комнатах домов⁸⁸, что также подчеркивает его парадное назначение.

Можно считать установленным, что в Ашуре позднепарфянского времени именно такой тип дома является господствующим.

Авторы публикации утверждают, что этот тип дома происходит с юга, видя основное доказательство этого в специфичности техники его строительства, более связанной с южной Месопотамией, чем с северной⁸⁹.

Изучение техники строительства, конечно, имеет существенное значение, но основываться только на ней нельзя. Нам представляется, что в типе жилища позднепарфянского Ашура ярко заметны черты, указывающие как на близость его к типу дома парфянской южной Месопотамии, который известен по домам третьего слоя Селевкии (после 43 г.

⁸⁷ Так, в доме У в нее выходили двери трех комнат. В двух из них вдоль всех стен тянулись лежанки-суфы, сделанные из кусков кирпича и покрытые гипсом. Ширина их 1,10 м, высота 10 см.

⁸⁸ Очаги бывают различной формы и устройства. Наиболее частым типом является прямоугольный, располагающийся на середине комнаты. В стенах комнат неоднократно встречаются ниши, иногда очень глубокие. Из вещей необходимо отметить, помимо керамики как глазурованной, так и безглазурной, множество зерптерок, жерновов, ступок, иногда встречаются терракотовые статуэтки.

⁸⁹ W. Andrae, H. Lenzon. Указ. соч., стр. 6; может быть, некоторые эллинистические черты и были свойственны домам Ашура более раннего времени. Но в рассматриваемый период эти черты были полностью утрачены.

н. э.), так и к обычному типу дома северной Месопотамии (тип дома Дура-Европос I — II вв. н. э.). В архитектуре позднепарфянского жилища незаметно связей с традицией эллинского жилища.

Двор как центральный организующий компонент всего жилого комплекса является особенностью не только греческого, но и месопотамского жилого строительства, характерного как для южной⁹⁰, так и для северной Месопотамии, по крайней мере с ассирийского времени⁹¹. В эллинистическое и парфянское время эта особенность сохраняется в домах Дура-Европос и Селевкии, хотя все остальные элементы жилища резко меняются вслед за приходом парфян⁹². Традиции такого решения живы до сих пор в Иране⁹³. Такой же общей для северной и южной Месопотамии парфянского времени чертой, корни которой уходят в глубокую древность, является размещение главного жилого помещения на южной стороне двора, причем вход его обращен к северу⁹⁴.

Другим приемом, который можно считать общим для северной и южной Месопотамии этого времени, не связанным ни с греческими строительными традициями, ни с древнемесопотамскими, является устройство суф-лежанок⁹⁵, зафиксированное в Ашуре. Он, очевидно, происходит из коренных районов Парфии.

Чертой, сближающей дома Ашура с домами Дура-Европос⁹⁶ (северная Месопотамия) и отличной от парфянской Селевкии (южная Месопотамия), является размещение комнат второго этажа над частью дома. Устройство легких жилых помещений второго этажа, соединенных крытой обрамляющей галереей, свойственно вавилонской архитектуре⁹⁷. В Селевкии парфянского времени этот способ не использовался, но в то же время он широко распространился по северной Месопотамии и отмечен и в Ашуре, и в Дура-Европос. В Ираке он дожил до настоящего времени⁹⁸.

Изоляция нескольких комнат, видимо относящихся к женской половине дома, сближает некоторые дома Ашура с Дура-Европос. Эта черта жилища, зафиксированная в раннеселевкидском жилищном строитель-

⁹⁰ L. Delaporte. La Mesopotamie. Les civilisation babylonienne et assyrienne. Paris, 1923, стр. 122, 123; ВИА, т. I, стр. 133; G. Contenau. La vie quotidienne à Babylone et en Assyrie. Paris, 1950, стр. 34.

⁹¹ ВИА, т. I, стр. 128.

⁹² N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 7 сл., стр. 31 сл.; M. Rostovtzeff. Dura-Europos, стр. 241 сл., стр. 49 сл.; C. Hopkins. Указ. соч., стр. 33 сл.

⁹³ Народы Передней Азии, стр. 524—525.

⁹⁴ ВИА, т. I, стр. 128; T. Baqir. Указ. соч., стр. 11; N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 30.

⁹⁵ F. E. Brown. Указ. соч., стр. 11.

⁹⁶ C. Hopkins. Указ. соч., стр. 53.

⁹⁷ L. Delaporte. Указ. соч., стр. 123; G. Contenau. Указ. соч., стр. 35—36.

⁹⁸ Народы Передней Азии, стр. 324—525; M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 49.

стве⁹⁹ и эпизодически встречающаяся в парфянской время в Дуре-Европос¹⁰⁰, также эпизодически встречается и в домах Ашура (например, дома X и Y).

В то же время некоторые особенности в планировке домов Ашура явно свидетельствуют о значительном влиянии южной Месопотамии парфянского времени на жилищное строительство Ашура. Это в первую очередь сооружение открытых айванов, являющихся центральными, парадными и приемными помещениями, куда выходят двери большинства жилых комнат. В то время как в Дуре-Европос господствующим является «диванный» принцип планировки, в Селевкии после 43 г. н. э. решительно преобладал принцип с использованием айвана. Именно он лег в основу архитектуры жилища Ашура.

Таким образом, можно считать установленным, что в архитектуре жилища парфянского Ашура господствующими являются местные, восточные черты, происходящие главным образом с юга. Эти восточные традиции, восходящие к принципам строительства вавилонского дома, пришли в архитектуру Ашура либо опосредствованно, через другие города северной Месопотамии, либо непосредственно, с юга. В то же время нельзя считать принципы строительства этого дома простым возрождением принципов древневосточного строительства. Появились принципиально новые элементы, такие, как айванный принцип планировки, ставший затем господствующим в сасанидской и раннемусульманской архитектуре.

Айван впервые появляется в архитектуре Селевкии после 43 г. н. э., и можно предположить, что именно отсюда он был заимствован жителями Ашура. В таком случае можно считать, что архитектура жилища Ашура создавалась под определяющим воздействием южномесопотамских строительных приемов как идущих из глубокой древности, так и парфянского времени. В то же время нельзя отрицать и некоторого, хотя и менее значительного, воздействия архитектуры северо-восточных районов Парфии.

К сожалению, очень мало, что можно сказать об архитектуре жилища другого северомесопотамского города, возродившегося при парфянах, — Ниневии¹⁰¹. Вскрытые остатки столь незначительны, что сводную картину по ним нарисовать невозможно. Необходимо лишь отметить, что строительная техника в тех местах, где для построек не использовались

⁹⁹ F. Cumont. Указ. соч., стр. 243.

¹⁰⁰ С. Hopkins. Указ. соч., стр. 35; The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 2nd season», New Haven, 1931, стр. 57 сл.

¹⁰¹ Руководители раскопок в 1929 г. полагали, что возрождение города началось при Селевкидах. См.: R. C. Thompson, R. W. Hutchinson. The excavations on the temple of Nabu at Nineveh. «Archaeologia». Oxford, 1929, t. 29, стр. 107, но в 1931 г. они уже утверждали, что возрождение города началось при Аршакидах. См.: R. C. Thompson, R. W. Hutchinson. The site of palace of Ashurnasirpal at Nineveh excavated in 1930 on behalf of the British Museum. «Annales of Archaeology and Anthropology», vol. 18, N 3—4. Liverpool, 1931, стр. 90.

в качестве фундаментов остатки стен предыдущего времени, была подобна строительной технике Ашура¹⁰².

Не многим больше сведений может быть почеркнуто о типе жилища такого важного города северной Месопотамии, как Хатра. К сожалению, до сего времени еще нет по-настоящему полных публикаций результатов раскопок, проводившихся здесь. Поэтому невозможно выделить различные хронологические типы в развитии жилища, и приходится пользоваться очень общим материалом. Первые данные были получены в результате работ экспедиции Андрэ, очень обстоятельно описавшего развалины Хатры, но не проводившего раскопок. Он отмечал большое сходство плана и техники строительства домов Хатры и Ашура¹⁰³. Дома занимают обычно прямоугольное пространство, величина которого сильно колеблется — от 100 м² до 1000 м².

Помещения сосредоточены вокруг прямоугольного двора, охватывая его с трех сторон. Одно из помещений обычно выделяется своими размерами и большей высотой и толщиной стен. Возможно, это построенный особенно тщательно открытый ливан, выходящий во двор. Каждый из жилых комплексов имел свой водоем, многие из них сохранились до сего времени.

Раскопки, проводившиеся Директоратом древностей Ирака, вскрыли главным образом храмовые комплексы; в некоторых из них имеются и жилые помещения. Но включение в состав храмовых комплексов, конечно, сказалось на некоторых чертах этих жилищ, и здесь можно проследить некоторые важнейшие черты планировки, подтверждающие в известной мере предварительные выводы Андрэ. Так, в раскопе № 2 в составе комплекса святилища, связанного с храмом № 1, обширные дворы № 6 и 26 являются центрами жилых комплексов. К дворам с юга примыкают открытые на север помещения, с выходящими в них комнатами. В северной части одного из дворов находится лестница, ведущая на второй этаж. Можно предполагать, что в своих основных чертах дома Хатры чрезвычайно близки типу жилого дома, который более полно известен по парфянскому Ашуру. Малоисследованный Вавилон парфянского времени дает очень своеобразную, не совсем понятную картину. Частично вскрытый жилой дом парфянского времени расположен в центральной части города, на холме Амрап¹⁰⁴. Дом подвергался неоднократным разрушениям, после чего восстанавливался, причем обычно некоторые, лучше сохранившиеся части дома продолжали использоваться. Несомненно, что в первом и втором строительном периоде планировка дома строго следовала принципам старой вавилонской традиции¹⁰⁵. Во втором строи-

¹⁰² R. C. Thompson, R. W. Hutchinson. The site..., стр. 91.

¹⁰³ W. Andrae. *Hatra*, t. 2, стр. 65 сл.

¹⁰⁴ F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallowitz. Указ. соч., стр. 31 сл.; R. Koldewey. *Das wiederstehende Babylon*. Berlin, 1925, стр. 31 сл.

¹⁰⁵ F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallowitz. Указ. соч., стр. 31.

тельном периоде часть дома была занята, очевидно ремесленной мастерской.

Решительные изменения начинаются с третьего строительного периода, когда большую часть жилого дома занимает перистильный двор, размером 16×16 м, с восемью колоннами. Техника строительства в этот период, однако, остается типично восточной, а не эллинской¹⁰⁶.

При новой перестройке перистильный двор не возобновляется. Наличие перистильных домов в парфянской Вавилоне является до некоторой степени неожиданностью, так как даже в греческих городах, таких, как Селевкия и Дура-Европос, ни разу не встретился перистиль. Объяснение этому факту мы уже давали ранее: в городах типа Селевкии и Дура-Европос, греческое население которых осело в Месопотамии в конце IV в., когда пастадный тип дома еще преобладал в Греции, господствующим на первом этапе стал пастадный тип, к которому они привыкли в Греции, когда отбыли оттуда. Окруженные сплошными массами местного семитоязычного и отчасти иранского населения, оторванные от родины, греки, постепенно утрачивая свою культуру, перешли, как это отмечалось выше, к восточному типу дома.

В то же время в Вавилоне, куда при Антиохе IV, видимо, прибыло значительное число греков из Сирии или Малой Азии¹⁰⁷, появился перистильный тип дома, который во II в. до н. э. был широко распространен по всему Средиземноморью. Можно предполагать, что перистильный тип дома отчасти чуждое явление в архитектуре Месопотамии парфянского времени, так как идея его в готовом виде была принесена греками с Запада и здесь уже приспособлена к местной технике. Эпизодичность этого явления подтверждается тем, что никакого дальнейшего развития перистильный дом на Востоке в собственно жилой архитектуре не получил и никакого его взаимодействия с местными типами домов не было. Он просто отмер.

Таким образом, архитектура жилища ясно показывает глубокое своеобразие культуры парфянской Месопотамии. Главным итогом процесса развития жилой архитектуры в парфянское время была выработка нового типа жилища. Этот процесс был многообразен, он имел локальные формы в различных районах Месопотамии, но определяющей чертой его была переработка греческих элементов и возрождение местных древних традиций. Но возрождение их не обозначало рабского копирования

¹⁰⁶ Каждая колонна имела фундамент из четырех-пяти рядов обожженного кирпича, под которым возвышалась квадратная база, размером 1×1 м, из трех слоев жженого кирпича. Круглый ствол колонны также был сложен из кусков обожженного кирпича на гипсовом растворе.

¹⁰⁷ Обнаружение в Вавилонии надписи, где Антиох IV Епифан упоминается в качестве ктиса (F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallowitz. Указ. соч., стр. 72, № 30), свидетельствует о том, что в его царствовании в Вавилон было переселено определенное число греков, общине которых были даны права полиса.

прошлого. Древние местные традиции, так же как и наследство греческой культуры эпохи Селевкидов, глубоко перерабатывались.

На базе синтеза этих двух начал с преобладанием местных элементов и при некотором влиянии архитектуры населения ираноязычных областей Парфии создавался новый тип жилища, широко распространившийся в последующее время и доживший до нашего времени. Различные варианты жилища, возникшие в результате этого творчества, отражают не только соотношение элементов культуры в отдельных областях Месопотамии, но и сложность путей выработки новой культуры.

Архитектура дворца тесно связана с архитектурой жилища, являясь ее отражением и развитием в более монументальных и роскошных формах. Эта зависимость была общей для всего эллинистического мира. Так, дворцы Пергама были только расширенным и более роскошно отделанным обычным домом греческого типа¹⁰⁸. Практически то же самое можно заметить и в дворцовой архитектуре парфянской Месопотамии.

Наиболее ранним памятником, возможно, даже не раннепарфянского, а позднеселевкидского времени¹⁰⁹, является дворец в Ниппуре.

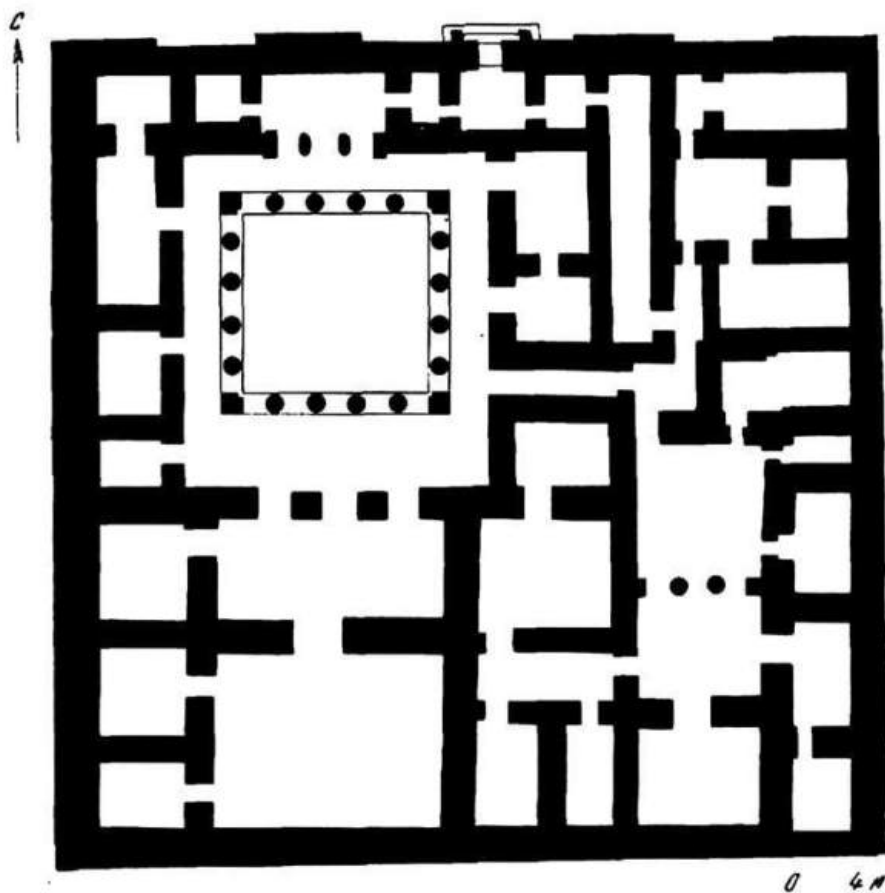
Это почти квадратное здание¹¹⁰, размером 52 × 51 м, ориентированное почти точно по странам света. Здание отчетливо делится на две части: западную — более обширную, роскошно оформленную, явно бывшую официальной резиденцией хозяина дворца, и восточную — жилую половину дома. Вход в дом находился с северной стороны; из маленького вестибюля — два прохода в обе упомянутые части дома. Вход устроен таким образом, что снаружи нельзя видеть того, что происходит внутри. Центром официальной части дома является обширный перистиль, состоящий из 16 дорических колонн и четырех угловых устоев. На южной стороне перистильного двора, за небольшой простадой находится главное помещение. Фишер полагал, что перекрытия внутри него должны поддерживаться четырьмя колоннами, хотя никаких остатков их не было обнаружено. Его предположение базируется только на принятой им дате сооружения дворца и вытекающем отсюда сравнении дворца с дворцом микенского времени в Тиринфе¹¹¹. Но так как теперь доказано, что дворец отнюдь не микенского времени, то и сравнение, естественно, отпадает. Поэтому мы считаем, что внутренних колонн в этом помещении не было. Центром жилой половины также служил дворик с небольшим портиком на южной стороне, за которым находилось главное помещение этой половины дома. Остальные помещения этой части: спальня, кухня, ванная комната, кладовые.

¹⁰⁸ ВИА, т. II, кн. 1, стр. 275.

¹⁰⁹ Дискуссию о времени постройки дворца см.: C. Fischer. The Mycenaean palace at Nippur. *AJA*, vol. 8, N 4, 1904, стр. 403 сл.; A. Marguand. The palace at Nippur not Mycenaean but Hellenistic. *AJA*, vol. 9, N 1, 1905, стр. 7 сл.

¹¹⁰ C. Fischer. Указ. соч., стр. 417; H. V. Hilprecht. Die Ausgrabungen der Universität von Pennsylvania in Bel-tempel zu Nippur. Leipzig, 1903, стр. 32 сл.

¹¹¹ C. Fischer. Указ. соч., стр. 426.

Нинпур. План дворца

Здание сооружено из жженого и сырцового кирпича; для строительства колонн использовались специально приготовленные сегментовидные кирпичи.

Планировка этого дворца очень близка решению дворцов Пергама¹¹², где, так же как и в Нинпуре, главной частью дома был обширный перистильный двор и дом точно так же делился на две части: общественную и частную. Но, в отличие от дворцов Пергама, главные комнаты Нинпурского дворца располагались не к северу от перистильного двора, а к югу. Это сближает дворец с вавилонской традицией, когда главные жилые помещения располагались на южной стороне двора. Однако ближе всего в этом отношении дом эллинистического времени в Дуре-Европос, раскопанный Кюмоном, о котором мы писали выше, где при сохранении всех основных традиций эллинского строительства главное жилое помещение оказывается на южной стороне. Практически то же самое наблю-

¹¹² ВИА, т. II, кн. 1, стр. 289—291, рис. 279.

дается и в данном случае — дворец выдержан строго в греческих традициях с одним этим отличием. Поэтому его можно считать образцом дворцовой архитектуры эллинистического и раннепарфянского времени Месопотамии, когда местные вкусы и привычки не оказали еще существенного влияния на архитектурный стиль, и архитектуру дворца, как и архитектуру жилища, от которой она зависит, можно рассматривать только как локальный вариант эллинистической архитектуры. Решительные изменения в дворцовой архитектуре Месопотамии происходят только позднее и связаны с укреплением парфянского владычества в Месопотамии.

Следующим по времени известным в настоящее время дворцом можно считать дворец цитадели Дура-Европос. Построенный вскоре после парфянского завоевания Месопотамии¹¹³, он, к сожалению, очень плохо сохранился, так как большая часть его рухнула в Евфрат. Поэтому, несмотря на самое тщательное исследование остатков, реконструкция, предложенная Брауном, может считаться только предположительной. Центральное место в сохранившейся части здания занимает обширный перистильный двор, окруженный с трех сторон комнатами. В середине двора — большая квадратная цистерна. Основное помещение этой части здания лежит на юг от перистилия и предваряется небольшим двухколонным портиком. Перистильный двор сильно напоминает перистильный двор дворца в Ниниве. Но вся сохранившаяся часть занимала, согласно наблюдениям Брауна, заднюю часть здания. Фасадная же часть его состояла из трех монументальных продолговатых сводчатых айванов, похожих на айваны Хатры и Ктизифона. Они, видимо, выходили на террасу, открытую в сторону Евфрата.

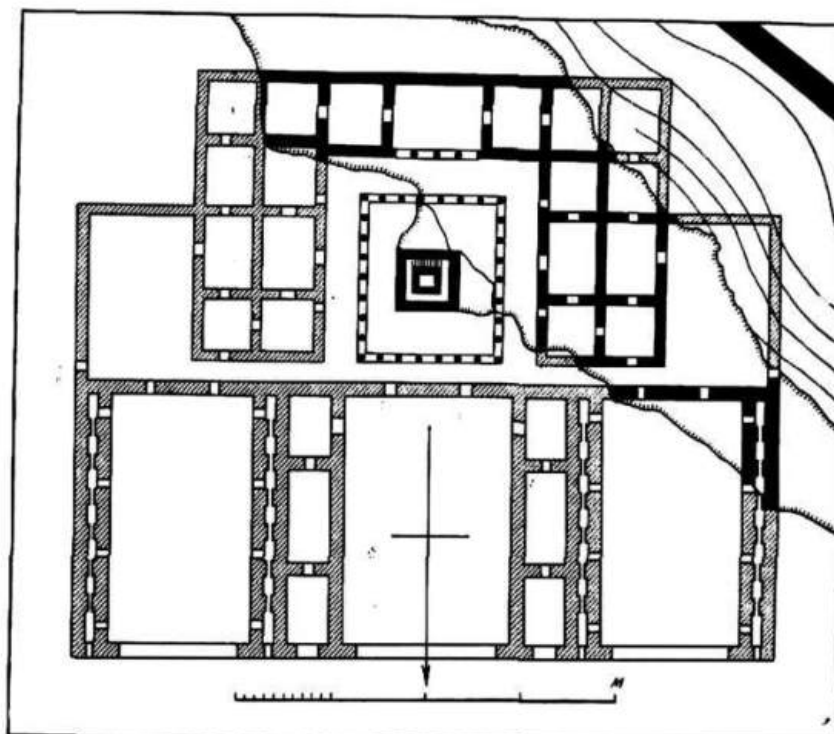
Таким образом, если реконструкция Брауна верна, то дворец Дура-Европос является примером архитектурного памятника переходного типа, где имеются черты, восходящие к местному варианту эллинистического двора, и элементы, яркое развитие которых можно будет наблюдать в дальнейшем в дворцовой архитектуре Ашура и Хатры.

В позднепарфянский период одним из наиболее ярких образцов дворцовой архитектуры является дворец Ашура¹¹⁴. Расположенный в центральной части города, дворец занимает обширное пространство. Он возводился неодновременно. Основная часть стен его построена из сырцового кирпича (размером $42-43 \times 42 \times 12-13$ см), а наиболее ответственные парадные части здания сооружены из обожженного кирпича (размером $37 \times 37 \times 7$ см), из которого выведены и их глубокие фундаменты.

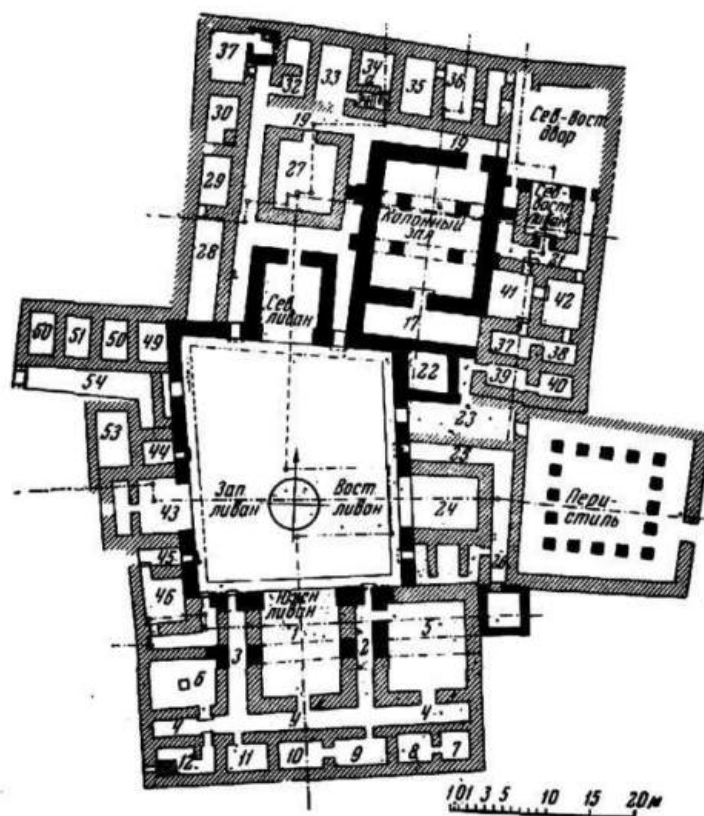
Центром дворца служил обширный двор не совсем правильной формы. Комплексы помещений, примыкающих с каждой стороны к двору, не

¹¹³ M. Rostovtzeff. *Dura-Europos...*, стр. 46 сл.

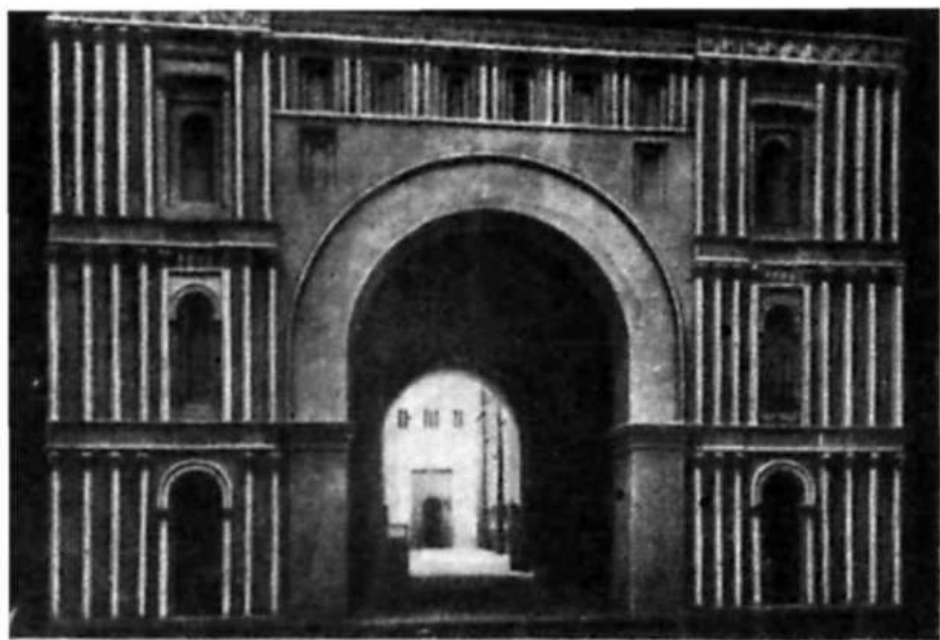
¹¹⁴ W. Andrae, H. Lenzen. Указ. соч., стр. 25—54, табл. 9—23.

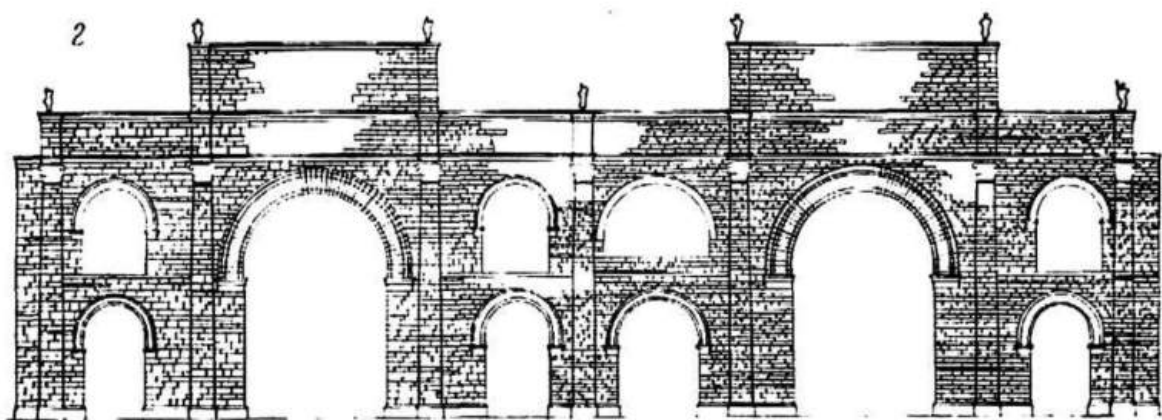
Дура-Европос.
Дворец в цитадели.
План

Ашур. План дворца

Реконструкция одного из айванов дворца в Ашуре

Хатра. Фасад главного дворца. Реконструкция

имели связи друг с другом и могли сообщаться друг с другом только через двор. Важнейшей частью каждого такого комплекса был айван, открытый во двор. Остальные помещения группировались вокруг него. Айван обычно был окружен с трех сторон обводным коридором или имел с обеих сторон две небольшие комнаты, так что огромная арка айвана с двух сторон фланкировалась двумя малыми арками, создающими обыч-

ный для фасадов здания Ашпура рисунок, широко распространенный также и в храмовой архитектуре. Особенностью южного комплекса, указывающей на то, что архитектурные принципы, легшие в основу планировки дворца, заимствованы из планировки жилого дома, являются большие размеры южного айвана и монументальность его внешнего оформления. Восточный комплекс отличается тем, что к нему в более позднее время был пристроен перистильный двор. Отличием этого перистиля, помимо некоторой неправильности формы, является и оформление верхней части колонн. В своей верхней части колонны соединяются арками, что указывает на переработку этого западного архитектурного мотива в духе господствующих в Парфии мотивов сводчатой архитектуры¹¹⁵. То же самое можно заметить и в упрощении рисунка понийской капители, волюты которой огрубляются.

В северном комплексе, самом обширном из всех четырех комплексов дворца, имеется еще маленький добавочный дворик в северо-восточном углу, с айваном, расположенным на его южной стороне. Кроме того, в состав этого комплекса входит обширный почти квадратный зал с четырьмя мощными устоями, создающими как бы внутренний квадрат. Устои соединяются арками со стенами. Устои друг с другом также связываются арками. Этот зал очень сильно напоминает парфянский храм в Старой Нисе (так называемый квадратный зал)¹¹⁶. Вероятно, это тоже храм огня. Это предположение не кажется невозможным, если вспомнить тесную связь храма огня с дворцом в близлежащей Хатре¹¹⁷. Но особенно близко устройство храма огня в Кух-и-Ходжа¹¹⁸, где также входящий в состав дворца храм находится в северной части комплекса, поблизости от обширного центрального двора.

Внешние стены дворца глухие, главное внимание в оформлении уделено частям здания, выходящим во двор. При различных размерах сторон двора и их разной высоте принцип оформления каждой из сторон один и тот же. Центром является обширный сводчатый проем айвана, боковая гладь стены разделена на три яруса. Нижний ярус занимают сводчатые проемы сравнительно низких дверей с рядами приставных колонн, дробящих стену на узкие и высокие панели. Два остальных этажа повторяют тот же самый рисунок с тем только отличием, что вместо двери здесь появляется глухая пиша. Промежутки между этажами занимает полоса, украшенная стуквым орнаментом, в котором преобладают геометрические и сильно схематизированные растительные

¹¹⁵ Интересно, что подобное объединение колонны и арки в архитектуре парфянской Месопотамии встречается значительно раньше, чем в римской архитектуре.

¹¹⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 39.

¹¹⁷ W. Andrae. Hatra, I. 2.

¹¹⁸ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. New York — London, 1941, табл. 97.

мотивы. Подобный рисунок стены найдет свое дальнейшее развитие в фасаде санидского дворца в Ктезифоне (Так-и-Кисра) ¹¹⁹.

Таким образом, можно считать, что парфянский дворец Ашура является развитием жилого ашурского дома. Если расположение айвана как главного помещения в скромном (да и богатом) жилище на южной стороне двора решает размещение наиболее благоприятным образом с точки зрения климатических особенностей Месопотамии, то в дворце эта задача решается, исходя из тех же принципов, несколько по-иному. Здесь строятся четыре айвана, что позволяет обитателям дворца выбирать наиболее подходящий в зависимости от времени года и времени дня. Но и здесь исходный принцип явно обнаруживается в пристрастии к южному айвану, более обширному, более высокому и наиболее роскошно отделанному. Кроме того, добавочным свидетельством этой приверженности к традиции является и маленький северо-восточный двор с айваном, расположенным на южной стороне.

Расположение основных комнат (айванов) вокруг двора перекликается также с архитектурой домов позднего времени Селевкии. С другой стороны, как самая планировка, так и внешний рисунок находят дальнейшее развитие в дворцовых комплексах сасанидского времени (поразительное сходство которых с дворцом Ашура не вызывает ни малейших сомнений) и позднее, в раппемусульманской архитектуре ¹²⁰.

Выше мы уже отмечали, что в архитектуре жилого дома Ашура почти нет греческих элементов. Но в дворце встречается перистиль, столь типичный для греческой архитектуры, начиная с эллинистического времени. Ранее уже говорилось, что в богатых ромах Дура-Европос греческие архитектурные элементы выступают гораздо ярче, нежели в рядовых жилищах. Видимо, нечто подобное можно отметить и здесь. Но надо учесть, что перистиль появляется сравнительно поздно и не имеет с комплексом дворца органической связи. Кроме того, он гибнет раньше остальных частей дворца. Можно считать, что появление перистиля было следствием второй волны западных влияний, которая приходит из Римской Сирии, вероятнее всего Пальмиры, и вносит в уже сформировавшийся архитектурный комплекс посторонние, отвечающие, возможно, моде, но малопривычные хозяевам элементы. Следовательно, в дворцовой архитектуре Ашура, как и в архитектуре жилища, господствующими являются восточные традиции, хотя и обогащенные контактом с греческой архитектурой.

Близким по времени ашурскому дворцу является дворец в Селевкии ¹²¹ (строительство которого относится к периоду от 125 до 200 г. н. э.). Наиболее интересной чертой в нем является его общность с жилищами

¹¹⁹ SPA, t. I, 543—545.

¹²⁰ Там же, стр. 432, 433.

¹²¹ S. Yeivin. Указ. соч., стр. 18 сл.

Селевкии позднего времени. Так же центром комплекса является обширный внутренний двор с выходящими в него айванами: в одном случае, с двором (97) связано два айвана, находящихся на южной и западной сторонах его, в другом случае, айваны находятся на западной и восточной сторонах. Близок этот дворец и ашурскому, но несколько более примитивен. В декоре его выявлены следы росинсей и композитные капители с человеческими бюстами, находящие себе параллели в композитной капители из Мерва¹²², от которой они, однако, отличаются большой сухостью и отсутствием признаков влияния скульптуры Индии.

Поздняя дворцовая архитектура парфянской Месопотамии очень ярко предстает в дворцовых комплексах Хатры. Наиболее важен среди них так называемый главный дворец¹²³. Существуют две точки зрения относительно времени сооружения этого дворца. Согласно первой, этот дворец построен незадолго до начала папей эры¹²⁴, согласно второй, уже после осады Траяна, т. е. во II в. н. э.¹²⁵ Последняя точка зрения после работы Вайхерта¹²⁶, подвергшего архитектурные остатки детальнейшему стилистическому анализу, стала общепринятой¹²⁷.

Главный дворец находится в западной части центрального дворцово-храмового комплекса. Сложен он, как и все здания Хатры, из мощных блоков местного известняка на известковом растворе. Дворец состоит из нескольких частей: южного айвана с примыкающими к нему комнатами, такого же северного айвана также с примыкающими комнатами и пристроенных позднее с северной стороны двух айванов меньших размеров. Рядом с южным айваном с запада находится квадратное помещение храма огня.

К зданию дворца ведет широкая лестница из трех ступеней.

Основное планировочное решение дворцового комплекса Хатры резко отличается от дворца Ашура. Там центром дворцового комплекса является обширный двор, в который выходят фасады нескольких айванов. В Хатре же в обширном дворе разбросаны отдельные дворцовые здания, важнейшее место среди которых занимает главный дворец. По общий облик фасадной части дворца Хатры явно имеет большое сходство с фасадами айванов Ашура. Как и там, каждый фасад состоит из огромного проема сводчатого айвана, занимающего центральную часть, двух малых сводчатых дверных проемов, фланкирующих айван с обеих сторон, и свободного пространства стены над ними, которое оформлено сводчатой

¹²² Г. А. Кошелев, З. И. Усманова. Коринфизированная капитель из Мерва. «Известия АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1963, № 1.

¹²³ W. Andrae. Hatra, t. 2, стр. 124 сл.

¹²⁴ E. Herzfeld. Am Tor von Asien. Berlin, 1920, стр. 79; E. Herzfeld. Archaeological history of Iran. London, 1935, стр. 28.

¹²⁵ W. Andrae. Hatra, t. 2, стр. 2.

¹²⁶ C. Weichert. Das Lesbische Kymation. Munich, 1913, стр. 106 сл.

¹²⁷ SPA, t. I, стр. 421; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, стр. 154.

глухой нишей. Но сходство общей схемы, возможно указывающее на то, что ливанные здания Хатры имеют общий прототип с ашурскими айванными зданиями, не может скрыть некоторых резких различий. Прежде всего, делению боковой глади стены на три этажа в Ашуре противостоит деление на два этажа в Хатре.

Далее, если малые приставные колонны Ашура располагаются тремя возвышающимися друг над другом рядами, отвечающими трем этажам, то в Хатре мощные приставные колонны проходят насквозь через весь фасад. Если в системе приставных колонн и пилястр Ашура очень сильно чувствуется вавилонская переработка в духе столь привычных для Месопотамии монотонных гладких выступов, то архитектурный декор Хатры буквально насыщен эллинистическими мотивами. Капители коринфских колонн, аттические базы, форма акаанфа на пилястрах, лесбийский киматий и т. д., все это указывает на очень сильное влияние архитектуры Римской Сирии¹²⁸.

Вряд ли можно согласиться с Ройтером, предполагающим решающее влияние римских триумфальных арок¹²⁹ на внешний облик дворцов Хатры с их тройными сводчатыми проемами; здесь в основе лежит айван, хорошо известный с начала I в. н. э. (Селевкия), а может быть, даже и гораздо раньше (мифреум из Урука-Варки), но, учитывая преобладание в декоре западных мотивов, можно предположить и известное воздействие римской монументальной архитектуры на фасад дворца.

Аналогичны решения и некоторых других дворцов Хатры, входящих также в состав центрального дворцово-храмового комплекса: «летнего дворца» А¹³⁰ и здания С¹³¹, где основа здания — тройной айван (большой центральный и два малых боковых) — сочетается с господством в архитектурном декоре эллинистическо-римских мотивов.

Таким образом, можно полагать, что дворцовая архитектура Хатры, оттолкнувшись от тех же принципов, что и дворцовая архитектура Ашура, под влиянием второй волны греческих влияний несколько изменилась, хотя большое воздействие западных влияний может быть отмечено только в декоре. Мы ранее уже говорили, что в богатых домах Дура-Европос влияние античных архитектурных традиций чувствуется

¹²⁸ SPA, t. I, стр. 420. Более сложен вопрос о происхождении такой специфической черты хатрийской архитектуры, как использование скульптурных рельефов в качестве архитектурного орнамента. Несомненно, этот прием широко употреблялся в Старой Писе, но нельзя забывать, что в храмах Римской Сирии скульптура использовалась также очень широко, причем часто для украшения тех частей здания, которые в греческой храмовой архитектуре никогда не украшались скульптурой. См.: D. Krencker, W. Zschifftzschmann. *Römische Tempel in Syrien*. Berlin — Leipzig, 1938. Но не исключено, что эти рельефы, особенно маски, происходят из Ирана. См.: R. Ghirshman. *Persian art*.

¹²⁹ SPA, t. I, стр. 419.

¹³⁰ W. Andrae. *Hatra*, t. 1, стр. 22.

¹³¹ Там же, стр. 24.

сильнее, чем в бедных. Видимо, тот же процесс сказался и на дворцах: более богатый и монументальный дворец Хатры имеет и больше эллинистическо-римских элементов, нежели сравнительно бедный дворец Ашура.

Итак, мы видим, что основная линия развития дворцовой архитектуры парфянской Месопотамии выглядит так: в раннепарфянское время возводятся дворцы, целиком следующие эллинистической традиции, в них преобладают греческие элементы, хотя уже видны некоторые отступления от чисто греческого типа, вызванные иными природными условиями (главное помещение находится на юге, а не на севере). Следующий этап представлен дворцом смешанного типа, где главная часть выполнена уже в новых принципах архитектуры, с использованием айвана, а задняя часть сохраняет привычное эллинистическое перистильное решение. На смену этому типу приходит ашурский тип дворца, в котором основная часть здания выполнена в традициях айванной архитектуры, а перистиль появляется только как случайная, преходящая черта. В декоре этого здания заметно возрождение вавилонских традиций, а в общем планировочном решении — черты, обычные в сасанидской дворцовой архитектуре. Наконец, завершается это развитие дворцами Хатры, где при сохранении основной планировочной идеи, с использованием айвана, весь декор пронизан западными влияниями. Основная идея развития дворцовой архитектуры Парфии может быть сформулирована следующим образом: на основе синтеза греческой и местной традиций создается принципиально новый архитектурный комплекс, центром которого является айван; в декор его позднее проникают античные элементы. Однако это проникновение не затрагивает основной планировочной идеи дворца, остающегося своеобразным ярким памятником творчества парфянских зодчих.

В этой схеме отметим две особенности. Первая — использование айвана начинается с официальных частей дворца, тогда как во внутренних покоях еще допустимым считается применение перистилия, и только позднее айван становится господствующим и во внутренних частях дворцов. Вторая особенность — примерно со II в. н. э. усиливается проникновение западных элементов в архитектуру дворца. Это может быть объяснено только тем, что в Сирии в это время возникает один из мощных центров римской провинциальной архитектуры. Достаточно вспомнить, что из Дамаска выходит крупнейший архитектор того времени — Аполлодор. Влияние этой архитектуры играет совершенно исключительную роль в Пальмире, культура которой во всех остальных отношениях остается чрезвычайно близкой культуре парфянской Месопотамии. Видимо, через посредство Пальмиры, теснейшим образом связанной с Месопотамией, и проникли западные влияния, которые мы называем «второй волной уже романизированного эллинизма».

Пока очень мало известна дворцовая архитектура восточных районов Парфии, но немногое известное убеждает в том, что развитие и на Западе, и на Востоке идет, вероятно, близкими путями. Не вызывает

никаких сомнений решающее воздействие жилой архитектуры на дворцовую.

В связи с этим необходимо поставить вопрос о происхождении такого основного элемента, общего для архитектуры дворца и архитектуры жилища многих районов Парфии, как айван.

В настоящее время существует несколько точек зрения на происхождение айванного (лпванного) типа жилища¹³². Согласно первой точке зрения, айван развился из легкой тростниковой хижины обитателей Месопотамии. Связанный вверху и покрытый циновками тростник приобретал параболическую форму. Обмазка хижины глиной приводила к закреплению этой формы. Дальнейшее развитие архитектуры Месопотамии, переход к домам, целиком сложным из сырцового кирпича, утвердил такую форму здания¹³³. Согласно второй точке зрения, айванный тип здания был занесен в Месопотамию парфянами, которые выработали этот тип на востоке Ирана, где сводчатые здания существовали уже в I в. н. э. (Кух-и-Ходжа)¹³⁴. Третья гипотеза связывает возникновение айвана с ранней арабской архитектурой и считает его, так же как и первая, месопотамским нововведением. Наконец, согласно четвертой точке зрения, айван — закономерное развитие греческого дома мегаронного типа. Выше мы писали, что четвертая точка зрения должна быть полностью отброшена.

Также большим сомнением должна быть подвергнута теория происхождения айвана из Аравии, так как в таких древних арабских культурных районах, как Петра и т. п., айван не известен совершенно¹³⁵. И хотя в Хатре, бывшей по составу населения в значительной мере арабским городом, айван распространен очень широко, нельзя забывать, что во многих районах парфянской Месопотамии он появился гораздо раньше (в храме Мифры Урука-Варки селевкидо-парфянского времени, в Селевкии середины I в. н. э.).

Рассмотрим, какие же факты могут поддержать каждую из двух оставшихся точек зрения. О происхождении айвана из Месопотамии говорит тот факт, что в позднеассирийских домах Ашура встречаются иногда комнаты с одной открытой стороной¹³⁶. Подобного характера помещения известны во дворце Навуходоносора в Вавилоне¹³⁷. Но вряд ли это может служить доказательством происхождения айвана из Месопотамии, так как, хотя свод был известен и в вавилонской, и ассирийской архитектуре¹³⁸, в этих открытых с одной стороны помещениях он не применялся.

¹³² См. SPA, t. I, стр. 423 сл.

¹³³ S. Oelmann. Указ. соч., стр. 221 сл.

¹³⁴ E. Herzfeld. Archaeological history..., стр. 66; A. Godard. L'art de l'Iran..., стр. 155; R. Ghirshman. Persian art..., стр. 31; N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 31.

¹³⁵ SPA, t. I, стр. 430, 431.

¹³⁶ W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., стр. 5.

¹³⁷ SPA, t. I, стр. 429.

¹³⁸ ВИА, т. I, стр. 130, 133, 135.

Кроме того, айван по своему назначению — главное помещение жилого комплекса, открытые комнаты в Ашуре ассирийского времени — подсобные.

Теперь вернемся к взгляду на происхождение айвана с востока Ирана. Против него также можно выдвинуть некоторые серьезные возражения. Прежде всего, если считать этот взгляд верным, то в восточном Иране в парфянской время айванские здания должны быть широко представлены. Но в I в. н. э. только в Кух-и-Ходжа встречается настоящий айван, в Нисе айван совершенно отсутствует. В Мервском оазисе, на поселении Джин-депе известно маленькое помещение, открытое к северу и сводчатое, но это помещение — позднейшее добавление к основному комплексу зданий и серьезного значения в общем облике здания не имеет.

Таким образом, против этих обеих точек зрения о происхождении айвана могут быть сделаны серьезные возражения. Нам представляется, что картина возникновения айвана может вырисовываться следующим образом.

Айван представляет собой прямоугольное помещение с открытой передней стороной, сводчатым перекрытием, занимающее главное место в архитектурном комплексе. Первый элемент — открытая передняя сторона, как мы уже отмечали, развивается в некоторых подсобных помещениях месопотамских дворцовых комплексов в допарфянской время. Видимо, самостоятельное развитие его надо предполагать и в восточных районах расселения ираноязычных народов, так как он отмечен в комплексах I в. н. э. Кух-и-Ходжа и Джин-депе. Вполне возможно, что ападана Суз не имела стены с южной стороны¹³⁹. Итак, данный элемент развивался в самых различных областях: в Месопотамии, в Маргиане, Сакастане и в Сузах.

Второй элемент — сводчатое перекрытие, известно было и в месопотамской архитектуре, и в ахеменидской; зарождение сводчатых перекрытий в районах, составивших позднее коренные земли Парфии, засвидетельствовано в очень раннее время¹⁴⁰. В ахеменидской архитектуре свод был распространен также довольно широко, причем в Сузах своды использовались шире и для перекрытия больших помещений, чем в Персеполе¹⁴¹.

Но во всех тех областях, где прослеживается существование этих двух элементов, помещения с таким решением занимают подсобное, а отнюдь не главное положение.

Первыми примерами слияния всех трех элементов в единый архитектурный ансамбль являются мифреум в Уруке-Варке селевкидо-парфян-

¹³⁹ SPA, t. I, стр. 325.

¹⁴⁰ Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. «Труды ЮТАКЭ», т. 8. Ашхабад, 1958, стр. 220.

¹⁴¹ ВИА, т. I, стр. 141.

ского времени, жилые дома Селевкии на Тигре слоя после 43 г. н. э. и дворец в Кух-и-Ходжа I в. н. э. Наиболее показателен в этом отношении мифреум, где само содержание культа — в основном иранского, хотя уже и осложненного месопотамскими влияниями, требовало иранской формы здания. Еще более показательна архитектура Кух-и-Ходжа, построенного в чисто иранской области, где никаких семитских влияний не было. Особняком стоят жилые дома Селевкии, где, очевидно, после 47 г. н. э. произошло значительное изменение состава населения, в греческую основу которого, видимо, влились семиты и иранцы.

Поэтому можно считать, что появление айванного здания, подготовленное развитием строительной техники и архитектуры в различных областях Ближнего Востока (Месопотамии и районов расселения ираноязычных племен), явилось новым, качественным скачком в развитии архитектуры. Совсем не обязательно искать изначальный архитектурный образ, который, кочуя от народа к народу, приводит к созданию айванной архитектуры. Она родилась в парфянской Месопотамии и парфянском Иране, очевидно одновременно, в начале нашей эры. Возникновение ее было подготовлено развитием архитектуры этих народов и усиленными контактами между ними. Это открытие парфянских зодчих на многие столетия определило пути развития архитектуры Ближнего Востока.

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА

При исследовании храмовой архитектуры парфянской Месопотамии надо учитывать, что на этой обширной территории имелись города древневосточные, греческие, основанные во времена Александра Македонского и Селевкидов и продолжавшие существовать в это время, и, наконец, города, возникшие в период парфянского владычества.

Храмовую архитектуру городов первого типа можно исследовать на примере Урука. Урук-Варка, бывший одним из важнейших религиозных центров Месопотамии с древнейшего времени вплоть до парфянской эпохи¹⁴², чрезвычайно показателен при изучении храмовой архитектуры Месопотамии. Это один из немногих пунктов, где можно проследить, хотя бы только и в самых общих чертах, ее эволюцию, так как здесь раскопаны храмы как селевкидского, так и парфянского времени.

От селевкидского времени дошли два святилища: храм Ану-Антум и храм Иштар-Нанайи. Оба храма возведены в чисто вавилонских традициях, без заметного влияния греческой архитектуры¹⁴³. Центром каж-

¹⁴² J. Jordan. Uruk-Warka. Leipzig, 1928, стр. 2, 3; Strabo, XVI, 4, 6.

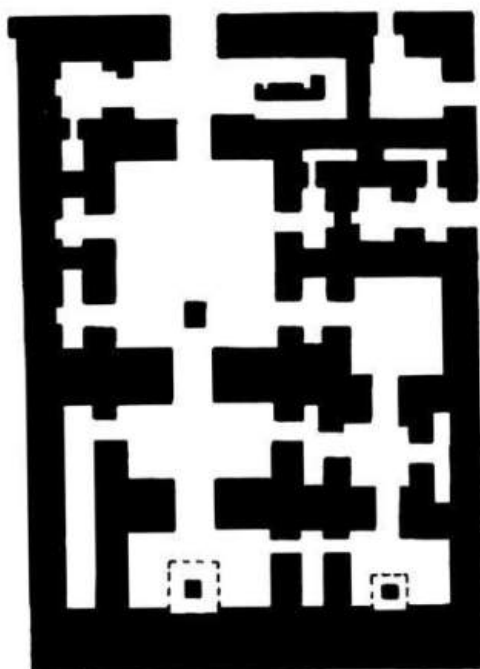
¹⁴³ A. Falkenstein. Topographie von Uruk, T. I. Uruk zur Seleukidenzeit. Leipzig, 1941, стр. 2, 30; SPA, t. I, стр. 412; M. Rostovtzeff. Seleucid Babylonia: bullae

дого из них является обширный двор с большим числом комнат, окружающих его. Монументально оформленный вход находится на северо-восточной стороне двора. Прямо против входа расположен алтарь, а далее на той же оси — вход в помещение собственно храма, состоящего из двух комнат. В задней — целле — стоит культовая статуя, позади которой глубокая ниша.

Такое строгое следование древней местной строительной традиции тем более показательным, что значительную часть жителей города составляли греки¹⁴⁴. Кроме того, храм Алу-Антум возводился на средства эллишизованного вавилонянина Апубалита, имевшего второе, греческое имя — Кефалон, с известной помощью самого Антиоха IV¹⁴⁵.

Один из этих храмов продолжал существовать и в раннепарфянское время¹⁴⁶. Изменения в архитектуре Урука в парфянское время могут быть отмечены на примере храма Гареуса, открытого в середине 30-х годов в южной части города¹⁴⁷. Храм построен около 110 г. н. э.; дата установлена на основании греческой надписи на базе статуи, обнаруженной внутри храма. Статуя была поставлена неким Артемидором, сыном Диогена¹⁴⁸, имеющим также местное имя Миннахай, сын Туфая.

Внутреннее устройство храма таково: одно большое помещение (размером 13,7 × 10,5 м) разделено маленькими пилонами на две комнаты, соответствующие пронаосу и целле. В задней стене целлы — глубокая ниша, с постаментом для статуи перед ней. Подобный план напоминает

Храм Алу-Антум. Урук-Варка

and seals of clay with greek inscriptions. «Yale Classical Studies», vol. III. New Haven, 1932, стр. 7.

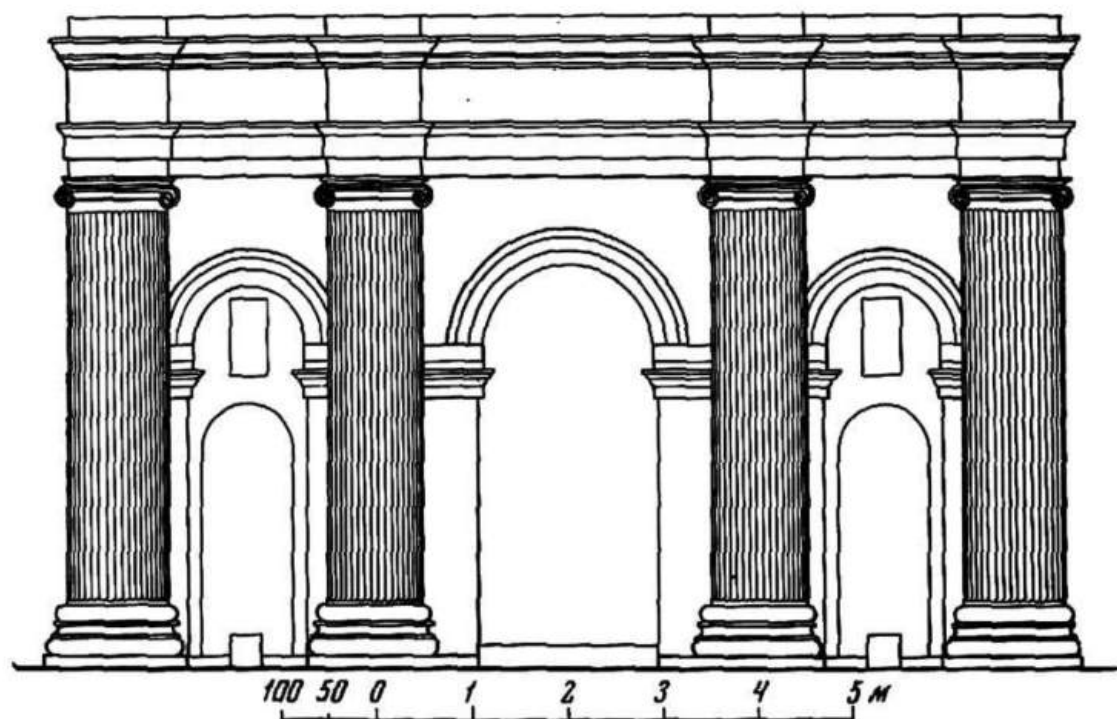
¹⁴⁴ M. Rostovtzeff. Seleucid Babylonia, стр. 7.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ J. Jordan. Указ. соч., стр. 28; A. Falkenstein. Указ. соч., стр. 9.

¹⁴⁷ E. Heinrich, A. Falkenstein. Sechster vorläufiger Bericht über die von Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommen Ausgrabungen. Berlin, 1935, стр. 33; ср.: C. Hopkins. The Parthian temple. «Berytus», vol. VII, fasc. 1, стр. 1—4.

¹⁴⁸ E. Heinrich, A. Falkenstein. Указ. соч., стр. 36; C. Meier. Ein griechischer Ehrendekret von Gareustempel in Uruk. Baghdader Mitteilungen, t. I, 1960, стр. 104 сл.; см. также: J. Robert, L. Robert. Bulletin epigraphique. «Revue des Etudes grecques», t. LXXV, N 354—355, 1962, стр. 209.

Урук-Варка. Храм Гаргуса. Реконструкция фасада

план вавилонских храмов. Неясным остается только назначение маленьких проходов в задней стене. Своеобразной чертой данного храма является небольшое окно в стене над нишей.

Во внешнем облике храма решающую роль играли колонны, связанные арками (по четыре с каждой стороны). Колонны имели ионийские базы и ионийские же капители. Дверь находилась посреди фасада, и верхняя часть ее была перекрыта аркой. С обеих сторон двери, между боковыми и центральными колоннами, находились полукруглые ниши. Вход был обращен на северо-восток, как в вавилонских храмах. Пята свода каждой из арок была украшена терракотовыми плитами с изображениями реальных и фантастических животных.

Окончательно отделывалось здание гипсом, покрывавшим как архитектурные, так и скульптурные детали храма.

Перед зданием стоял портик из шести колонн, но, вероятно, он не относился непосредственно к храму, а являлся частью большого комплекса, с которым связан и храм Гаргуса¹⁴⁹. Таким образом, во внешнем облике храма наряду с местными вавилонскими традициями очень большую, если не преобладающую роль играли западные. Как замечают ав-

¹⁴⁹ E. Heinrich, A. Falkenstein. Указ. соч., стр. 35; ср.: С. Hopkins, The Parthian temple, стр. 2.

торы публикации, такой храм не вызвал бы никакого удивления, если бы он был открыт где-нибудь в римских провинциях¹⁵⁰. Известные параллели храму в Варка представляет здание так называемого периптильного храма в Ашуре¹⁵¹.

Второй храм парфянского времени, обнаруженный в Варка, — это маленькое здание, пристроенное к боковой стене святилища Ану-Антум¹⁵². Внутренние размеры его — $4,6 \times 4,35$ м. Во внешнем оформлении так же, как и в первом храме, решающая роль принадлежит системе колонн с арками, связывающими их. Вообще этот храм кажется уменьшенной копией первого храма.

Изучение планов этих храмов и сравнение их с типом храма, господствующим в праноязычных районах Парфии, не оставляет сомнения в том, что мнение Гошкинса, относившего храм Гареуса к типично парфянским¹⁵³, неверно. Хотя он был возведен в парфянское время, ничего типично парфянского в нем нет. В чертах храмов этого типа видно слияние местных, вавилонских традиций с греческими, которые в данном случае, в отличие, например, от Дура-Европос, играют отнюдь не подчиненную роль.

Таким образом, ясно, что определяющей тенденцией развития храмовой архитектуры Урука-Варка было взаимодействие греческих и семитских элементов. Оно прошло два этапа: в первый период, в селевкидское время, в храмовой архитектуре контакты греческих и местных элементов очень ограничены, и только после прихода парфян происходит взаимопроникновение, взаимовлияние и, наконец, слияние в единое целое.

Дело здесь не только в двух прошедших веках, на протяжении которых контакты не могли не усилиться, но, видимо, также и в политике ариакидского правительства. Оно лишало привилегий отдельные группы населения, будь то греческие полисы или восточные города, по своему правовому положению близкие в селевкидское время полисам (см. выше). Тенденция правительства к превращению всего населения в единую массу подданных оказывалась добавочным фактором, приводившим к стиранию этнических границ и созданию единой культуры, в которой сливаются древние вавилонские традиции с греческими и очень часто иранскими.

Ярким примером подобного слияния является обнаруженный недавно в Варка мифреум¹⁵⁴. Это небольшое здание, вытянутое в направлении

¹⁵⁰ E. Heinrich, A. Falkenstein. Указ. соч., стр. 33.

¹⁵¹ C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 3; ср.: W. Andrae, H. Lenzel. Указ. соч., стр. 64—67, табл. 26.

¹⁵² J. Jordan. Указ. соч., стр. 36, 37, табл. 14, 18, 43в, 73а, в.

¹⁵³ C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 1.

¹⁵⁴ H. Lenzel. Vorläufiger Bericht über die von dem Deutschen Archäologischen Institut und der Orient-Gesellschaft aus Mitteln der Deutschen Forschungsgemeinschaft

с юго-запада на северо-восток (длиной 15,5 м, шириной 11,2 м). В северо-восточной стороне его имеется апсида. Вход оформлен в виде айвана. Внутри здания вдоль стен скамьи — поди. Это святилище производит впечатление типичного мифреума, хорошо известного благодаря многочисленным раскопкам во всех частях Римской империи. Здание пережило три этапа перестройки, хотя план его в основном оставался неизменным. Время его сооружения не может быть пока точно установлено, но вероятнее всего, что возводится мифреум в раннепарфянское время. Подтверждением того, что данное здание является мифреумом, а не раннехристианской церковью, помимо плана, служит также обнаруженный в Варке глиняный штамп с изображением Мифры-тавроктона¹⁵⁵.

Обнаружение храма Мифры является открытием первостепенной важности, так как мифреум в Варке — один из древнейших; это способствует решению вопроса о возникновении позднего (римского) мифраизма и распространении его в пределах Римской империи на основе более прочных фактов, нежели ранее. Если Ф. Кюмон предполагал, что настоящее оформление позднего мифраизма происходило в первые века до нашей эры где-то на территории Малой Азии, отводя Месопотамии только второстепенную роль в первых контактах семитских и иранских религиозных верований, не приведших к решающему синтезу — появлению новой религии, а бывших только одним из многих этапов на пути ее развития, да и то только в ахеменидское, а не аршакидское время¹⁵⁶, то возражения Г. Виденгрена¹⁵⁷ были до сего времени лишены настоящей доказательной силы из-за отсутствия достаточно твердых аргументов.

Только обнаружение столь раннего мифреума в собственно Вавилонии окончательно доказывает, что родиной позднего мифраизма была парфянская Месопотамия. Можно проследить совпадения распространения в Вавилонии и Иране верований, облегчавших проникновение семитских влияний в иранский культ. Так, жертва быка, являвшаяся центральным пунктом в мистериях Мифры, возможно, имела одним из своих прототипов жертву быка в позднеавиловском обряде *Kalu*¹⁵⁸. Еще более важен новогодний обряд, когда приносили в жертву белого, как и в

Ausgrabungen in Uruk-Warka. Berlin, 1956, стр. 32—34; H. Lenz en. XIV vorläufiger Bericht über die von dem Deutschen archäologischen Institut und der Deutschen Orient-Gesellschaft aus Mitteln der Deutschen Forschungsgemeinschaft unternommen Ausgrabungen in Uruk-Warka. Berlin, 1958, стр. 18—20; M. J. V e r m a s e z e n. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae, t. II. Hague, 1960, стр. 11, N 7 сл.

¹⁵⁵ H. Lenz en. XIV vorläufiger Bericht..., стр. 20, табл. 45а.

¹⁵⁶ F. C u m o n t. Les mystères de Mithra. Bruxelles, 1902, стр. 10 сл.; F. C u m o n t. Textes et monumentes figures relatifs aux mystères de Mithra, t. I. Bruxelles, 1899, стр. 8 сл.; F. C u m o n t. Die Mysterien des Mithra. Leipzig — Berlin, 1923, стр. 10 сл.

¹⁵⁷ G. W i d e n g r e n. Iranisch-Semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln, 1960, стр. 51—52.

¹⁵⁸ F. T h u r e a u - D a n g i n. Rituels accadiens. Paris, 1921, стр. 22—27.

Урук-Варка. Раскопки мифреума. Общий вид

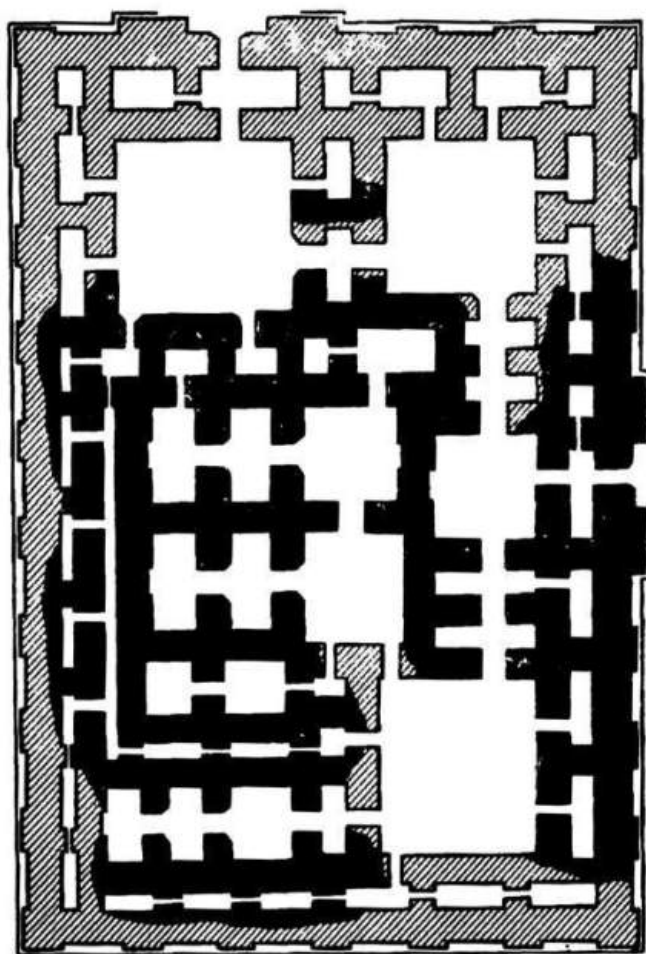
мистериях Мифры, быка, осмыслявшегося уже в качестве небесного быка и быка — олицетворения производящей силы природы ¹⁵⁹.

Таким образом, Урук-Варка является важным религиозным центром парфянской Месопотамии, местом, где происходит интенсивный взаимообмен иранской, семитской и греческой культур. Эти контакты приводят к возведению храма Гареуса, где сливаются вавилонские и эллинские черты, и строительству мифреума, отражающего возникновение позднего мифраизма, мифраизма, превращающегося из чисто иранской религиозной системы в одну из религий, претендующую на то, чтобы стать мировой религией, сохраняющую свои иранские основы, но уже обогащенную контактом с вавилонским мифотворчеством и астральными спекуляциями.

В древнем религиозном центре Месопотамии — Ниппуре, где жизнь продолжалась и в парфянское время ¹⁶⁰, также исследован храм первых

¹⁵⁹ G. Widengren. Указ. соч., стр. 52.

¹⁶⁰ I. P. Peters. Nippur, or explorations and adventures on the Euphrates, vol. II. New York — London, 1897, стр. 112, 144, 173, 186 и др.; H. V. Hilprecht. Указ. соч., стр. 32 сл.

Ниппур. План храма парфянского времени

веков нашей эры¹⁶¹. Несомненно, что его облик целиком восходит к древним месопотамским прототипам. Любопытно, что храм строится на том же самом месте, где в течение многих столетий находились храмы, посвященные богине Инанн.

Архитектура святилищ греческих городов парфянской Месопотамии лучше всего может быть прослежена на примере Дура-Европос, где единственное в своем роде обилие материала позволяет отчетливо выяснить все главные линии развития храмовой архитектуры и отчасти даже изменения религиозной идеологии населения этого типичного греческого города Парфянской державы, которые привели к возникновению этих липпий.

Наиболее интересен в этом отношении храм Артемиды и Аполлона. Раскопки его были начаты еще Ф. Кюмоном¹⁶² и продолжены позднее, во время работ экспедиции Иельского университета¹⁶³.

История святилища в настоящее время вырисовывается следующим образом: в центральной части города в III в. до н. э., т. е. в период вхождения города в государство Селевкидов, создается теменос с колоннадой

¹⁶¹ V. E. Crawford. Nippur, the holy city. «Archaeology», vol. 12, № 2, 1959, стр. 76 сл.

¹⁶² F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos, стр. 169 сл.

¹⁶³ M. Pillet. General report on the campaign. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 3^d Season of Work». New Haven, 1932, стр. 4 сл.; F. E. Brown. Discoveries in the temple of Artemis Nanaia. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 6th Season of Work». New Haven, 1936, стр. 387 сл. Во время первых раскопок были сделаны ошибки, и в состав комплекса храмовых зданий была включена часть соседнего храма Атаргатис (M. Pillet. Указ. соч., стр. 4).

и большим алтарем в центре, посвященным Артемиде¹⁶⁴. Видимо, поблизости должен был находиться и алтарь Аполлона. Артемиду и Аполлона почитали первопоселенцы города — македоняне в первую очередь как богов — покровителей династии Селевкидов. Кроме того, Аполлон считался вообще покровителем вновь основанных городов.

Незадолго до 40—32 гг. до н. э. происходит перестройка святилища¹⁶⁵. В центре теменоса возводится маленький храм, незначительные остатки которого были вскрыты раскопками. Выполненный из местного камня на глиняном растворе, он представлял собой миппаторпый перистер с четырьмя колоннами по узкой стороне и семью по длинной, открытым пронаосом и прямоугольной целлой. Перед храмом находились два монументальных алтаря, посвященные Артемиде и Аполлону. Строительство этого храма не было окончено. В 40—32 гг. до н. э. недостроенный храм был разрушен и на его месте возведен новый, с совершенно другим планом¹⁶⁶. Греческие традиции, столь ясно заметные на первых двух этапах жизни храма, полностью исчезают.

Святилище в этот период занимает квартал (размером 70 × 40 м)¹⁶⁷. Основу композиции его составляет обширный двор. В северо-западной части его находится собственно храм, к нему пристроен маленький наискос Афродиты. Вход в храм лежит на одной оси с главным входом в комплекс. Помещение храма состоит из пронаоса и целлы, к которой с боков пристроены две маленькие комнаты. Во дворе рядом с храмом находятся два алтаря и священный водоем. Среди помещений, окружающих двор, выделяется одно, внутреннее устройство которого напоминает амфитеатр. В 40—32 гг. до н. э. возводится только ядро святилища¹⁶⁸. Большинство остальных помещений пристраивается позднее.

Эта перестройка крайне любопытна. Место святилища, выдержанного в строго античных формах, занимает святилище, характер которого явно восходит к месопотамским прототипам¹⁶⁹. В частности, близок по плану позднеавилонский храм Нинмаха в Вавилоне¹⁷⁰. Подобный тип храма в южной Вавилонии использовался и в селевкидское время, как показали

¹⁶⁴ F. E. Brown. Discoveries..., стр. 408 сл. (рис. 28); M. Rostovtzeff. Dura-Europos, стр. 36.

¹⁶⁵ F. E. Brown. Discoveries..., рис. 27; M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 39.

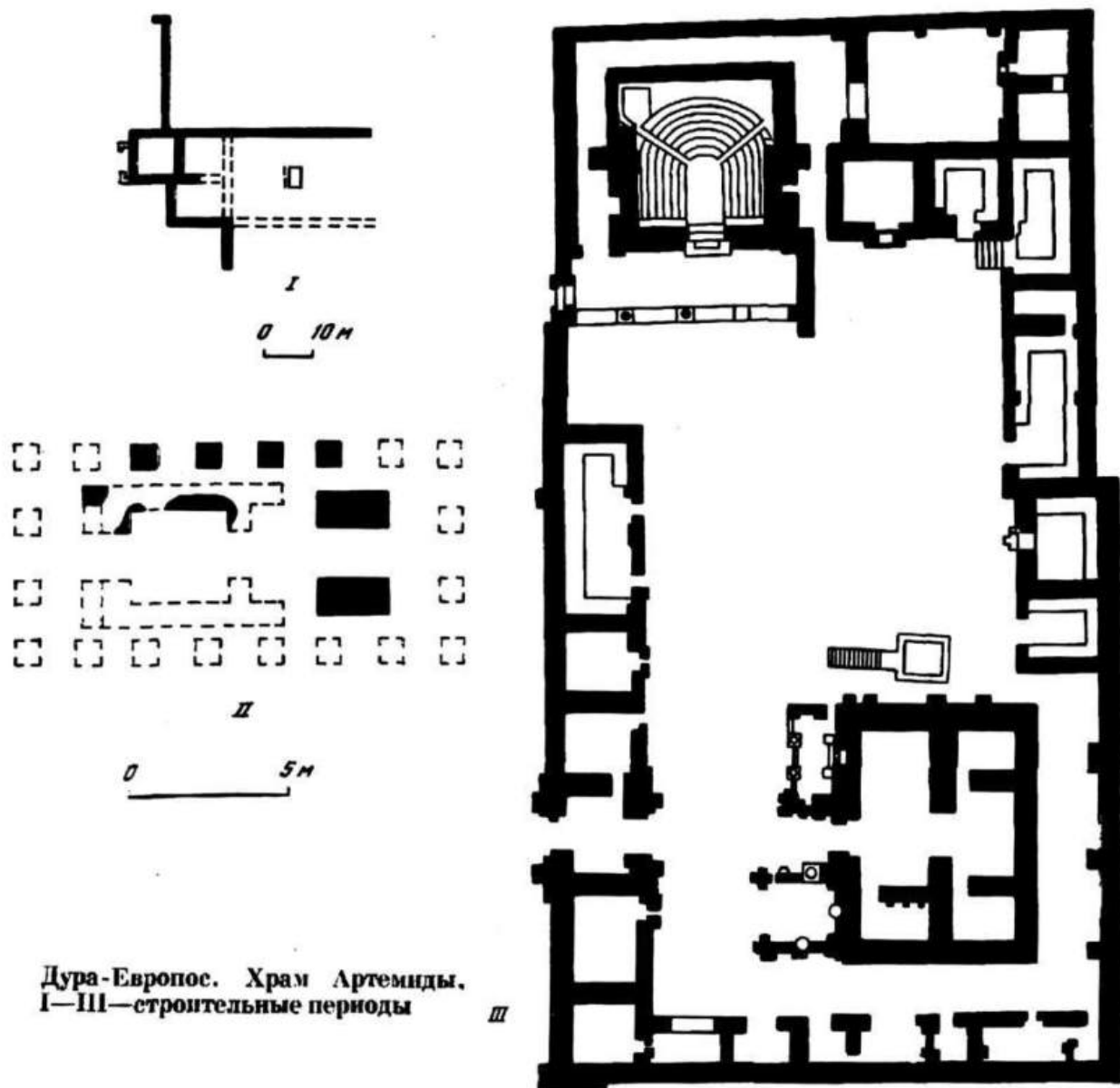
¹⁶⁶ F. E. Brown. Discoveries..., стр. 411; M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 41.

¹⁶⁷ M. Pillet. Указ. соч., стр. 4, сл. План см. табл. IV.

¹⁶⁸ F. E. Brown. Discoveries..., стр. 411.

¹⁶⁹ F. Cumont. Fouilles..., стр. 170; A. R. Bellinger. The plan of the temples. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 3^d Season of Work». New Haven, 1932, стр. 18—19.

¹⁷⁰ R. Koldewey. Die Tempel von Babylon und Borsippa. Leipzig, 1911, стр. 4—17, табл. III.

Дура-Европос. Храм Артемиды,
I—III—строительные периоды

III

раскопки в Уруке¹⁷¹ (см. выше). Такое изменение основных принципов планировки тем более показательное, что в Римской Сирии в это время храмы Артемиды строят, строго следуя античным приемам¹⁷².

Изменение плана храма явно диктовалось изменением внутренней сущности культа. Для первых поселенцев города — македонян культ Ар-

¹⁷¹ A. Falkenstein. Указ. соч.

¹⁷² Как, например, в Джераше. См.: O. Eissfeldt. Tempel und Kulte Syrischer Städte in hellenistisch-römischer Zeit. «Der Alte Orient», B. 40. Leipzig, 1940, стр. 16 сл., рис. 4.

темиды и Аполлона был, как выше сказано, культом богов династии Селевкидов¹⁷³; значение храма подчеркивалось его центральным положением рядом с деловым центром города — агорой. Со времени же перехода города под власть парфян этот культ, утерявший свою роль в государстве, приобретает совершенно новые черты.

Артемиды в период ориентализации всей культуры Дура-Европос перестает быть чисто греческим божеством, связанным к тому же с исчезнувшей династией Селевкидов (основатель которой, правда, продолжал еще почитаться в городе в парфянское время, но только как ктист города), и, идентифицируясь с Нанайей, становится практически для основной массы населения местным, семитским божеством¹⁷⁴. Свидетельством этого нового значения Артемиды является обнаруженное в святилище посвящение, читаемое [Μ]αθδάναθ Ναναιά 'Αδύ[ω] Γαββουτης¹⁷⁵. Подобного рода ассимиляция древним семитским божеством греческой богини — явление в это время обычное. Особенно важным обстоятельством является то, что богиня Нанайя была городской богиней Урука, позднее отождествлявшейся с Иштар и распространившейся в этой форме по Месопотамии и Ирану вплоть до Индо-Скифии¹⁷⁶. Слияние двух образов проявляется не только в равноценности обоих имен богини, но также и в том, что новое божество объединяет функции божеств, из которых она развивалась. Как восточный вариант Артемиды это божество является божеством плодородия и изобилия. Те же функции характерны и для Нанайи-Иштар. Но, с другой стороны, Нанайе-Иштар свойственны функции богини-воительницы, защищающей сражающихся и обеспечивающей победу. Объединение двух разнородных функций в лице единого божества¹⁷⁷ также не является чем-то неожиданным для эпохи синкретизации религии, когда ясно проявляется тенденция к созданию универсального божества.

Некоторые выводы о характере культа, отправлявшегося в храме, позволяет сделать уже упоминавшееся маленькое театроподобное помещение. Кюмон, по-видимому вполне справедливо, полагал, что здесь исполнялись не религиозные мистерии, для которых было слишком мало открытое пространство, а священные танцы и песни¹⁷⁸; подобного рода церемонии засвидетельствованы Лукианом в культе сирийской богини (Lucian. De dea Syria, 34). Помещения такого типа были довольно

¹⁷³ M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 34—35; M. Rostovtzeff. PROTONOI. «Journal of Hellenic Studies», vol. 55, 1935, стр. 56; но ср.: E. Bickerman. Institutions des Seleucides. Paris, 1938, стр. 236 сл., 256.

¹⁷⁴ F. Cumont. Fouilles..., стр. 195 сл.

¹⁷⁵ Там же, стр. 411, 412, № 55.

¹⁷⁶ Проникновение этого образа в пантеон Дура-Европос и слияние его с образом Артемиды, видимо, было одной из причин уже отмечавшегося выше появления южного вавилонского типа храма в этом греческом городе.

¹⁷⁷ F. Cumont. Fouilles..., стр. 198.

¹⁷⁸ Там же, стр. 202.

многочисленны в Сирии и с сирийскими культами широко распространились по всему Средиземноморью¹⁷⁹.

Сооружение этого «театра» указывает на сирийские влияния в культе Артемиды-Нанайн в Дура-Европос. Сравнительно небольшое число участников этих религиозных церемоний говорит об ограниченном характере их. Очевидно, традиции того времени, когда этот культ был культом городской македонской аристократии, продолжали существовать и позднее. Видимо, не случайно активное участие в перестройке храма принимает высшее должностное лицо города — стратег Селевк, сын Лисия¹⁸⁰. Не лишено вероятности также предположение, что это помещение было не только местом совершения определенных религиозных церемоний, но и местом заседания булэ¹⁸¹.

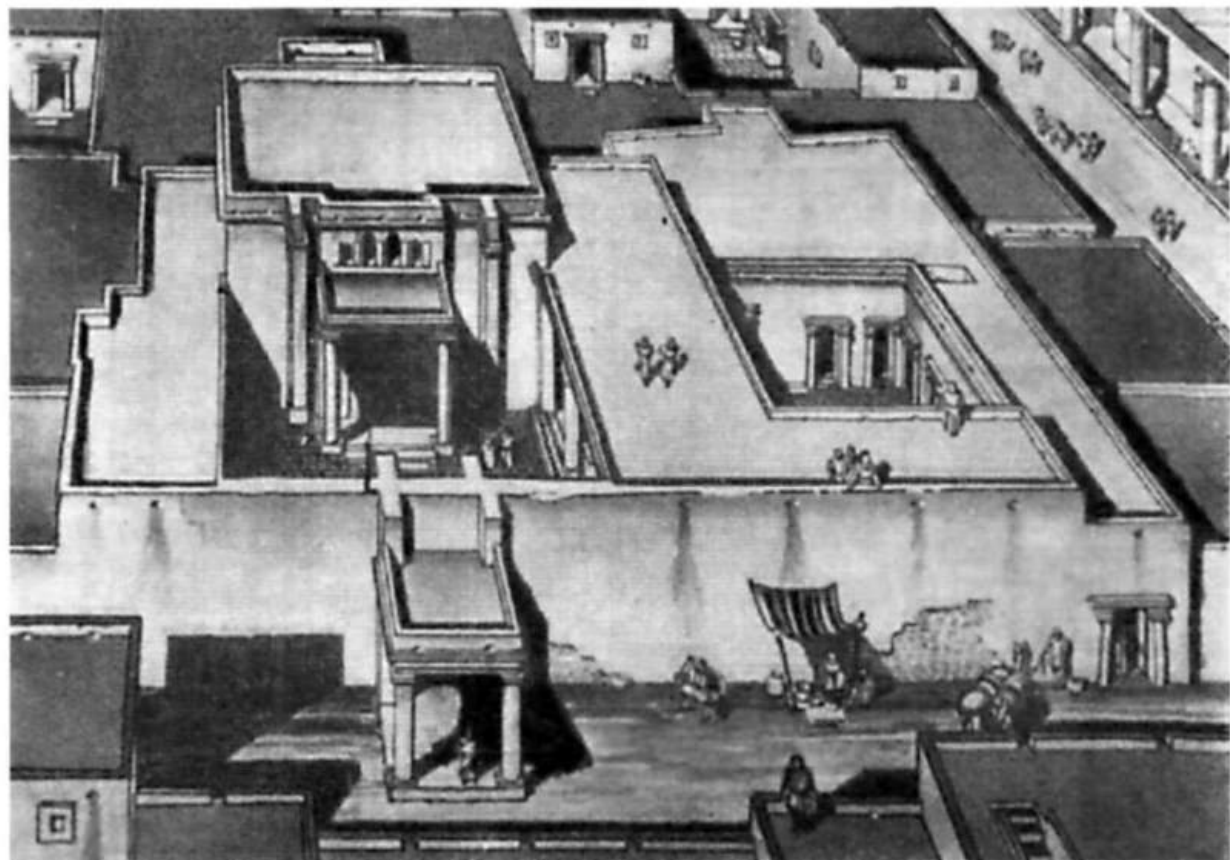
Таким образом, изучение этого святилища показывает, что основной линией его развития было изменение сущности самого культа; на смену культу, связанному с династией Селевкидов, в парфянское время приходит культ синкретического божества, объединившего в себе семитские и греческие черты. Отражением этого изменения содержания культа было изменение основной планировочной схемы святилища, где господствующими стали южномесопотамские черты, а греческое влияние осталось только частично в декоре (использование колонн и полуколонн дорического ордера, статуя Афродиты греческой работы и т. п.). Этот храм является наиболее ярким примером развития храмовой архитектуры Дура-Европос в селевкидское и парфянское время, но во всех остальных храмах Дура точно так же проявляется этот принцип¹⁸². Так, общая схема храма с некоторыми отклонениями повторяется во всех храмах, возведенных в I в. н. э. (храм Атаргатис, Артемиды-Аззанатконы, Афлада, храм пальмирских богов, Зевса-Кюриоса — Баал-Шамина, храм богов — покровителей Дура и Пальмиры) и II в. н. э. (храм Зевса — Теоса — Адониса). Необходимо только подчеркнуть большую роль западных элементов в архитектуре храмов II в. по сравнению с храмами I в. Храмы Атаргатис и Артемиды-Аззанатконы, так же как храм Артемиды, являются местом собрания женских корпораций, объединяющих женщин из богатейших и знатнейших семей города, храм пальмирских богов — центр общины пальмирских купцов, центром какой-то из коллегий был храм бога Афлада, храм Зевса-Кюриоса объединял общину бедняков.

¹⁷⁹ H. C. Butler. Ancient architecture in Syria (Princeton expedition, Division II. Section A, Southern Syria). New York, 1903, стр. 379 сл.; P. Roussel. Délos, colonie athenienne. Paris, 1916, стр. 259; см. также: I. A. Hanson. Roman theater-temples. Princeton, 1959, стр. 64.

¹⁸⁰ F. Cumont. Fouilles..., стр. 403, № 52.

¹⁸¹ A. R. Bellingier. Указ. соч., стр. 23.

¹⁸² Развитию храмовой архитектуры Дура-Европос в парфянское время мы думаем посвятить особое исследование, где все эти вопросы будут разобраны более подробно.

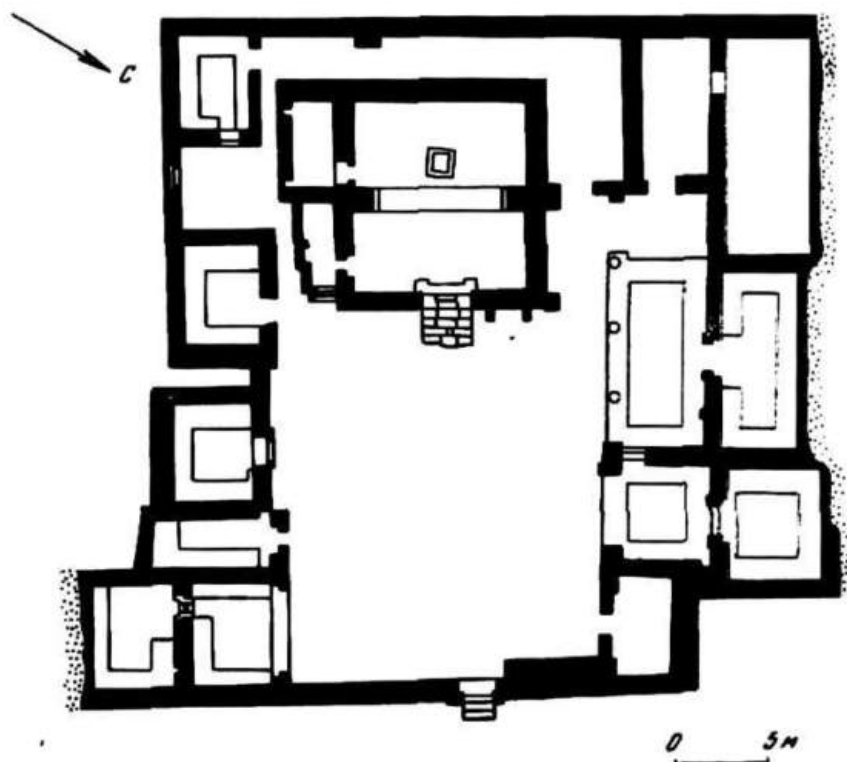

Дура-Европос. Храм Гадде. Реконструкция

В теологии некоторых божеств, почитаемых в Дура-Европос, помимо уже отмеченного греко-семитского религиозного синкретизма, наблюдается и греко-иранский синкретизм (культ Зевса Величайшего¹⁸³, Зевса-Теоса, к тому же и в архитектуре храма заметны некоторые иранские черты). Имяются следы развитой жреческой корпорации (упоминание *ἀρχιερέε* в надписи № 872 из храма Адописа).

Таким образом, определяющей линией развития в архитектуре храмов Дура-Европос является смена греческого типа святилища семитским, точнее, южномесопотамским. Этот процесс начинается с середины I в. до н. э. Он порожден как изменившимся этническим составом населения, так и, по сравнению с селевкидским временем, ролью греческого населения в городе. Но уже со II в. н. э. усиливается пропикновение некоторых архитектурных форм с Запада, что, вероятно, связано с усилением между-

¹⁸³ С. Hopkins. The Palmyrens gods of Dura-Europos. JAOS, vol. 51, N 2, 1931, стр. 128.

Дура-Европос. Храм Зевса-Теоса

народной роли Пальмиры, которая в это время оказывается в сильной экономической и культурной зависимости от Рима. Не изменяя основного содержания храмовой архитектуры, эти влияния проявились в усилении западных черт в декоре храмов Дура-Европос. При значительной близости пантеонов Дура-Европос и Пальмиры, сказывающейся в почитании одних и тех же божеств, в совпадении содержания культов, особенно разительными являются различия в основной планировочной идее храмов. Особенно ярким примером служит храм, построенный пальмирскими купцами в Дура. Он построен не так, как обычно сооружались храмы в Пальмире, а по схеме, принятой в Дура-Европос.

Другой вывод, вытекающий из анализа храмовой архитектуры Дура-Европос, — это родство храмовой и жилой архитектуры этого города. В обоих случаях главный организующий компонент — обширный двор, вокруг которого располагаются все помещения. Место главного помещения и в жилище, и в храме определяется в зависимости от движения солнца по небосклону. Непременной частью и святилища, и жилища являются комнаты с лавками-суфами вдоль стен. Эта близость — следствие влияния архитектуры жилища на тип храма.

Выше уже отмечалось, что тип дома Дура-Европос парфянского времени создавался под определяющим воздействием южной Месопотамии.

Таким образом, и в жилой и в храмовой архитектуре господствующими являются вавилонские идеи, что, видимо, отражает ведущую роль южной Месопотамии в формировании культуры западной половины Парфянской державы.

В пантеоне Дура-Европос характерно смешение божеств самого различного происхождения: греческих, вавилонских, пальмирских, арабских, финикийских, несомненно проникновение и некоторых иранских религиозных представлений. Но так же, как и в архитектуре, в основе лежит процесс вытеснения греческих божеств и замены их семитскими. Этот процесс принимает различные формы. Иногда греческое божество полностью исчезает и заменяется семитским, иногда божество сохраняет греческое имя, но меняется сущность культа, приспособляясь к господствующим в городе семитским представлениям; в образе некоторых божеств сливаются греческие и семитские черты.

Вытеснение греческих божеств порождено всей ориентализацией культуры города, заменой полисной идеологии новой идеологией, порожденной социальным строем Парфянской державы, где полисы перестают играть сколько-нибудь существенную роль. Отмирание полиса с его институтами, традициями и культами, ускорявшееся сознательной политикой Аршакидов, приводило к этим изменениям в религиозных воззрениях жителей города.

С процессом отмирания полиса связано и обилие всякого рода общин, объединявшихся вокруг святилищ Дура-Европос. С разложением полисного строя разлагается и полисная религия. Городские культы и их почитание были одним из проявлений гражданственности членов полиса. Городской культ был неотъемлемой частью полисного строя. В период его разложения прежняя полисная религия становится частным делом. Устройство святилищ с глухим забором вокруг, с планом, очень напоминающим план дома, является отражением этой перемены в религии. Если в полисах храмы городских богов резко выделяются на общем фоне городской застройки, что подчеркивает важность их роли в жизни города, то в парфянское время в Дура-Европос внешний облик храма почти неотличим от внешнего облика жилища. Только войдя внутрь, можно было понять, что находишься в храме. Нет ни одного культа в Дура-Европос, о котором можно было бы сказать, что он в полном смысле этого слова является общегородским культом. Божество, почитавшееся в каждом из храмов, было божеством того или иного круга лиц. Иногда благодаря тому, что эти лица являлись ведущей силой в городе, это божество приобретало большее значение, нежели остальные, но в то же время сохранялись близкие ему по функциям и характеру божества, почитавшиеся иными социальными группами. Характер общин самый различный: это объединение, создававшееся, например, вокруг храмов Артемиды, Атаргатис, Афлада, где собиралась верхушка города и коллегия, в которую входили купцы соседней богатой Пальмиры, и коллегия менее состоятельных

жителей, сгруппировавшихся вокруг храма Зевса-Кюрноса — Баал-Шамина. Характерна замкнутость каждой коллегии, объединявшей сравнительно небольшое число жителей, что говорит о прочности социальных перегородок внутри общества Дура-Европос. Иногда эти коллегии включали, судя по числу комнат, несколько десятков человек, иногда всего несколько.

Характерной чертой в религиозной жизни Дура-Европос, порожденной общими тенденциями социально-экономического развития, является трансформация образов божеств, особенно важнейших. Хотя главное место среди пантеона Дура-Европос занимают божества аграрного цикла, но они постепенно превращаются в божества со многими функциями, всеобъемлющие. Это первый шаг на пути к монотеизму. Синкретизация божеств проявляется в различных формах: наиболее частым случаем является объединение в образ одного божества различных функций, свойственных ранее различным божествам. Другой путь синкретизации — слияние в лице одного бога божеств различных этнических групп с близкими, но не идентичными чертами. В этом процессе синкретизации одно явление привлекает наибольшее внимание: хотя преобладающими в городе являются семитские и греческие религиозные идеи, а иранские проявляются только спорадически, в образах некоторых верховных божеств, таких, как Зевс Веллчайший и Зевс-Теос, иранские черты заметны очень ярко. Появление этих черт может быть объяснено двумя факторами: во-первых, образ Ахура-Мазды в маздеизме как верховного, а иногда в жреческой теологии и единственного, божества давал в сочетании с образом Зевса концепцию, в наибольшей степени приближающуюся к идее всеобъемлющего божества. С другой стороны, общая социальная структура Парфянской державы с обожествляемым (в иранских областях) царем Аршакидом находила известное идеологическое отражение в самом придании верховному божеству некоторых иранских черт.

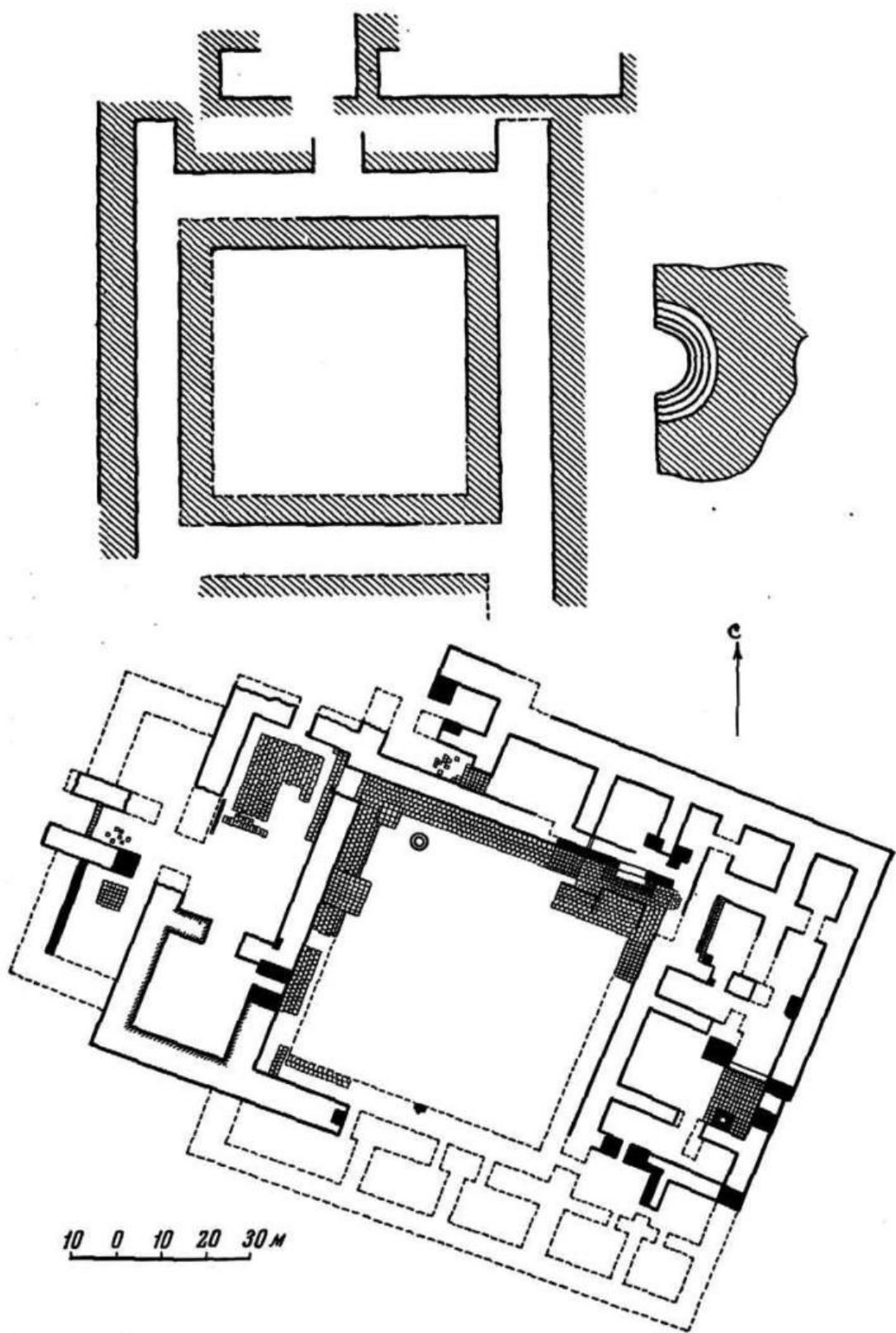
Отчасти отражали распад полисной религии мистерияльность, встречающаяся в некоторых культах Дура-Европос, и некоторые чисто мистерические культы, как культ Адониса, распространившийся в Дура-Европос в конце парфянского времени.

Гораздо меньше данных, чем Дура-Европос, предоставляет другой греческий город Парфянского государства — Селевкия на Тигре. Раскопки, проводившиеся там в конце 20-х — начале 30-х годов, привели к открытию двух храмов парфянского времени.

Первый находится в северо-восточном углу города, он расположен посреди довольно обширного свободного пространства¹⁸⁴. Храм был построен либо в I в. до н. э., либо в I в. н. э.¹⁸⁵ Это квадратное здание (размером 27 × 26 м), выполненное из кирпича-сырца, с приставными

¹⁸⁴ С. Hopkins. A Bird's-eye View on Opis and Seleucia. «Antiquity», vol. XIII, N 52. 1939, стр. 443.

¹⁸⁵ С. Hopkins. The Parthian temple, стр. 5.

Селевкия. Планы храмов 1 и 2

ионийскими колоннами, связанными с глухими арками внутри, орнаментированное различной кладкой из сырцовых кирпичей в том же стиле, что и храм Гареуса в Варке. Снаружи стены были, по-видимому, гладкими. Крытый коридор, шириной 5,2—5,6 м, окружал здание. Прямо к востоку от храма находятся остатки связанного с ним маленького театра¹⁸⁶.

Гопкинс отмечает отсутствие перекрытия над центральным зданием. Это утверждение первоначально может вызвать возражения, так как основная планировочная идея здания — почти строгого квадрата с глухим обводным коридором — с несомненностью указывает на иранское происхождение храма, но, учитывая, что рядом с храмом находится маленький театр для выполнения определенных частей ритуала¹⁸⁷, сходный с театрами при храмах Дура-Европос и некоторых набатейских храмах¹⁸⁸, можно предположить, что этот своеобразный храм отражает переплетение иранских и семитских религиозных воззрений. Это может быть подтверждено также и тем обстоятельством, что некоторые иранские святилища этого времени, как мы уже отмечали, отошли от ригористичного следования правилу укрытия священного огня от солнца и взглядов непосвященных. Близкая планировочная идея прослеживается и в другом храме Селевкии, что, видимо, указывает на устойчивую местную традицию. Таким образом, можно утверждать, что в этом храме Селевкии сливаются иранские и семитские традиции религиозной архитектуры, отражающие слияние и религиозных воззрений. Греческие элементы в его архитектуре проявляются только в декоре, но показательно, что этот храм времени парфянского господства в Селевкии возводится на развалинах основания типичного греческого храма¹⁸⁹, видимо построенного в селевкидское время. Таким образом, так же как и в Дура-Европос, ясно заметен процесс смены храмов, выполненных в греческой традиции, храмами с преобладанием восточных форм.

Второй храм, вскрытый в Селевкии, также относится к парфянскому времени¹⁹⁰. Первоначально это здание считалось парфянской «виллой»¹⁹¹, но дальнейшие исследования привели к заключению, что это храм¹⁹². Устройство его весьма своеобразно: большой комплекс, объединяющийся вокруг большого открытого двора. Главный вход находится в северо-западной части, он фланкирован двумя помещениями, одно из которых, вероятно, служило для ритуальных омовений. Вход оформлен монументальными пилонами и вводит в прямоугольный дворик, разделенный

¹⁸⁶ C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 5; I. A. Hanson. Указ. соч., стр. 66, рис. 30.

¹⁸⁷ C. Hopkins. A Bird's-eye view..., стр. 443.

¹⁸⁸ I. A. Hanson. Указ. соч., стр. 66.

¹⁸⁹ C. Hopkins. A Bird's-eye view..., стр. 443.

¹⁹⁰ N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 9 сл.

¹⁹¹ Там же, стр. 9.

¹⁹² R. H. McDowell. The excavations at Seleucia on the Tigris, стр. 108; W. Van Ingen. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939, стр. 5, прим. 2.

перегородкой на две части, которые через два отдельных прохода связывают его с главным двором. Главный двор окружен серией комнат, в северном углу его находится монументальный алтарь.

Решение храма показывает то же самое смешение семитских и иранских черт, которое наблюдается в первом храме. Несомненно, что основная схема храма с обширным двором и комнатами вокруг — вавилонского происхождения, но в то же время имеется целый ряд черт, не совместимых с нею, например устройство входа с северо-запада, отсутствие помещения во дворе для собственно храма. С другой стороны, квадратная форма центрального двора, характер подходов к нему, исключая возможность прямо из главного входа видеть внутренность центрального помещения, указывают на иранские традиции в его архитектуре. Отсутствие крыши над главным местом свершения культа известно в храме Зевса-Кюриоса — Баал-Шамна в Дуре-Европос. Необычное, западное расположение входа можно объяснить, если предположить традицию, связанную с существованием греческого герояна.

Таким образом, в архитектуре второго храма Селевкии также наблюдается любопытная смесь иранских, семитских и, возможно, греческих традиций храмовой архитектуры.

К сожалению, нет никаких данных о том, какие божества почитались в этих храмах. Правда, наличие театра у первого храма позволяет предположить, по аналогии с Дуре-Европос, что этот храм был предназначен для культа какого-либо женского божества из семитского пантеона. Это кажется тем более вероятным, что среди терракотовых фигурок, обнаруженных в Селевкии, наиболее популярными являются изображения великого женского божества плодородия и любви, известного по всему Средиземноморью с древнейших времен¹⁹³. Трудно уточнить, в какой форме почиталось это божество, хотя как будто можно считать установленным, что иконография его указывает на прототипы, восходящие к глубокой вавилонской древности; параллельно им вплоть до самого позднего времени продолжал существовать и чисто греческий тип Афродиты. В слоях парфянского времени чаще встречается фигурка богини, задрапированной в тяжелые одежды, тогда как в селевкидское время большей популярностью пользовалась обнаженная богиня¹⁹⁴. Та же самая тенденция заметна и в терракоте Маргианы¹⁹⁵, что, возможно, указывает на парфянские влияния.

Некоторые материалы для суждения о пантеоне Селевкии могут дать монеты. Это в первую очередь монеты автономного чекана Селевкии в парфянский период, так как только они, а не монеты государственной чеканки Селевкидов или Аршакидов, могут свидетельствовать о популяр-

¹⁹³ W. Van Ingen. Указ. соч., стр. 18.

¹⁹⁴ W. Van Ingen. Указ. соч., стр. 8.

¹⁹⁵ Г. А. Пугаченкова. Киропластика древнего Мерва. «Труды ЮТАКЭ», т. XI. Ашхабад, 1962.

ности тех или иных божеств в городе. Среди монетных типов встречаются изображения Зевса, Тихи города, Артемиды¹⁹⁶. К сожалению, невозможно судить об изменениях в пантеоне после критического для города 43 года н. э., когда резко меняется весь облик города, потому что после подавления восстания Селевкии лишается права автономного чекана. Некоторым восполнением служит немногочисленная коллекция печатей парфянского времени, которые значительно отличаются от печатей предыдущего периода своим ясно выраженным восточным характером, в котором заметнее иранские, нежели месопотамские элементы¹⁹⁷.

Таким образом, материал Селевкии, хотя и скудный, позволяет прийти к заключению, что, так же как и в Дура-Европос, определяющей линией развития была замена греческих религиозных представлений и греческого типа храма восточными представлениями и восточным типом храма. Имеется только одно различие в протекании этого процесса: в Селевкии гораздо более заметны иранские элементы, чем в Дура. Тот же процесс наблюдается и в жилой архитектуре Селевкии. Видимо, как было уже отмечено, это связано с изменением, хотя бы и частичным, состава населения города после подавления «великого восстания».

Среди городов Месопотамии, основанных в парфянское время, основные материалы для суждения о храмовой архитектуре представляют Ашур и Хатра.

Очень своеобразна храмовая архитектура парфянского Ашура (Лаббана)¹⁹⁸. К сожалению, линии ее развития могут быть прослежены только в самой общей форме, ибо отсутствуют достаточно твердые хронологические вехи. Определенно можно утверждать только, что так называемый храм А и храм, возникший над развалинами ассирийского храма Ашура, построены ранее остальных¹⁹⁹. Время возведения их не может быть уточнено, известно только, что «раннепарфянский» строительный период, к которому они относятся, закончился, видимо, в 117 г. н. э., с разрушением города войсками Траяна²⁰⁰.

Святынище А расположено в юго-восточной части «акрополя»; оно состояло из священного участка, стены которого сохранились только частично на южной стороне, и собственно храма. Храм представляет собой небольшое здание, сложенное из сырцового кирпича (размером $40 \times 40 \times 13,5$ см²⁰¹). Здание было возведено на остатках стен храма нововавилонского времени и в точности повторяет его план. Вход в святилище находится на северо-восточной стороне. Дверь вела в пронаос — широ-

¹⁹⁶ R. H. Mc Dowell. *Coins from Seleucia*, стр. 94 сл.

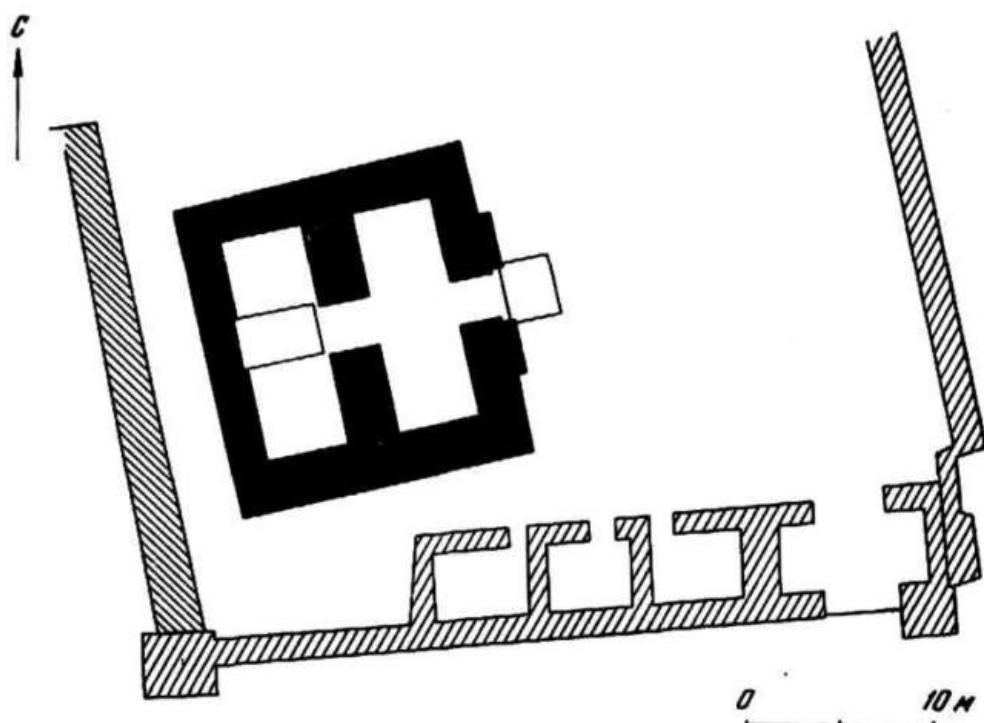
¹⁹⁷ R. H. Mc Dowell. *Stamped and inscribed objects from Seleucia on the Tigris*. Ann Arbor, 1935, стр. 232.

¹⁹⁸ W. Andrae, H. Lenz. *Die Partherstadt...*, стр. 231.

¹⁹⁹ Там же, стр. 3.

²⁰⁰ Там же, табл. 2.

²⁰¹ Там же, стр. 71, 72.

Ашур. Храм «А». План

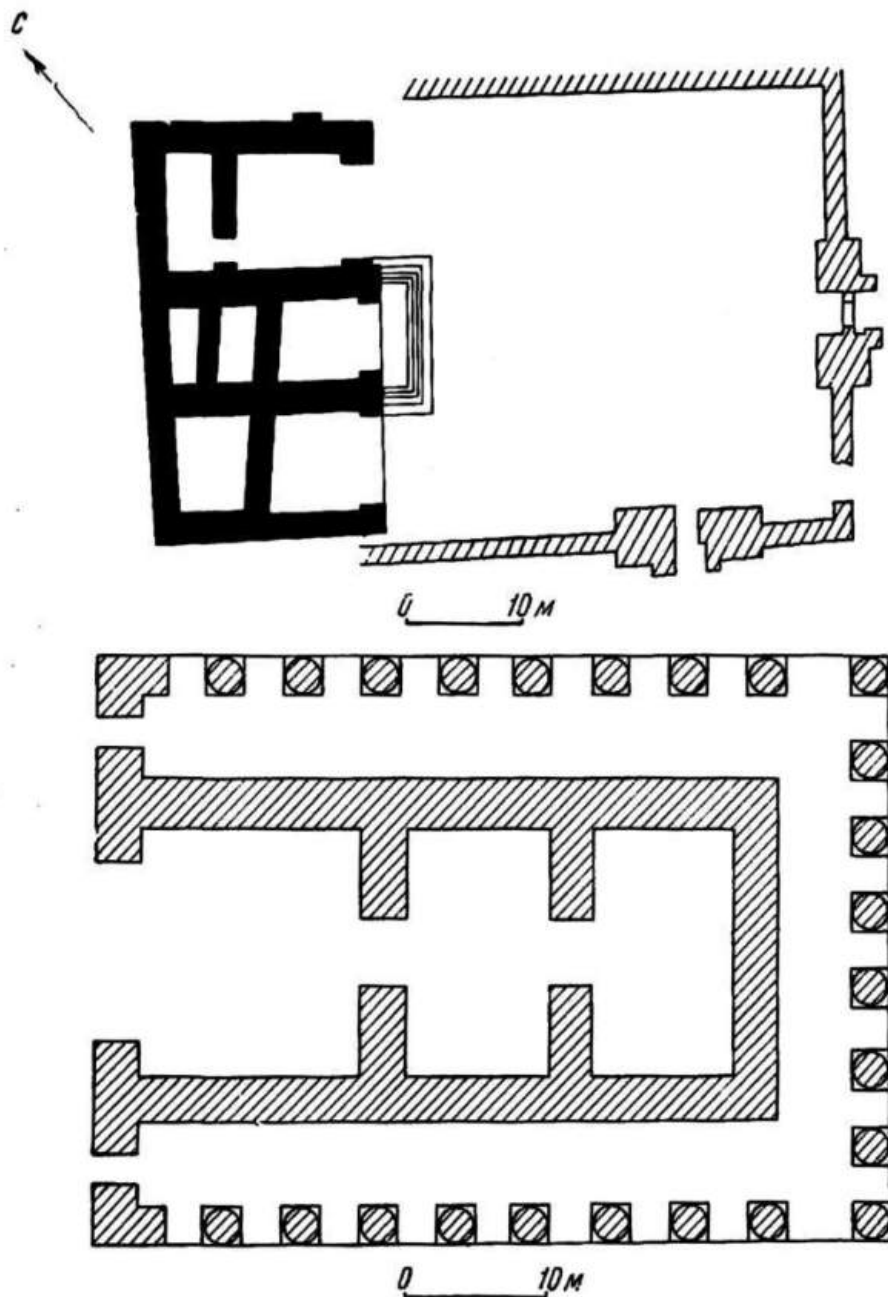
кое, но не глубокое помещение, размером $12,15 \times 4,72$ м. Дверь в задней стене пронаоса открывала доступ в целлу, помещение того же устройства и того же размера, что и пронаос. В середине целлы найден постамент культовой статуи, копирующей постамент храма нововавилонского времени. Позади него, в задней стене, — очень неглубокая культовая ниша. Храм был посвящен Гераклу, стела которого обнаружена среди развалин²⁰².

Совершенно несомненно, что этот храм с участком, окруженным со всех сторон стеной, с целлой, имеющей вход с северо-востока, и столь типичным устройством постамента воспроизводит вавилонский тип храма²⁰³. Но вопреки мнению Андре и Ленцена, нам кажется, что нельзя вавилонские традиции, столь ярко проявившиеся в этом храме, объяснять воздействием только южной Месопотамии селевкидско-парфянского времени²⁰⁴. Ведь само святилище строится на остатках храма нововавилонского периода. Видимо, пропикновение южномесопотамских традиций в Ашур наблюдалось гораздо раньше, в эпоху непосредственно после падения ассирийской державы; вторая волна влияний южной Месопотамии в селевкидско-парфянское время только усилила эти традиции.

²⁰² Там же, стр. 72, табл. 59.

²⁰³ Там же, стр. 71; SPA, t. I, стр. 435.

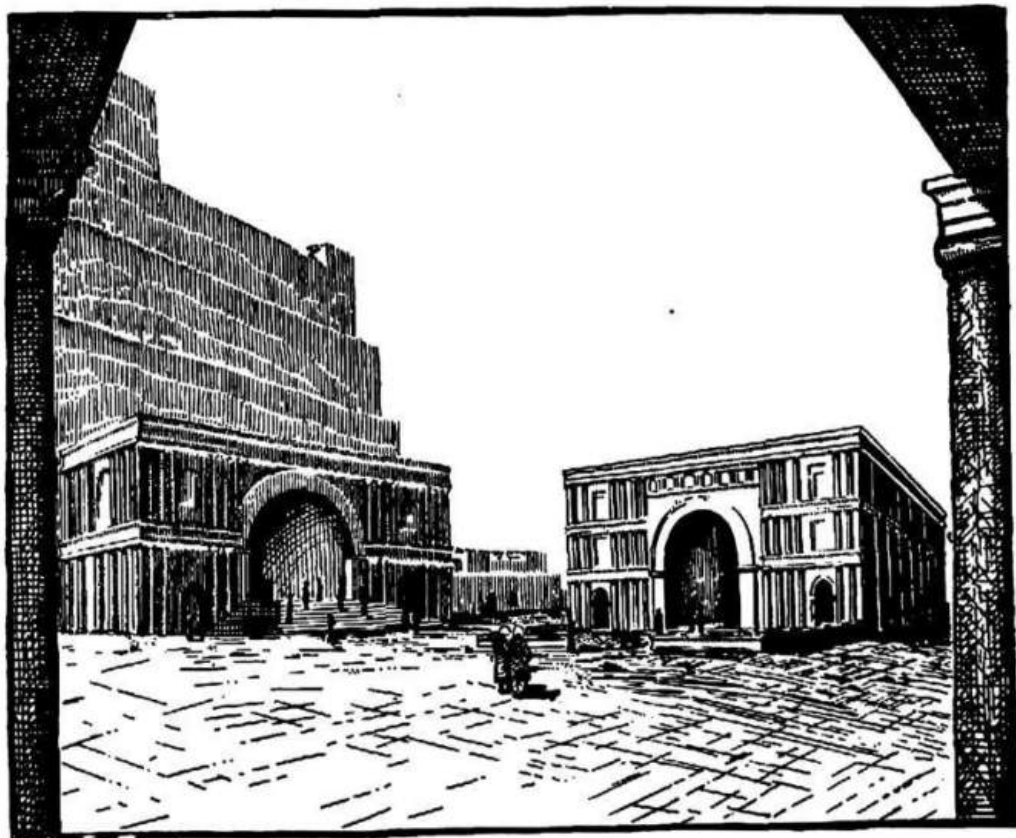
²⁰⁴ W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., стр. 3 сл.

Ашур. План храма бога Ашура и так называемого периптера

Храм над развалинами ассирийского храма бога Ашура был возведен в тот же самый период. Однако он решен совершенно иначе, чем храм А²⁰⁵. Хотя здание и подвергалось перестройкам в более позднее время, основные планировочные идеи его оставались неизменными. Этот

²⁰⁵ SPA, t. I, стр. 436; W. Andrae, A. Lenz. Указ. соч., стр. 73, 74.

Ашур. Реконструкция фасада периптера

храмовый комплекс занимает самую восточную часть парфянского «акрополя»²⁰⁶. Он состоит из обширного двора, имеющего двое ворот: одни — на юго-восточной стороне и вторые, дополнительные, — на юге. Против главного юго-восточного входа располагается здание, состоящее из трех глубоких айванов, причем центральный айван находится на одной оси с воротами. Значение этого центрального айвана подчеркивается, помимо его местоположения, монументальной лестницей, ведущей к нему, а также тем, что уровень пола его выше на 80 см уровня пола остальных двух айванов. Позади всех трех айванов имеются еще помещения, однако плохая сохранность не позволяет уточнить их характер и назначение.

Храм посвящен древнему ассирийскому богу Ашуру. В храме этом еще сохраняются некоторые традиции вавилонской храмовой архитектуры, в частности монументальное, с пилонами, оформление входа во двор, расположение главного выхода в восточном секторе. Однако использование айвана совершенно не связано с вавилонскими религиозными традициями.

²⁰⁶ W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., стр. 4.

Несомненно, что, каковы бы ни были истоки айвана как архитектурного приема, в храмовую архитектуру Ашура он проник из архитектуры города, где айванный тип жилища в это время был господствующим. Такой тип святилища в позднепарфянское время господствует в Ашуре; храмы, возводимые в этот период, хотя и сильно отличаются в деталях, но строго следуют этому типу в главном.

Наиболее показателен в этом отношении так называемый периптер²⁰⁷, находящийся в северной части «акрополя» парфянского Ашура. Это большое (20 м в длину и 20,5 м в ширину) здание, обращенное фасадом на юго-запад. Название его, конечно, чисто условное: плану греческого периптера оно не отвечает, так как фасад его лишен колонн. Центральная часть здания состоит из трех расположенных одна за другой комнат, в которых можно видеть пронаос и разделенную на две части целлу. С трех сторон это центральное помещение окружает ряд ионических колонн, соединенных поверху арками. В фасадной части был громадный сводчатый проем айвана в центре и два маленьких сводчатых дверных проема, ведущих в коридорообразное помещение, расположенное между центральным комплексом и рядом боковых колонн. Свободное пространство над этими дверьми, более чем вдвое низкими по сравнению с айваном, было расчленено на два орнаментально разработанных этажа. Каждый из них оформлялся приставными колоннами и неглубокими нишами между ними. Подобное решение фасада храма, восстанавливаемое на основании отдельных элементов декора, не вызывает сомнения²⁰⁸. Внешний рисунок фасада чрезвычайно напоминает фасадную часть ашурского дворца²⁰⁹. Безусловно, сочетание айвана, о происхождении которого уже говорилось, с полуколоннами и глубокими нишами в оформлении фасада отражает комбинацию вавилонских и греческих архитектурных приемов²¹⁰.

Выше мы отмечали участие иранских элементов в выработке айвана, поэтому можно говорить и о некоторых иранских элементах в архитектуре этого храма²¹¹. Определяющим является объединение айванного фасада и чисто греческого периптера. Попытки видеть в решении центральной части здания пережитки месопотамских традиций²¹² вряд ли могут быть признаны удачными. Для вавилонского типа храма совершенно необычным является деление центрального ядра здания на три расположенных одно за другим помещения, в то время как в греческой религиозной архитектуре такое устройство встречается довольно часто. Далее, в данном храме полностью отсутствует обязательная для вавилонского храма ниша

²⁰⁷ W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., стр. 64—67.

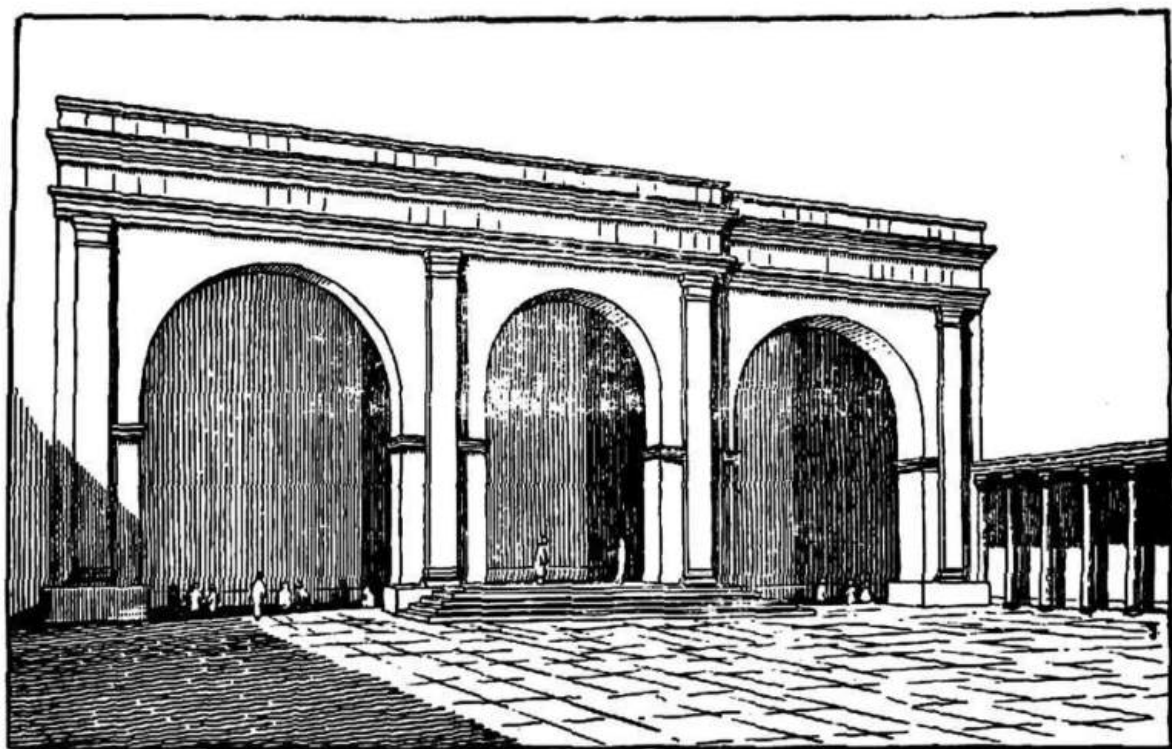
²⁰⁸ C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 3.

²⁰⁹ W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., стр. 65; C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 3.

²¹⁰ W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., стр. 4.

²¹¹ Cp. SPA. I, стр. 435.

²¹² C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 3, 4.

Ашур. Реконструкция фасада храма Ашура

в задней стене целлы. Наконец, окружающий ряд колонн постоянно напоминает о значительном западном влиянии на выработку типа храма. Таким образом, представляется возможным видеть в данном храме образец позднепарфянской архитектуры Месопотамии, где слились греческие, семитские и иранские элементы. При всем внешнем сходстве «периптера» Ашура с храмом Гареуса в Варке²¹³ между ними существует коренное различие, так как греческие элементы в храме Гареуса — результат слияния культуры семитского и греческого населения города, а в Ашуре, видимо, проникновение греческих элементов — не результат внутреннего развития, потому что нет никаких сведений о сколько-нибудь значительном числе греков в этом городе, а результат внешних влияний, шедших из Сирии. В Римской Сирии в первые века нашей эры господствовали греко-римские архитектурные традиции. Даже в Пальмире, весь облик культуры которой, безусловно, гораздо ближе культуре парфянской Месопотамии, чем Римской империи, архитектура была почти целиком подчинена западным влияниям. При гораздо больших культурных и экономических связях северной Месопотамии с Сирией понятно сильное

²¹³ Там же.

влияние греко-римских архитектурных традиций на архитектуру Ашура, проявившееся, в частности, и в плане этого храма.

На юг от «периптера» лежит еще одно храмовое здание²¹⁴. В решении его по существу ничего нового нет. План его очень напоминает план парфянского храма Ашура с тремя айванами и широкой парадной лестницей, ведущей к центральному айвану. Отличие заключается только в том, что в данном случае нет задних комнат. Фасад же этого храма решен так же, как и фасад «периптера», — в виде огромного центрального айвана с двумя меньшими по бокам, со сходной разработкой свободных поверхностей фасадной части.

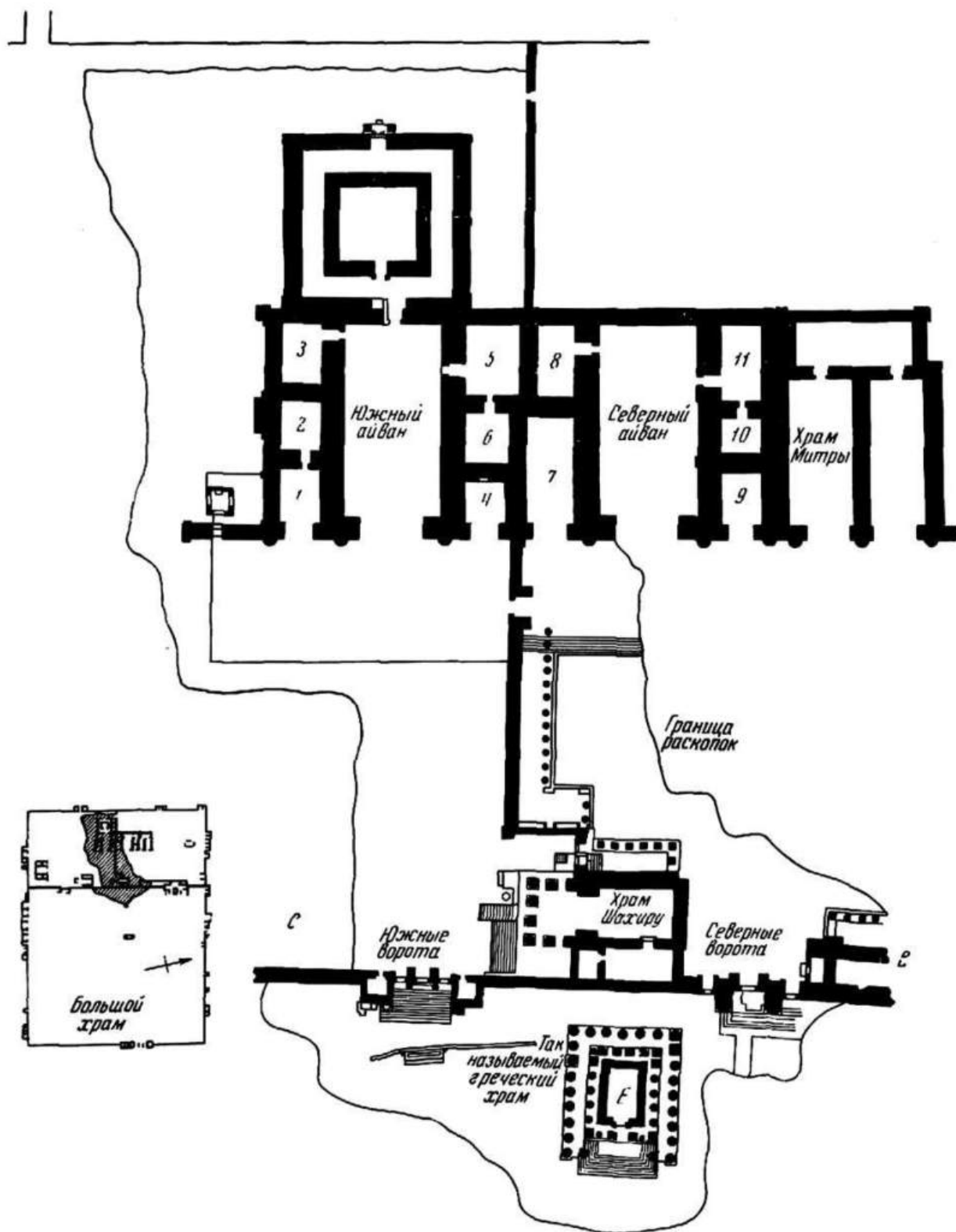
Итак, представляется возможным видеть в храмовой архитектуре парфянского Ашура следующие процессы. Первоначально, в ранний период существования города, здесь ярко проявляются вавилонские архитектурные традиции, но одновременно складывается и местный стиль, отличающийся слиянием в храмовой архитектуре вавилонских, иранских и отчасти греческих традиций. Характерной чертой этого местного стиля являются большие открытые сводчатые залы — айваны, в храмовой архитектуре парфянской Месопотамии встречающиеся только в мифреуме Урука-Варки и проникшие в храмовую архитектуру Ашура из местного типа жилища. Это решающее воздействие жилой архитектуры на храмовую является основной чертой архитектуры Ашура. Позднее новая волна западных влияний, пришедших из Римской Сирии, вероятнее всего через Пальмиру, находит свое выражение в создании «периптера». Показательно, что следов ассирийских традиций в храмовой архитектуре Ашура незаметно²¹⁵. Выше мы уже отмечали, что ашурский дворец входил в комплекс, в котором, вероятнее всего, можно видеть иранский храм огня, что очень напоминает дворец Хатры, где также в дворцовый комплекс входит храм огня. Очень трудно что-либо сказать о развитии религии Ашура в это время. Видимо, совсем не случайно и в Хатре, и в Ашуре в дворцах правителей помещаются храмы огня, свидетельствующие о проникновении иранских религиозных верований в среду правящей верхушки, которая этнически совсем не обязательно была ираноязычной. Показательно также сохранение вплоть до парфянского времени культа ассирийского бога Ашура. О характере культа Геракла мы уже выше говорили. Видимо, те же самые черты проявлялись и в культе ашурского Геракла.

Центральное место среди храмов Хатры занимает святилище, входящее в состав главного дворцово-храмового комплекса, пристроенное с запада к южному айвану²¹⁶. Оно представляет собой почти квадратное здание, размером 11,8 × 11,95 м, покрытое сводом и окруженное со всех

²¹⁴ W. Andrae, H. Lenzen. Указ. соч., стр. 67—70.

²¹⁵ Ср. W. Andrae. Die Jüngerer Ishtar-Tempel in Assur. Leipzig, 1935; W. Andrae. Anu-Adad-Tempel in Assur. Leipzig, 1900.

²¹⁶ W. Andrae. Hatra. т. I, стр. 20 сл.; табл. 3; т. II, стр. 142, табл. VII, IX, 1; XI, 1, рис. 221.

Хатра. План центральной части дворцово-храмового комплекса

четырех сторон обводным коридором, шириной 3,3—3,85 м. В храмовый комплекс ведут два входа: западный — со двора и восточный — из южного айвана, устроенный так, что вход в целлу несколько сдвинут по сравнению с ним, благодаря чему нельзя увидеть из айвана, что происходит в целле. Храм этот воспроизводит обычный храм огня иранского типа²¹⁷, наиболее сильным доказательством чего может служить поразительное сходство с храмом в Кух-и-Ходжа. Это сходство представляется нам чрезвычайно важным, если мы учтем теснейшую связь храма с дворцом, поскольку известно, что некоторые цари Хатры носят чисто парфянские имена²¹⁸, например Санатрук и Валкаш (Волагез)²¹⁹. Это тем более показательно, что среди всех остальных храмов Хатры ни одного иранского храма не обнаружено²²⁰, а преобладающим типом является храм совершенно иного устройства. В настоящее время опубликованы планы только трех храмов²²¹, но в литературе имеются сведения о том, что большая часть остальных храмов, вскрытых в Хатре, имеет тот же план²²².

Храм 1 находится в центральной части города, непосредственно к югу от теменоса. Он состоит из длинного узкого пронаоса и отходящей от него под прямым углом целлы²²³. Позднее были пристроены к пронаосу большой айван и две боковые комнаты.

Храм 2 располагался неподалеку от храма 1 и имел тот же самый план. Внутри него обнаружен большой мраморный алтарь²²⁴. Храм 3 находился к западу от теменоса и так же, как два первых, состоял из длинного узкого пронаоса, размером 16,35 × 6,35 м, и примыкающей к нему под прямым углом целлы, размером 4,4 × 2,3 м. Большое число надписей с посвящениями Баал-Шамину, найденных в нем, заставляют видеть в этом здании храм этого божества²²⁵.

Наибольший интерес, естественно, вызывает своеобразный план этих храмов. Подобного устройства храмы встречаются также и в Дуре-Европос, в частности таково устройство храма Гадде²²⁶ и второго святилища,

²¹⁷ U. Monneret de Villard. The Iranian temple of Taxila. SPA, t. I, стр. 448; C. Hopkins. The Parthian temple, стр. 6; O. Reuther. Parthian architecture. SPA, t. I, стр. 436; F. Safar. Hatra and the first season of excavations. «Sumer», vol. VIII, N 1, 1952, стр. 4.

²¹⁸ C. Widengren. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit, стр. 8; T. Bahir. Foreword. «Sumer», vol. XVII, N 1/2, 1962, стр. 9.

²¹⁹ F. Safar. Указ. соч., стр. 5.

²²⁰ Абсолютно ничем нельзя подтвердить мнение Андре о том, что одно здание является «атапгхо». См.: W. Andrae. Hatra, т. II, стр. 109—111.

²²¹ F. Safar. Указ. соч., стр. 11—13, табл. I—III в арабской части того же журнала; H. Ingholt. Parthian sculpture from Hatra. New Haven, 1954, рис. 2, 3.

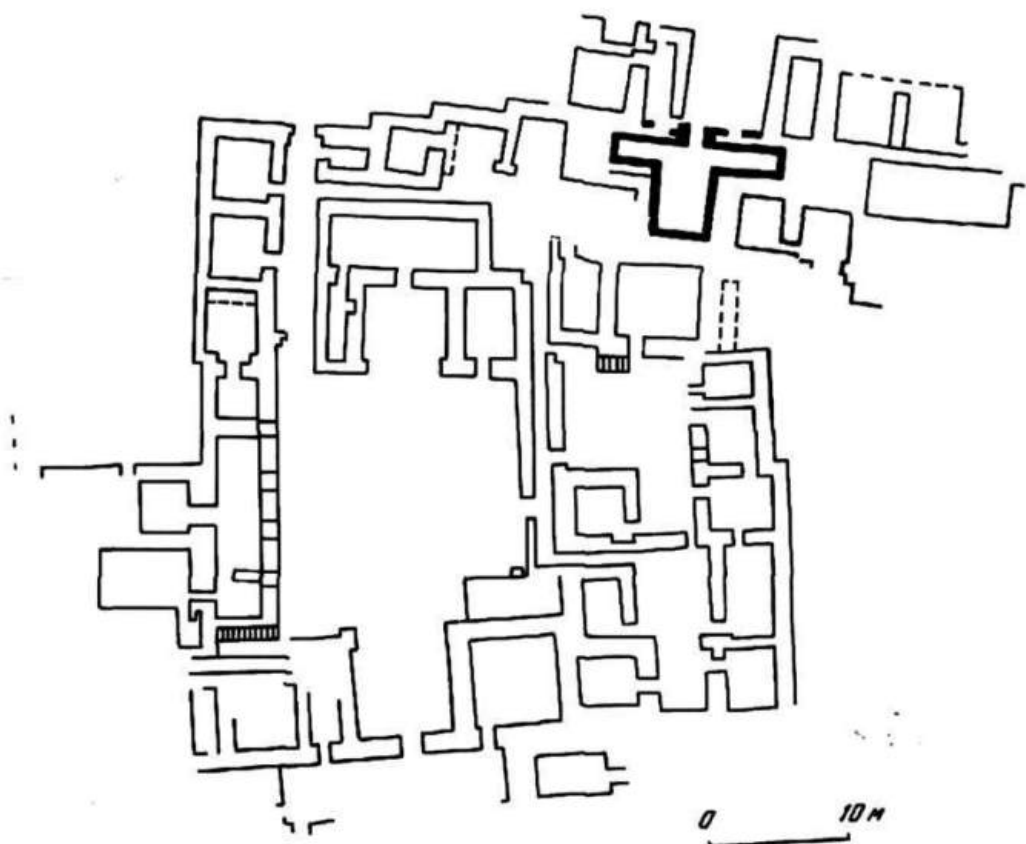
²²² A. Caquot. Nouvelles inscriptions arameennes de Hatra (III). «Syria», t. XXXII, fasc. 1—2, 1955, стр. 49.

²²³ F. Safar. Указ. соч., стр. 12.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же, стр. 13.

²²⁶ F. E. Brown. Block H. Temple of the Gadde. The excavations at Dure-Europos. «Preliminary report of 7—8th Seasons». New Haven, 1939, 256 сл.

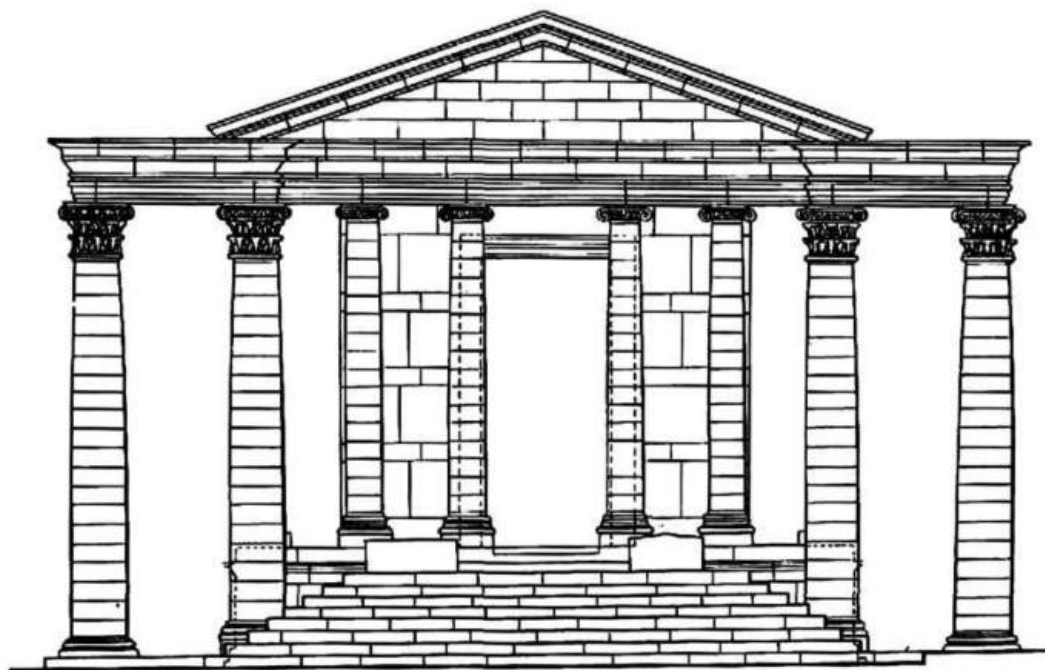
Хатра. Раскоп 2, храм 1

храма Адониса²²⁷; некоторые параллели можно видеть также в планах некоторых набатейских храмов²²⁸.

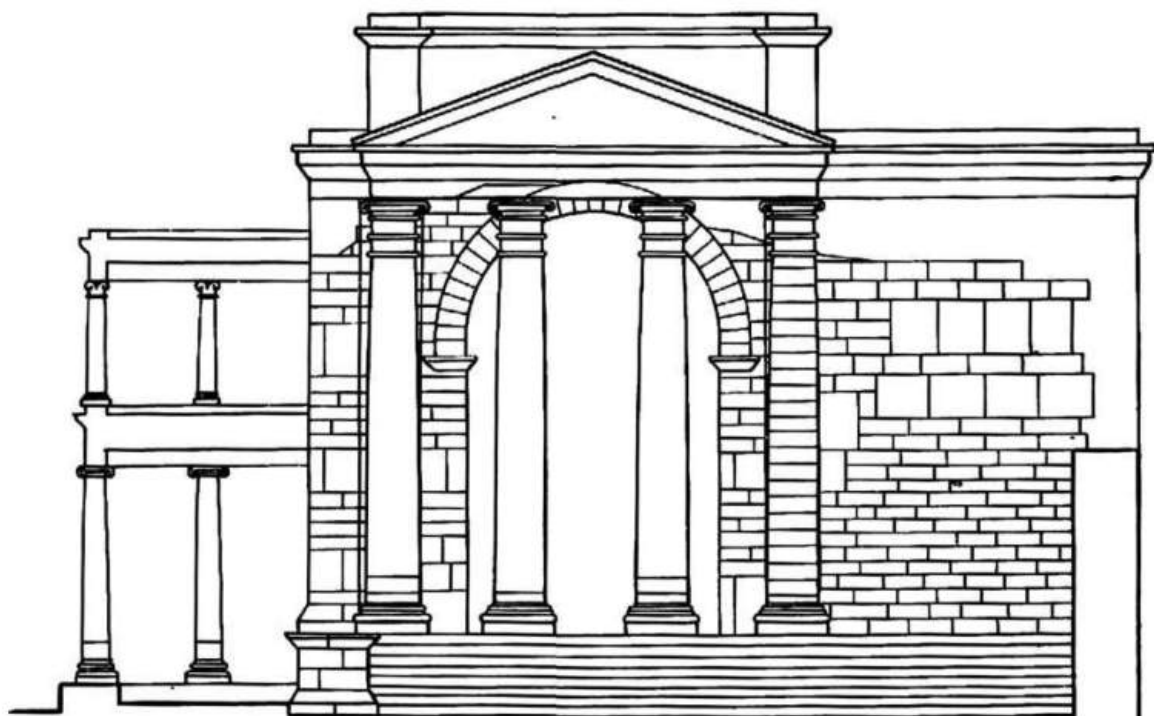
Концентрация храмов подобного типа в северной Месопотамии и прилежащих районах Сирии и отсутствие их в других областях античного мира приводит к выводу об их местном происхождении. Нам представляется, что исходной формой данного типа святилища послужили храмы Дура-Европос, такие, как святилища в храме Артемиды и храме Атаргатис, где наос разделен на три части, каждая из которых являлась по существу отдельной комнатой. Центральная комната была занята культовым изображением основного божества святилища, боковые — изображениями *σύνναοι θεοί*. Видимо, отмиранием этих двух боковых, менее существенных помещений и объясняется появление данного типа храма. Этот вывод подкрепляется некоторыми чертами в решении храма 2 Хатры, где еще пережиточно сохраняются двери, ведущие в боковые приделы храма, хотя помещений за ними нет и эти двери практически не играют никакой роли.

²²⁷ F. E. Brown. Block Is. The temple of Adonis. Там же, стр. 135 сл.

²²⁸ C. Fischer, C. H. Kraalingh. Gerasa. New Haven, 1938, стр. 148.

**Хатра. Один из вариантов реконструкции «эллинистического» храма
(реконструкция И. Крунича)**

Хатра. Храм Шахиру. Фасад (реконструкция И. Крунича)

Основная масса хатрийских храмов сооружена примерно на сто лет позднее храмов Дура-Европос. Представляется, что хатрийский тип святилища отражает дальнейшую эволюцию типа святилища Дура-Европос, наметившуюся, правда, уже и в некоторых храмах Дура-Европос и сводившуюся к значительному упрощению плана храма. Эта эволюция не является неожиданной, так как и в иранском типе храма в парфянское время, как указывалось выше, ясно заметны тенденции к упрощению плана.

Открытие в Хатре храма, типично греческого по устройству, — небольшого диптера с остатками эллинистической скульптуры, явно более раннего, чем основная масса хатрийских храмов²²⁹, — показывает, что, вероятно, Хатра пережила те же самые этапы, что и Дура-Европос: период господства эллинистических религиозных воззрений и эллинистической религиозной архитектуры и период решительного отхода от этих традиций и значительного преобладания восточных религиозных систем и восточного типа святилищ. Переходным типом может считаться храм Шахиру, где эклектично соединяются местные и греко-римские черты.

Все найденные в Хатре скульптуры богов и надписи, безусловно, подтверждают этот вывод. За характерным смещением эллинистических, иранских и семитских наслоений в религиозных воззрениях населения Хатры все же видно, что преобладающими были семитские религиозные представления²³⁰. Так, главным божеством пантеона Хатры был древний солнечный бог Шамаш²³¹, отождествляемый греческими авторами с Геллосом (Dio Cass., XVIII, 31). В пантеон Хатры входили также Атаргатис²³², Нанайя²³³, Баал-Шамин²³⁴. Помимо этих божеств вавилонского и пальмирского происхождения, в Хатре почитались и некоторые арабские божества: богиня Аллат²³⁵ (отождествлявшаяся обычно с Афиной), культ которой был широко распространен в арабском мире вплоть до распространения ислама²³⁶. Среди греческих божеств наиболее популярным был образ Геракла, в котором, однако, можно видеть черты древнего местного героя, слившегося с популярным героем греческого эпоса²³⁷.

²²⁹ T. Bagir. Foreword, стр. 10, 11. Однако надо иметь в виду, что архитектурный декор этого храма имеет очень много черт, совершенно чуждых греко-римскому зодчеству. См.: I. Krunič. Hatra: l'architecture des temples au centre de la ville. «Revue archéologique», 1964, N 1, стр. 12.

²³⁰ H. Ingholt. Указ. соч., стр. 7.

²³¹ A. Caquot. Nouvelles inscriptions arameennes de Hatra. «Syria», t. 29, fasc. 1—2, 1952, стр. 114; H. Ingholt. Указ. соч., стр. 8; A. Caquot. Указ. соч., стр. 115.

²³² H. Ingholt. Указ. соч., стр. 10.

²³³ Shinji Fukai. The artifacts of Hatra and parthian art. «East and West», vol. 11, N 2—3, 1960, стр. 164; A. Caquot. Указ. соч., стр. 118.

²³⁴ A. Caquot. Указ. соч., стр. 118; F. Saïar. Указ. соч., стр. 13.

²³⁵ Shinji Fukai. Указ. соч., стр. 156.

²³⁶ D. Homès. La vie à Hatra à la lumière de la sculpture. «Sumer», t. XVI (1960), 1—2, стр. 40.

²³⁷ Г. А. Кошелев. Культура Парфии в современной зарубежной литературе. ВДИ, 1963, № 3, стр. 172.

Итак, можно считать установленным, что в религиозных представлениях и храмовой архитектуре Хатры, так же как и других городов Месопотамии, ярко заметно преобладание древних местных традиций; греческие элементы, проникающие из Сирии, постепенно перерабатываются.

Вообще процесс развития культуры Хатры имеет сложный характер: с одной стороны — это возрождение некоторых вавилонских и ассирийских идей, с другой — начало расцвета культуры, связанной с другой группой семитских племен — арабами, осевшими в Хатре. Нельзя не учитывать и мощного воздействия Пальмиры. Кроме того, длительный контакт с греческой культурой приводит к тому, что при безусловном господстве восточных элементов некоторые эллинические образы, идеи, представления все еще живут, хотя и оказываются сильно переработанными. К тому же надо учитывать влияние культуры ираноязычных парфян, которая проникала через верхушку города, в первую очередь, видимо, через правящую династию, следовавшую во многом своим сюзеренам Аршакидам.

Итак, в культовой архитектуре парфянской Месопотамии отражаются весьма сложные процессы. Важнейшим среди них был процесс взаимодействия между греческими и семитскими представлениями о храме. В селевкидское время греческий и вавилонский типы храма существуют бок о бок, не оказывая друг на друга серьезного воздействия. Этим отличается храмовая архитектура с ее большей консервативностью от архитектуры жилища, чутко реагирующей на внешние изменения сменой конструкции здания. Новый этап начинается с приходом парфян, когда рождается новый тип храма, отражающий слияние вавилонских и греческих традиций при полном преобладании первых. Это вызвано изменением общей социально-политической обстановки в Месопотамии с приходом парфян, когда греки лишились своего привилегированного положения и превратились в столь же бесправных подданных великого царя, как и вавилоняне. Безусловно сыграла роль и сравнительная малочисленность греков среди огромного моря семитского населения, от которого его теперь не отделяли уж сословно-национальные перегородки. Некоторую роль сыграло также и то, что греки Месопотамии оказались отрезанными государственной границей от основного массива греческого населения Средиземноморья.

Таким образом, изменение типа храма явилось закономерным следствием тех новых условий, которые создались в Месопотамии после прихода парфян. Однако решающее воздействие древних местных традиций не означало рабского копирования древнего вавилонского типа храма. Наоборот, в Месопотамии встречается много вариантов храмовых зданий, резко отличных друг от друга. Они различаются разной ролью греческих влияний, разной степенью восприимчивости к иранским воздействиям.

Очевидно, подобное многообразие типов свидетельствует о подъеме местной культуры, обогащенной контактом с греческим и иранским миром, поднявшейся на новую ступень развития и создавшей принципиаль-

но новый тип храма. Это многообразие вариантов явилось выражением поисков этого периода, когда еще не сформировавшиеся окончательно концепции давали свободу архитектурному творчеству. Многообразие типов еще не вылилось тогда в определенную четкую схему и отражало в материальной форме сложнейшие движения и даже метания религиозной жизни Месопотамии.

В развитии храмовой архитектуры парфянской Месопотамии ясно выделяются два периода. Первый начинается с середины I в. до н. э. Он отличается резкой сменой характера архитектуры, когда происходит переход от греческой концепции храма к семитской. Эта смена типа храма иногда сопровождалась насильственным разрушением старых греческих святилищ. С началом II в. н. э. приходит новая волна западных влияний. Усиленное проникновение отдельных греческих и римских архитектурных приемов из Сирии, видимо, объясняется возросшей ролью Пальмиры, архитектура которой в это время полностью подпадает под влияние западного искусства. Но, несмотря на эти западные влияния, основные планировочные идеи храмов Месопотамии остаются неизменными. Основы храмовой архитектуры оказываются не затронутыми ими. Влиянию подвергается только декор. В этом резкое отличие Месопотамии от Римской Сирии, где в большинстве случаев тем же самым богам, что и боги, почитавшиеся в парфянской Месопотамии, воздвигались храмы греческого типа.

Хорошо видно, что города, возникшие в I—II вв. н. э., такие, как Ашур, Хатра, в выработке своего типа храма очень зависели от архитектуры ранее существовавших городов парфянской Месопотамии, например Дура-Европос.

Нельзя преуменьшать влияние архитектуры жилища на выработку типа храма. В малых городах типа Дура-Европос и в храмах больших городов типа Ашура и Хатры это влияние можно считать определяющим. Этот факт объясняется тем, что в парфянское время в связи с изживанием полисных институтов и соответственно полисной идеологии становится явственно заметным процесс, который можно назвать расщеплением религии. Религия либо утрачивает общественный характер, либо теснейшим образом увязывается с династией в форме обожествления царской власти, слияния функций царя и верховного жреца и т. п.

В Дура-Европос яснее, чем где бы то ни было, можно проследить процесс отмирания полисной идеологии. Исчезают культы коллектива граждан, и религия становится частным делом жителей. Отражением этого процесса является воздействие и даже известное уподобление храма жилищу. Это проявляется также в появлении общин, объединяющихся вокруг храмов. Это явление пока зафиксировано только в Дура-Европос, но нет никакого сомнения в широком распространении его и в других городах Месопотамии. Место коллектива граждан, объединявшихся вокруг городских культов, заняла система частных религиозных

общин жителей города. Если в селевкидское время существовала резкая грань между греками и македонянами, с одной стороны, и семитами — с другой, то парфянское завоевание уничтожило этот рубеж. Внутри общины можно было встретить как потомка грека, так и местных семитов.

В дворцовые комплексы Ашпура и Хатры входят храмы. Мелкие династии Месопотамии, вассальные по отношению к Аршакидам, воспринимают религию как одну из опор своей власти. Тесная связь правящих династий с религией находит свое выражение во включении храмов в дворцовые комплексы. При этом показательно, что это — иранские храмы огня. Местные правители — не обязательно иранцы по происхождению — копируют верховную династию. В других случаях иранские религиозные идеи выступают уже более опосредствованно, уже смешавшись с семитскими либо греческими религиозными представлениями, как, например, в культе Мифры в Урук-Варке, в культах Зевса Высочайшего и Зевса-Теоса в Дура-Европос, в поздних храмах Селевкии на Тигре.

Другим важнейшим явлением в развитии религиозной идеологии парфянской Месопотамии можно считать синкретизацию, проявляющуюся в самых различных формах. Это и слияние религиозных воззрений нескольких народов: вавилонян, греков, парфян, арабов и т. д., это и слияние представлений о различных божествах в образе одного бога. Это явление указывает на генеральную тенденцию к монотеизму, культу единых всеобъемлющих божеств. В связи с этим особенно важны наблюдения над пантеоном Дура-Европос, где иранские элементы ярче всего заметны в образе верховных божеств, что, видимо, является отражением в религиозной теории политической практики Парфянского государства. Слияние греческих, семитских и иранских элементов в области религии происходит при полном преобладании семитских и иранских. Греческие элементы постепенно вытесняются или переосмысливаются в восточном духе, а контакт между семитским и иранским миром в области религии находит многообразные выражения: это и религия Мифры, важнейшего соперника христианства, и иранские (точнее, зерванистские) элементы в учениях гностиков и т. п.

Отражением распада полисной идеологии является также усиление мистерийности, столь заметное в некоторых городах парфянской Месопотамии.

ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА. МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА

Очень своеобразным культурным явлением в жизни Месопотамии парфянского времени была живопись. Наиболее яркие и многочисленные ее образцы обнаружены в Дура-Европос, поэтому естественно сосредоточить основное внимание на них. Живопись Дура-Европос была всесторонне

исследована М. Ростовцевым²³⁸, который в качестве ее основных особенностей назвал следующие: фронтальность, спиритуальность, ператичность, линейность и веризм. Однако последующие исследования показали, что это определение пуждается в известном уточнении. Критика взглядов М. Ростовцева шла в следующем направлении: основной и определяющей чертой искусства парфянской Месопотамии является фронтальность, так как только она дает представление о том, что качественно нового принесло с собой искусство парфянской Месопотамии в историю мирового искусства.

Именно эта черта — абсолютизирование правила фронтальности, особенно в композиции, — является определяющей при формулировании понятия «стиль живописи Дюра-Европос» и вообще парфянской Месопотамии²³⁹. Все же остальные особенности либо определяются этой основной, либо свойственны в той или иной мере многим другим видам искусства и не могут служить критерием, определяющим качественное своеобразие живописи парфянской Месопотамии. Так, например, линейность присуща искусству различных времен и народов; иногда даже предполагают, что только искусство древней Греции и Возрождения преодолело линейность²⁴⁰. Конечно, в такой крайней форме это утверждение вряд ли верно, но несомненно, что линейность не может служить критерием при определении специфической качественной характеристики того или иного искусства. Исходя из подобного критерия, можно обнаружить формальное сходство между художественным творчеством, весьма различным по характеру, происхождению, времени, как это показал Р. Бьянки-Бандинелли относительно этрусских рельефов II в. до н. э. и галло-римских рельефов II—III вв. н. э.²⁴¹ Еще менее является критерием веризм. Этнографический веризм — предельно тщательное изображение всех деталей одежды, оружия, утвари и т. д. — настолько широко распространен в искусстве огромного числа народов, что только отсутствие следования этому направлению может способствовать определению сущности искусства.

Другие же две черты — ператичность и спиритуализм — чрезвычайно тесно связаны друг с другом и с фронтальностью композиции²⁴². При этом стремление к спиритуалистической передаче объекта изображения предопределяет преобладание фронтальности, от которой зависит в свою очередь и ператичность, выступающая как неизменная сторона фрон-

²³⁸ M. Rostovtzeff. *Dura and the problem of Parthian Art*. YCS, V. New Haven, 1935, стр. 157—304; он же. *Dura-Europos and its art*.

²³⁹ E. Will. *Art parthe et art grec*. «Études d'archéologie classique», t. II. Paris, 1959, стр. 123 сл.; M. Avi-Jonah. *Oriental art in Roman Palestine*. Roma, 1961, стр. 65 сл.

²⁴⁰ H. Schäfer. *Von ägyptischer Kunst*. Leipzig, 1930; E. Will. *Le relief culturel gréco-romain*. Paris, 1955, стр. 243, 244, прим. 3.

²⁴¹ R. Bianchi Bandinelli. *Custo e valore dell'arte provinciale*. «Storicità dell'arte classica», Firenze, 1950, стр. 232.

²⁴² M. Avi-Jonah. Указ. соч., стр. 71.

тальности. Фронтальность, таким образом, является конечным итогом и целью творчества художника, который следует спиритуалистическим концепциям.

Можно считать, что по отношению к художественной форме именно фронтальность является основной чертой живописи Дура-Европос, определяющей качественное отличие этого искусства от всего предшествующего, знаменующей начало нового этапа в развитии искусства всего ближневосточного и средиземноморского мира. Эти новые черты найдут затем наиболее полное выражение в искусстве поздней Римской империи и Византии. Однако это вовсе не значит, что именно в Дура-Европос было положено начало этому направлению искусства. Подобное же развитие мы видим и в Пальмире, и Хатре, и Эдессе; нечто очень близкое можно наблюдать в фаюмском портрете. Дура-Европос была только одним из пунктов, где происходил этот переход искусства к новой стадии, но благодаря лучшей сохранности памятников, особенно отражающих зарождение этого процесса, Дура-Европос наиболее важна при исследовании данного вопроса.

Естественно, что проблема подобной важности неоднократно привлекала внимание ученых и породила уже большую литературу. Все многообразие точек зрения по вопросу происхождения фронтальности в парфянском искусстве может быть сведено к четырем основным направлениям.

Первое из этих направлений представлено работами Е. Герцфельда, Э. Вилла и отчасти Д. Шлюмберже и может быть условно названо западным, или греческим. Оно видит основной источник фронтальности в греческом искусстве. Вторая гипотеза поддерживается Сейригом, Дидом и Роденвальдом. Здесь источником фронтальности считают персское искусство первых веков до и первых веков нашей эры. Сирийско-эллинстическое происхождение фронтальности отстаивают Дюссо и Гопкинс. Несколько особняком стоит гипотеза М. И. Ростовцева, которую можно назвать синкретической. Близкая в исходных положениях взглядам Мюллера и Мооргата, она значительно более последовательна и решительна в выводах.

Мы не будем в данной работе разбирать взгляды, развиваемые в упомянутых работах, так как этому посвящена значительная часть одной из наших работ, опубликованных ранее²⁴³. Отметим только, что общей чертой всех существующих гипотез является стремление найти решение проблемы происхождения фронтальности в сфере этнических взаимоотношений, что приводит к неразрешимым противоречиям. Изучать историю искусства можно только в тесной связи с историей общества, его социально-экономической базой и зависящей от нее идеологией. Анализую худо-

²⁴³ Г. А. Кошелев. О фронтальности в парфянском искусстве. «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 137—141; см. также: Г. А. Кошелев. Культура Парфии в современной зарубежной литературе, стр. 166 сл.

жественной формы произведения должно предшествовать изучение его идейного содержания. Это тем более необходимо при исследовании искусства Дура-Европос, насквозь пронизанного религиозными мотивами²⁴⁴. Поэтому мы считаем необходимым остановиться на характере идеологических изменений, происшедших в Восточном Средиземноморье (в частности, в месопотамских районах Парфии) в первые века нашей эры, и затем уже перейти к решению вопроса о соответствующих им изменениях в художественных приемах.

Как отметил Энгельс²⁴⁵, колоссальные идеологические изменения, которые происходят в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке в первые века нашей эры, имеют под собой реальную, земную подоснову, характеризующуюся установлением могущественных, делящих между собой мир держав, жесточайшим угнетением трудовых масс, лишившихся надежды найти выход из своего тяжелейшего положения революционным путем. Порожденный этой социально-экономической обстановкой идеологический сдвиг выразился в полном падении многих древних верований, таких, как племенные и полисные, и вызвал появление и распространение целого ряда религиозных систем, стремившихся к тому, чтобы стать мировыми религиями, дополняющими мировые державы. Шедшая между ними (по выражению Энгельса) «дарвинова борьба за существование» привела к победе на территории Римской империи христианства, а на территории сасанидского Ирана — реформированного зороастризма со значительным распространением в его западных районах христианства несторианского толка, игравшего огромную роль в идеологической и политической жизни сасанидского Ирана, и манихейства. Но в самом начале нашей эры еще не ясна была общая картина и ни один из борющихся культов не достиг преобладания.

При всем многообразии культов, верований, религиозных и философских систем, боровшихся между собой в это время, все же можно наметить у них целый ряд общих черт. Если олимпийский пантеон греков окончательно сложился во времена полиса и во многом отражает структуру рабовладельческого общества классической Греции, то единовластные владыки мировых империй получили свое небесное отражение в виде единых, всемогущих божеств, тенденция к созданию которых в рамках существующих и вновь возникающих религиозных систем так ярко заметна в первые века нашей эры. Первым важным моментом является так называемая сипкретизация божеств. Множество отдельных божеств объединяется, сливается в глазах верующих в единое божество. Это хорошо заметно в Дура-Европос, где, несмотря на множество отдельных божеств, видно, что из этого хаоса начинает выделяться фигура Зевса-Бела, почитаемого

²⁴⁴ М. Rostovtzeff. Dura and the problem..., стр. 242; М. Avi-Jonah. Указ. соч., стр. 87.

²⁴⁵ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 306—314.

под разными эпитетами, но в сущности одного и того же божества, в котором сливались черты многих греческих и семитских богов²⁴⁶. В то же время резко усиливается тенденция к стиранию ранее четко соблюдавшихся различий в функциях отдельных божеств. Некоторые божества, не ограничиваясь одной или немногими функциями, приобретают ряд других, проявляя тенденцию стать всеобщими, универсальными божествами.

В Римской империи развитие от гражданского коллектива к монархии нашло свое логическое завершение в создании домината, с дополняющей и отражающей его системой иерархического царства небесного с единым божеством во главе²⁴⁷. Римский доминат, являющийся переосмысленной по-античному восточной деспотией, поэтому и принял в качестве идеологического орудия христианство, восточные корни которого так убедительно вскрыла «мифологическая школа». По Парфии первых веков нет такого количества источников, но ясно, что Аршакидская династия стремилась создать систему религиозного освящения царской власти. Нельзя забывать также, что зороастризм никогда не был строго политеистической религией; господствующий в нем дуализм, извечная борьба двух начал с конечной победой доброго начала логически подводила к монотеизму. Эти монотеистические черты были отражением идеологии восточной деспотии сначала Ахеменидов, а затем Аршакидов.

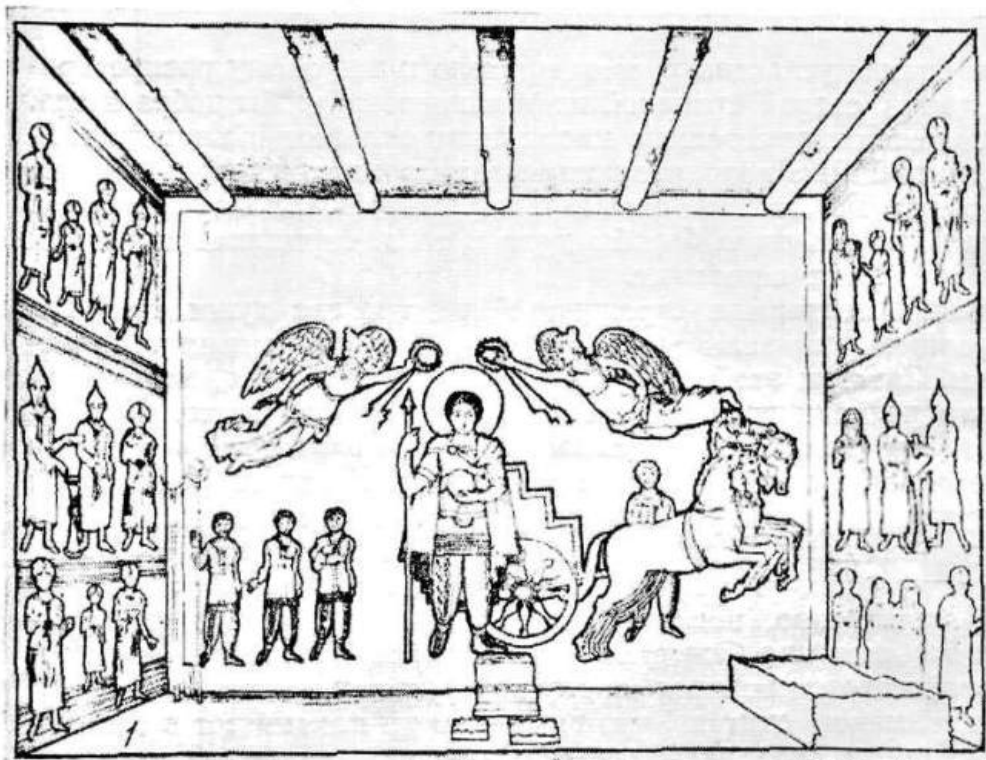
И в культах, господствующих в Дуре-Европос, как мы уже отмечали, в первые века нашей эры усилилось стремление к монотеизму, причем в образах великих божеств, в которых ярче всего проявлялись эти тенденции, сильнее проявлялись и персические черты, что было воспроизведением реальной, земной власти персоязычной Аршакидской династии.

Логическим завершением монотеистических идей является оформление идеи: «человек — раб божий». Полная покорность судьбе, восприятие человеком себя и себе подобных как полного ничтожества становится отличительной чертой нового мировоззрения независимо от формы культа. Это теологическая идея, бывшая также отражением в мировоззрении социальных условий, существовавших и в Парфянском государстве, наследовавшем традиции восточных деспотий, и в Римской империи. Идея эта, абсолютно чуждая полному мировоззрению свободного человека-гражданина, с изживанием полных порядков становится ведущей.

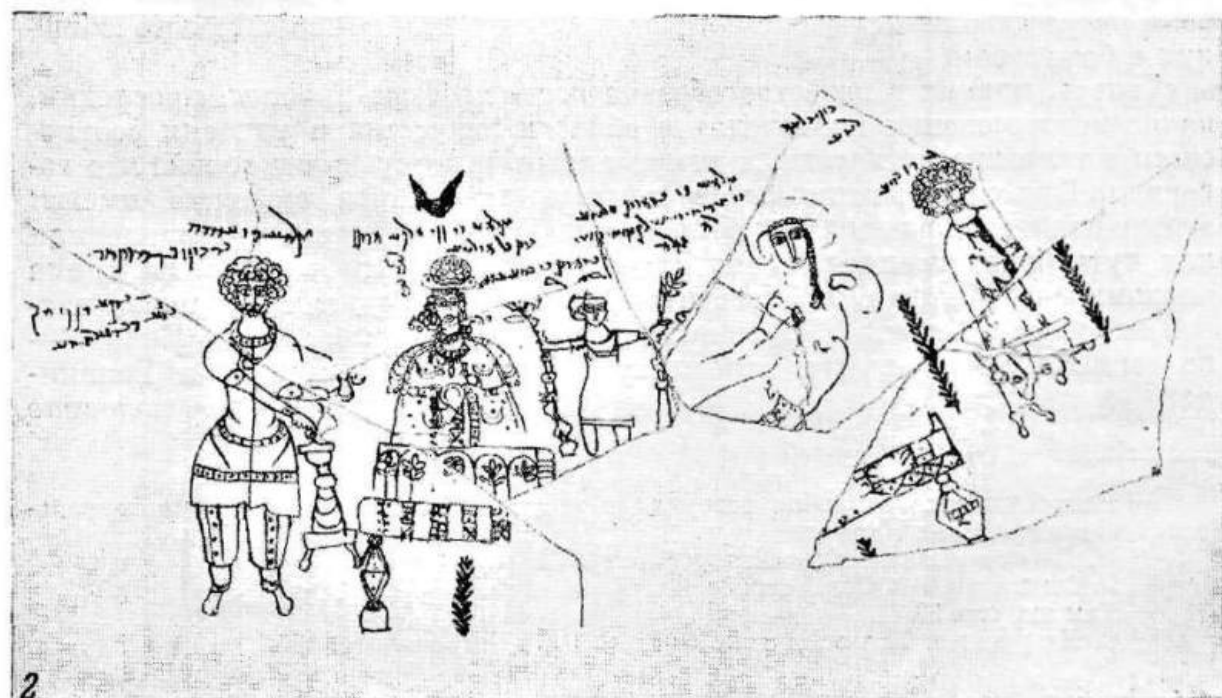
Обожествление царской власти, противопоставление царя-бога смертному подданному создавало в идеологии непреодолимую преграду между ними, утверждало и в политике, и в идеологии полное бесправие каждого отдельного представителя массы населения.

²⁴⁶ M. Rostovtzeff. Dura and the problem..., стр. 63—66.

²⁴⁷ Не случайным является распространение в Римской империи в первые века нашей эры восточных культов, создававшихся в условиях восточного деспотизма и больше соответствовавших новому порядку вещей, чем греческие и римские верования.

Дура-Европос. Реконструкция живописи храма Зевса-Теоса

Ашур. Роспись сосуда

Тяжелое положение угнетенных масс привело к широкому распространению по всему миру старой иранской идеи извечной борьбы добра и зла. Свое тяжелое положение угнетенные массы были склонны объяснять тем, что телесный, земной мир находится под властью злого начала, а душа человека и его будущая жизнь принадлежат царству добра и света. Следствием этого явилась идея борьбы духа и тела, отрицание античной калокагатии и идеология аскетизма.

Для утешения и поддержки страждущей в мире зла души человека понадобились религии, дававшие иллюзию более тесного, интимного общения с божеством. Зачатки этой идеи существовали и раньше, но господствующими были религии гражданского характера. Теперь же, вырванный из коллектива и отданный на произвол игры социальных сил человек чувствует потребность в личной связи с божеством. Удовлетворению этой потребности служат мистерияльные культы, так широко распространившиеся по всему Ближнему Востоку в первые века нашей эры²⁴⁸.

Все эти идеологические изменения, вылившиеся в новое религиозное мировоззрение, естественно, повлекли за собой видоизменение художественных форм изображения божества. Степень этих изменений столь велика, что все искусство становится на службу религии.

Таким образом, можно считать, что важнейшими явлениями в области идеологии, нашедшими свое наиболее общее выражение в религиозной форме и оказавшими решающее воздействие на характер искусства, являются: усиление монотеистических тенденций, приводящих к признанию человеком своего полного ничтожества перед лицом небесных сил, и порожденная этим новым взглядом мистерияльность, поднимавшая человека посредством мистерияльного действия до личного, интимного общения с божеством.

Теперь, приняв в качестве образца росписи Дура-Европос, проследим, какие же изменения происходят в области искусства и как они соотносятся с теми идеологическими изменениями, о которых мы только что говорили. При исследовании этого вопроса важнейшее значение имеют: древнейшая роспись целлы храма Зевса-Геоса²⁴⁹, затем одновременная или чуть более поздняя, очень слабо сохранившаяся роспись из храма «пальмирских богов» с мифологической сценой, датируемая Кюмоном второй половиной I в. н. э.²⁵⁰ Далее следует так называемая фреска Конона — из того же самого храма, относимая Кюмоном к третьей²⁵¹, а Гопкинсом — к последней четверти I в. н. э.²⁵² И, наконец, ко второй половине

²⁴⁸ Выше мы уже подробно говорили о широком распространении мистерияльности во всех районах Парфии.

²⁴⁹ M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 73.

²⁵⁰ F. Cumont. Fouilles..., стр. 54.

²⁵¹ Там же, стр. 57.

²⁵² C. Hopkins. The palmyrene Gods at Dura-Europos, стр. 125.

Дура-Европос. Фреска Конона

II в. н. э. относятся происходящие из этого же храма росписи северной стены пронаоса (главным образом, «фреска трибуна» и сцена, изображающая жертвоприношения пяти пальмирским божествам)²⁵³. Мы не будем давать описания всех этих росписей, описывавшихся неоднократно²⁵⁴. Наша задача — проследить, какие черты доминируют во всех этих росписях, являются общими для всех них, независимо от времени, какие появляются и развиваются, какие отмирают.

Первый вывод, который можно сделать на основании всех этих росписей: фронтальность в искусстве Дура-Европос — явление, не принесенное извне в уже сформировавшемся виде, а явление, возникновение и формирование которого прослеживаются на этих памятниках. Хорошо заметно, что в более ранних сценах — в росписи целлы храма Зевса-Теоса и в мифологической сцене из «храма пальмирских богов» — композиция не строится только из фасовых фигур, часть их изображена в профиль. В очень плохо сохранившейся росписи с мифологической сценой от фигур остались только ноги, но из их положения видно, что только центральная фигура божества изображалась в фас, а фигурки поклоняющихся — в профиль. В росписи центральной композиции храма Зевса-Теоса в профиль изображены две венчающие божество Ники, хотя уже все основные фигуры этой сцены помещены в фас. И только уже в «фреске Конона», «фреске трибуна» и сцене жертвоприношения пяти божествам строго соблюдается правило изображения фигуры в фас. Ригористичность в выполнении этого правила настолько велика, что даже когда, следуя смыслу сюжета, персонажи должны быть повернуты в три четверти или в профиль, они остаются изображенными в фас²⁵⁵.

Особенно ярко это заметно в «фреске Конона» и «фреске трибуна», где идейный центр картины — сцена жертвоприношения, которая должна концентрировать на себе взгляды всех персонажей картины; тем не менее все фигуры, в том числе и жрецы, и трибуны, совершающие жертвоприношение, смотрят вперед. В результате этого приема утрачивается тесная связь между теми, кто совершает жертвоприношение, и теми, кто при этом присутствует; менее всего проявляется этот принцип в мифологической сцене, промежуточным этапом между нею и более поздними росписями («фреска Конона» и «фреска трибуна») является роспись храма Зевса-Теоса. Здесь фигура божества выделяется не только большими по сравнению с другими персонажами размерами, но и тем, что Ники, устрем-

²⁵³ F. Cumont. Fouilles..., стр. 142, 143; M. Rostovtzeff. Dura and the problem..., стр. 245.

²⁵⁴ J. H. Breasted. Oriental forerunners of Byzantine painting. Chicago, 1924; F. Cumont. Fouilles..., стр. 41, tabl. XXV—XL; M. Rostovtzeff. Dura and the problem..., стр. 242; F. Brown. Block B3. The temple of Zeus Theos. The excavations at Dura-Europos. «Preliminary report of 7—8th seasons of work». New Haven, 1939, стр. 180 сл.

²⁵⁵ F. Cumont. Fouilles..., стр. 153.

ляющиеся к нему и венчающие его голову, подчеркивают идейный центр картины — голову божества.

Другой характерной чертой, свойственной абсолютно всем композициям, является их удивительная скованность, неестественность жестов, вымученность, отсутствие всякого движения и свободы в позах — одним словом, полное незнакомство физической стороны жизни служит отличительной чертой всех памятников. Вытянутые фигуры со скупыми жестами, очень мало различающимися у разных фигур, создают впечатление монотонности²⁵⁶. Это менее заметно в центральной сцене храма Зевса-Теоса, но уже ярко видно в росписях боковых сцен его. Еще характернее эта черта сказывается в более поздних фресках, где однотипные, вытянутые в один или два ряда фигуры перестают восприниматься как изображения конкретных людей.

Прямой параллелью этому процессу служит утрата портретных черт в картине. По своему характеру «фреска Конона» и «фреска трибуна», подаренные храму заказчиком росписи, изображенным на картине со своими близкими в торжественный момент жертвоприношения, требуют, чтобы лица были портретными. Если в «фреске Конона» стремление к этому еще чувствуется, то в более поздней, исполненной через столетие «фреске трибуна» уже нет никаких следов портретности²⁵⁷.

Еще одна особенность, заметная во всех без исключения композициях, — весьма условное изображение человеческой фигуры²⁵⁸. Полностью отброшены античные приемы передачи фигуры, тело рисуется вытянутым вверх, длинные линии складок и украшений платья подчеркивают эту неестественную стройность. Одежда нарисована так, что под ней не чувствуется живого тела. Главное внимание уделяется изображению головы, где вся жизнь концентрируется в неестественно увеличенных, с пристальным взглядом глазах. Этот прием, нужно думать, преследовал стремление передать душевную жизнь с ее особой спиритуальностью, что в корне противоположно античному «сенсуализму».

Такой же разрыв с античными традициями замечен и в деталях, обрамляющих действие. Если фоном мифологической сцены является хотя бы и очень условно изображенный горный пейзаж, а действие в «фреске Конона» и связанных с ней композициях развивается на фоне архитектурного пейзажа, столь характерного для греческого и эллинистического искусства²⁵⁹, то в «фреске трибуна» и в сцене жертвоприношения пяти богам пейзаж или архитектурное обрамление полностью исчезают, заменяясь одноцветным безличным фоном. Параллельно с этим художники отказываются от ранее имевшихся перспективных приемов изображения.

²⁵⁶ F. Cumont. Fouilles..., стр. 153.

²⁵⁷ M. Rostovtzeff. Dura and the problem..., стр. 257.

²⁵⁸ Там же, стр. 255.

²⁵⁹ F. Cumont. Fouilles..., стр. 148.

Таким образом, все черты, являющиеся, как нам представляется, неизменными во фронтальной композиции, присутствуют либо с самого начала, либо развиваются на протяжении обозримого промежутка времени.

Фронтальная композиция в середине I в. н. э. уже близка к окончанию периода формирования, заканчивается этот период к концу II — началу III в. Ядром этого процесса было каноническое требование изображения фигуры в фас, чем разрывались естественные связи в композиции, но устанавливались вместо этого связи изображения и зрителя. Особенно важно это было, когда изображалось божество. Огромные глаза божества всегда смотрели на адоранта и притягивали к себе верующего, устанавливая новую, невидимую связь между ними. Другой особенностью является крайнее принижение роли человека в священном изображении. Еще более важной новой чертой является подчеркнутая спиритуалистичность и отсутствие внимания к человеческому телу. Те же цели преследует отказ от пейзажа и архитектурного обрамления действия²⁶⁰.

Все эти тенденции явно отвечают тому идеологическому сдвигу, о котором писалось выше, и служат средствами художественного выражения новых идей, господствующих в умах современников.

Монотонное повторение человеческих фигур было ярким отражением в искусстве положения человека, бывшего одним из бесчисленных, ничего не значащих подданных абсолютного владыки. Идея «человек — раб божий», проецировавшая на небо земные порядки, получила в этом приеме художественное выражение. Идея борьбы духовного и телесного мира, святости аскетизма и низшей природы человеческой плоти находит свое выражение в строгих, геометрически вытянутых, безжизненных фигурах, с единственным средоточием духовной жизни — глазами. Потребность в установлении более тесной связи божества с человеком воплощалась во фронтальном изображении божества с огромными всевидящими глазами.

Мы не склонны безоговорочно настаивать на своих заключениях. Безусловно, процесс, основные линии которого мы пытались проследить на примере росписей Дюра-Европос, в различных местах протекал по-разному. Наши выводы носят очень ограниченный характер — они применимы только к Римской Сирии и парфянской Месопотамии, да и здесь пути развития искусства были гораздо более сложными и противоречивыми. Для примера сошлемся на прекрасные, выдержанные в лучших античных традициях мозаики Антиохии на Оронте²⁶¹.

Наша задача — установить основную линию развития, ведущую тенденцию. Это тем более важно, что фронтальная композиция становится

²⁶⁰ M. Rostovtzeff. *Dura and the problem...*, стр. 256.

²⁶¹ Особенно мозаики из Якто. См.: J. Lassus. *La mosaïque de Yakto. «Antioch on the Orontes, v. I. The Excavations of 1932»*. Princeton, 1934.

в дальнейшем господствующей в раннехристианском искусстве²⁶². Христианство, выросшее из социального и идеологического кризиса, восприняло наиболее отвечающую его потребностям систему художественного выражения. Уже стало общим местом сравнивать росписи Дура-Европос с равненскими мозаиками²⁶³ и другими памятниками ранневизантийского искусства²⁶⁴. Эта связь в первую очередь, видимо, вызывалась общностью основных задач, стоявших перед тем и другим искусством. Искусство должно было быть орудием идеологического воздействия, оно должно было уводить верующего из мира реального в мир сверхчувственный. Конечно, в Византии это явление наблюдается в уже законченном виде, а в Дура-Европос видны только начальные ступени этого процесса. Тем не менее сравнение с византийским искусством дает возможность объяснить некоторые неясные тенденции в искусстве Дура.

Так, сравнение с византийской живописью объясняет замену архитектурного и естественного ландшафта ровным безличным фоном. В византийском искусстве ровный золотой фон как бы вырывал изображение из чувственного трехмерного пространства, придавая ему бесплотные трансцендентные черты²⁶⁵. Зарождение этого наблюдается в росписях Дура-Европос. Это только один из многих примеров. Главное не в этом. Главное в том, что искусство Дура-Европос и раннехристианское искусство Византии — это две ступени одного и того же процесса. Не случайно именно в Сирии — Месопотамии (точнее в треугольнике Эдесса — Низибин — Антиохия) в IV—V вв. вырабатываются и закрепляются иконографические программы, которые лягут со временем в основу всей христианской иконографии²⁶⁶.

Живопись Дура-Европос предстает перед нами не изолированным феноменом; при всей скудности материала из других центров Месопотамии парфянского времени в них несомненно развивался тот же процесс. Наилучшим доказательством этого служит роспись одного из сосудов, найденных в Ашуре²⁶⁷, также строго выдержанная в схеме фронтальности. Пропикновение ее в народный, а не официальный вид искусства указывает на то, что она действительно отвечала изменившимся потребностям идеологических представлений народных масс. К сожалению, от настенной живописи Ашура сохранилось так мало, что судить о ней не представляется возможным.

²⁶² О чертах соприкосновения искусства Дура-Европос и раннехристианского искусства см.: Г. А. Кошеленко. Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства. ВДИ, 1964, № 3, стр. 51.

²⁶³ D. Tatbot Rice. Byzantine art. Oxford, 1935, стр. 90. J. H. Breasted. Указ. соч., стр. 18.

²⁶⁴ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 13.

²⁶⁵ Там же, стр. 30.

²⁶⁶ Там же, стр. 42, 43.

²⁶⁷ W. Andrae, H. Lenz. Die Partherstädte Assur, стр. 109, рис. 46.

Если для живописи парфянской Месопотамии наиболее многочисленны, яркие и показательные памятники предоставляет Дура-Европос, то для скульптуры и рельефа эту роль играет Хатра. Значительное число памятников, обнаруженных раскопками Иракского директората древностей в Хатре, было уже предметом пристального внимания ряда ученых²⁶⁸, что позволяет нам, не давая подробного очерка хатрийской скульптуры, остановиться только на некоторых ее основных чертах.

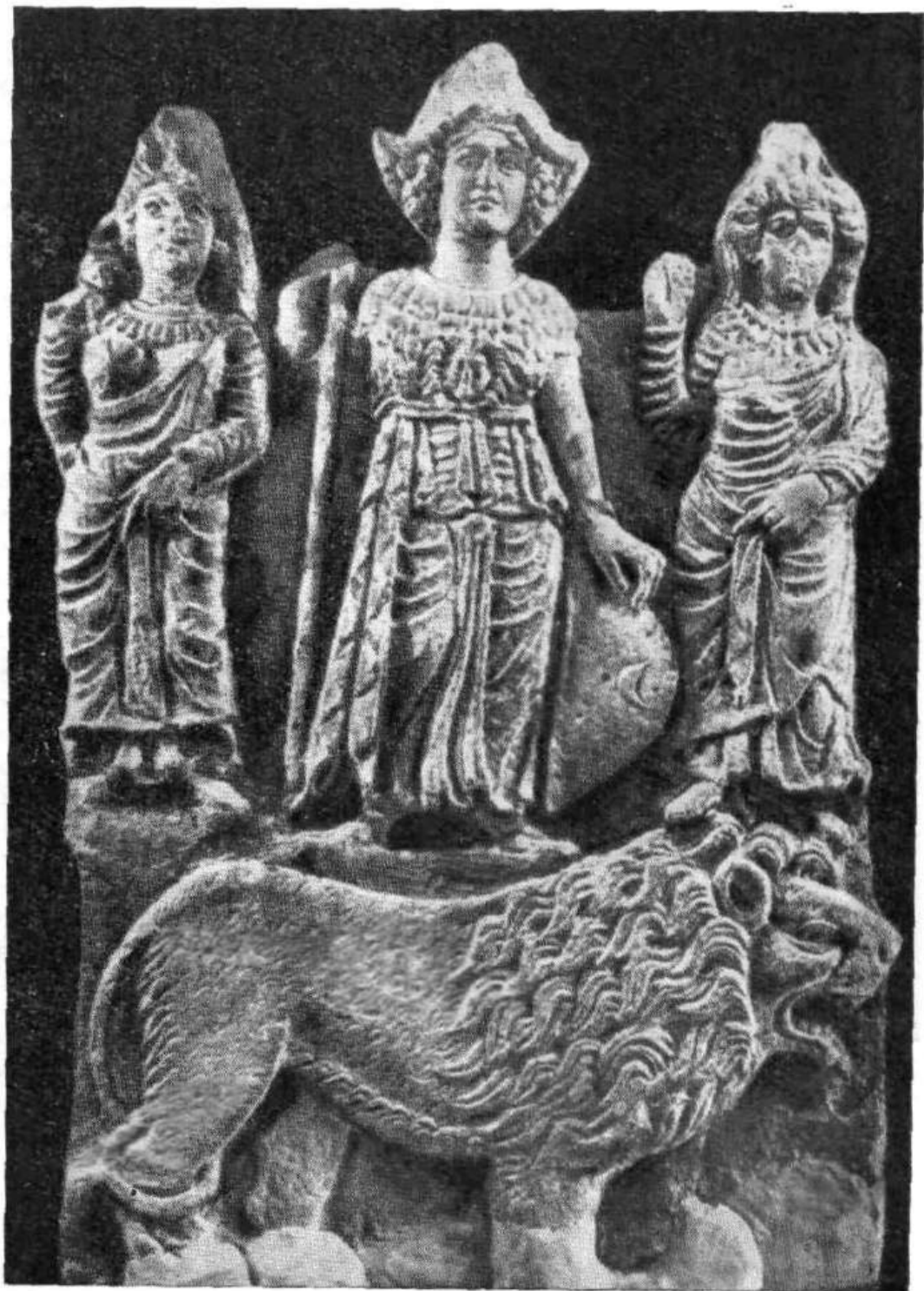
Прежде всего в хатрийской скульптуре привлекает внимание ее религиозный характер. Это не значит, что вся скульптура изображает только божества (хотя их довольно много), но все памятники скульптуры, обнаруженные до сего времени, находились в храмах. Они изображают как собственно божества, так и царей, принцев, представителей хатрийской знати. Мы уже отмечали, что вряд ли можно отрицать религиозный характер основных произведений искусства парфянской Месопотамии, как это полагал М. Ростовцев и оспаривали некоторые современные исследователи²⁶⁹. Раскопки Хатры подтвердили правильность заключения М. Ростовцева. Дело не только в том, что скульптуры находились в храме (что уже само по себе свидетельствует о выполняемой ими сакральной функции), но и в том, что все скульптуры (помимо изображений божеств) изображены в позе адорации. Это еще одно свидетельство того, что изображения представителей династии и знати Хатры помещены в храмы с целью умиловить божество постоянной адорацией. Необходимо подчеркнуть, что первоначально в храмах ставились только статуи божеств и только со II в. н. э. возникает обычай помещать здесь и иные изображения²⁷⁰.

Очень любопытен пантеон Хатры в той мере, в какой он представлен скульптурой и надписями. Прежде всего, так же как и в Дуре-Европос, он очень смешанный. Здесь встречаются божества греко-римские, но уже слившиеся с образами некоторых восточных божеств: Афина — ал-Лат, Геракл — Малек, Гадес — Нергал, Гелиос — Шамах, имеется небольшая фигурка Меркурия. Большую группу составляют божества сирийские и месопотамские: Шамах, Хадад-Нергал, Нанайя, Баал-Шамин-Бел, Атаргатис. имеется несколько арабских: ал-Лат, Манат, ал-Уцца. Кроме того, особую группу составляют божества чисто хатрийские, такие, как триада MRN, MRTN, BR MRTN и не совсем ясный образ SAMYA. По сравнению с пантеоном Дуре-Европос привлекают внимание арабские божества. В группе изображений божеств особенно примечательны Ашур-Бел, Геракл, рельеф с изображением трех богинь. Статуя Ашур-Бела, к сожалению, лишена головы и части рук. Он изображен одетым в форму

²⁶⁸ Н. Ingholt. Указ. соч.; Shinji Fukai. Указ. соч.; D. Homès-Frédéricq. *Hatra et ses sculptures parthes*. Istanbul, 1963.

²⁶⁹ См.: Г. А. Кошелевко. *Культура Парфии...*, стр. 169.

²⁷⁰ D. Homès-Frédéricq. Указ. соч., стр. 4.

Хатра. Рельеф с изображением трех богинь (в центре ал-Лат)

Хатра. Статуя Ашур-Бела

Любопытен также рельеф, на котором изображены голова и верхняя часть туловища Шамаша. Особенно интересна его корона с выступами в виде солнечных лучей. Шинджи Фукай считал этот рельеф изображением Мифры²⁷², но думается, прав Г. Ингхольт, полагавший, что это —

римского офицера, на груди его — погрудное изображение солнечного божества, у ног — женская фигурка с короной, изображающей городскую стену, явно представляющая собой копию статуи Тихи города Антиохии Евтихида. По трактовке бороды статуя Ашур-Бела напоминает статуи Геракла, которых обнаружено в городе около тридцати, что явно свидетельствует об огромной популярности этого божества среди жителей города. Мы уже писали о том, какова была социальная направленность культа Геракла, ставшего, очевидно, богом — покровителем местной династии²⁷¹. Судя по опубликованным изображениям, прообразом этой статуи была, хотя, видимо, в очень далекой генерации, статуя стоящего Геракла из Псаполитанского музея. Однако с такой же уверенностью можно говорить и о значительной местной переработке образа. Геракл имеет обычные атрибуты (шкуру льва и палицу), он обнажен (что не совсем обычно для хатрийской скульптуры). Но в то же время его общий облик — тяжелая монументальность форм, непроработанности мускулатуры, резкая диспропорциональность частей тела — заставляет видеть в этих скульптурах по-своему понятый и переработанный образ героя.

²⁷¹ Г. А. Кошеленко. Культура Парфии..., стр. 172, 173.

²⁷² Shinji Fukai. Указ. соч., стр. 159.

изображение солнечного божества Месопотамии — Шамаша²⁷³. Отметим рельеф с изображением трех богинь, стоящих над изображением льва. Центральная из них, с копьем в одной руке и щитом в другой, явно восходит к образу греческой Афины, слившейся с арабской ал-Лат. Две другие, стоящие рядом с ней в позе адорации, видимо, ее спутницы в битвах — ал-Уцца и Мамат²⁷⁴. Среди изображений людей заслуживают внимания статуи царей Санатрука и Утала, принцесс Васфари и Убал и некоторые статуи так называемых генералов. Статуя Санатрука выделяется тем, что на голове царя имеется корона в виде орла с распростертыми крыльями. Царь Утал изображен стоящим, на голове высокая коническая корона, поверх обычной для парфянской Месопотамии одежды на нем тяжелый, вероятно меховой, плащ, правая рука поднята с жестом адорации, левая опущена на эфос меча. В тех же позах обычно изображаются и «генералы». Принцесса Васфари изображена стоящей. На голове у нее высокий, роскошно отделанный головной убор, прикрепленная к нему мягкая ткань падает сзади на плечи. Подобные головные уборы встречаются у изображений женщин в искусстве Пальмиры и Дур-Европос²⁷⁵, но наиболее близок он головному убору жительниц Эдессы²⁷⁶. Правая рука принцессы Васфари поднята в жесте адорации, левая чуть-чуть приподнимает платье. В такой же одежде изображена и другая принцесса — Убал, одна рука у нее также поднята, другая приподнимает платье; отличие только в том, что она не стоит, а сидит.

Хатра. Голова статуи

Мы перечислили только основные скульптуры и рельефы Хатры, число их значительно больше. Они выполнены из белого или серо-зеленого мосульского мрамора, иногда из местного известняка, иногда из гипса. Имеется небольшое число бронзовых статуй. Различие материала определяет и различие техники их производства. Статуи, насколько мож-

²⁷³ H. Ingholt. Указ. соч., стр. 24.

²⁷⁴ D. Homès-Frédéricq. Указ. соч., стр. 57; G. Ryckmans. Les religions arabes préislamiques. Louvain. 1951, стр. 14.

²⁷⁵ H. Ingholt. Указ. соч., стр. 8.

²⁷⁶ См.: J. B. Segal. New mosaics from Edessa. «Archeology», vol. 12, N 3, 1959, стр. 151 сл.; J. Lerooy. Nouvelles découvertes archéologiques relatives à Edessa. «Syria», t. 38, fasc. 1—2, 1961, стр. 159 сл.; J. Lerooy. Mosaïques funéraires d'Edessa. «Syria», t. 34, fasc. 3—4, 1957, стр. 306 сл.

**Хатра. Статуя принцессы
Вашфари**

но судить, раскрашивались. Особого внимания заслуживает техника изображения глаз. Здесь встречаются два метода. Иногда на месте зрачка делалось небольшое углубление, в которое вставлялся драгоценный или полудрагоценный камень, что, видимо, восходит к древней переднеазиатской традиции²⁷⁷; иногда это углубление окрашивалось. Необходимо отметить, что все скульптуры изготовлялись таким образом, чтобы стоять у стены (за исключением только статуи Ашур-Бела, рассчитанной на обзор со всех сторон). В связи с этим тщательно отделывались только те части, которые были доступны взору. Вся задняя часть практически оставалась необработанной. Благодаря этому статуи воспринимались как очень высокие рельефы, украшающие стены. Вообще влияние рельефа на круглую скульптуру несомненно. Оно выражается также в том, что у многих статуй не удалялся материал в пространстве между ногами, между поднятой верхней частью и остальной частью руки (в сценах адорации), между одеждой и мечом и т. д. Рельеф в свою очередь подвергался сильному воздействию живописи. Дело не только в общей плоскостности и линейности рисунка рельефа, но и в том, что рельефы раскрашивались, что им придавало характер картины. Кроме того, в некоторых рельефах, как, например, в рельефе, изображающем подземное божество с Кербером, видно прямое соединение в одном произведении рельефа с картиной, когда главные персонажи изображались и в рельефе, и в краске, а второстепенные — только в краске. Выше мы уже писали о том, что наиболее важным и развитым видом искусства Парфии была живопись, влиявшая на все остальные виды искусства. То же самое верно и относительно Хатры, одного из центров развития искусства в парфянской Месопотамии. Живопись, безусловно, влияла на рельеф, превращая его зачастую в вырезанную на камне

картину, а рельеф в свою очередь влиял на статуарную скульптуру, благодаря чему возникла сложная система зависимости.

²⁷⁷ Н. Ingholt. Указ. соч., стр. 9.

Проблема стиля хатрийской живописи представляется нам в свете всего отмеченного выше решаемой сравнительно легко. Если живопись оказывается важнейшим видом искусства, то естественно предположить, что основные черты, ее отличающие, должны быть применимы и к скульптуре. Действительно, в какой мере те принципы, которые, как доказал М. Ростовцев²⁷⁸, определяют основное содержание искусства Дура-Европос (фронтальность, спиритуализм, иератизм, линейность, веризм), присущи хатрийской скульптуре?

Безусловно, фронтальность присуща (в той или иной степени) всем произведениям хатрийской скульптуры²⁷⁹. Все скульптуры изображены строго в фас, совершенно нет попыток передать сложное движение, полностью отсутствует столь характерная для греко-римского искусства динамичность. Застывшие в одной позе (независимо от того, изображены они сидя или стоя) статуи изображают богов и людей вне движения. Строгая монотонность поз нарушается только положением рук, поднятых в жесте адорации или опущенных на эфес, и т. д. Это верно и относительно многофигурных композиций, как, например, рельефа с изображением ал-Лат, где жест адорации двух других персонажей обращен явно к ней. Но они не повернуты к ней, а застыли рядом, создавая монотонный ритм фигур, благодаря чему рушится существо композиции, разрывается ее

живая ткань, что так напоминает некоторые из картин Дура-Европос. Генерализировать применение правила фронтальности нельзя. Так, в рельефах, где наряду с людьми представлены животные (рельеф с сидящей собакой, рельеф, изображающий божество, готовящееся принести в жертву козла, рельеф с Кербером), животные всегда изображены в профиль.

Хатра. Статуя «генерала»

²⁷⁸ M. Rostovtzeff. *Dura-Europos...*, стр. 120 сл.

²⁷⁹ R. Ghirshman. *Persian art*, стр. 90; Shinji Fukai. Указ. соч., стр. 173; D. Homès-Fredéricq. Указ. соч., стр. 11.

Однако вряд ли это может поколебать сам принцип, так как и в Дюра-Европос в некоторых живописных композициях, где появляются животные, они также изображаются в профиль. Видимо, правило фронтальности распространялось только на изображения людей и богов, героев, обожествленных предков. Имеется, впрочем, несколько скульптур и рельефов, которые выпадают из этого правила. Это — маленькая бронзовая статуэтка Гермеса, где легко и свободно передано движение его юного тела, и маленький алтарь в форме храма, в дверях которого стоит, видимо, богиня Деметра. Однако возможно, что оба эти произведения — привозные, чем и может объясняться их менее канонический характер. Более интересен в этом отношении рельеф, украшавший вход в храм 5, где изображена любопытная сцена. В центре композиции возлежит божество (что подчеркивается его огромным, по сравнению с другими фигурами, ростом), рядом с ним миниатюрное изображение спящей в кресле женщины. Кроме них, в сцене присутствуют две Ники, летящие с двух сторон, чтобы увенчать божество, и два адоранта, один в три четверти обращенный к божеству, другой — изображенный в фас. Этот рельеф в известной мере напоминает центральное панно храма Зевса-Теоса в Дюра-Европос. Так же, как и там, центром композиции является божество, к которому устремляются Ники типичного парфянского облика, так же изображены адоранты. В данном случае, однако, правило фронтальности нарушено сильнее. Нам представляется, что отход от канона может быть объяснен тем, что принцип фронтальности композиции вырабатывался отнюдь не только в Дюра-Европос, где мы проследили постепенный переход к нему, но такой же переход происходил и в Хатре, социальные условия которой, конечно, были чрезвычайно близки Дюра-Европос, а общий характер искусства почти идентичен. Это тем более кажется верным, что этот рельеф входил непосредственно в конструкцию храма и, следовательно, был создан ранее, чем скульптура, помещаемая туда.

О иератизме и линейности хатрийской скульптуры мы уже писали выше. Веризм, бесспорно, является одной из самых характерных ее черт ²⁸⁰.

Очень заметно стремление передать со всевозможной тщательностью одежду, украшения, оружие и т. д. Однако и здесь имеется одна черта, несколько отличающая скульптуру Хатры от живописи Дюра-Европос. Это — стремление к портретности. Конечно, некоторую тенденцию к этому (правда, в очень слабой мере) можно заметить и в живописи Дюра, но, так же, как и в мозаиках Эдессы, там трудно отличить лицо одного персонажа от другого, и главным средством для различения персонажей являются надписи, которые ставятся рядом с изображением. Точно так же мало различаются между собой лица большинства скульптур Хатры, но наряду с ними имеются статуи, ярко сохраняющие индивидуальность,

²⁸⁰ Г. А. Кошелев. О фронтальности..., стр. 143.

портретность, например голова знатного хатрийца²⁸¹. Конечно, это не может изменить характера скульптуры в целом, но само существование подобных портретных изображений, конечно, показательно, хотя их и значительно меньше²⁸².

Наконец, последняя черта — так называемая спиритуальность, т. е. стремление передать в произведении искусства его отрешенность от всего земного, устремленность к неким трансцендентным началам. В живописи Дура-Европос это достигалось тем, что фигуры изображались непропорционально высокими, вытянутыми вверх, в изображениях господствовали огромные пристально глядящие вдаль глаза, под жесткими складками одежды не чувствовалось человеческое тело. Конечно, такая задача чрезвычайно трудна в скульптуре, где сама объемность мешает достаточно ярко проявляться некоторым чертам этой особенности. Однако тенденции к ней достаточно заметны, причем они сильнее проявляются в рельефе, который ближе к живописи, чем круглая скульптура.

Таким образом, можно видеть, что в хатрийской скульптуре руководящими были те же принципы, которые определяли развитие живописи Дура-Европос, хотя в живописи они нашли более яркое и более законченное воплощение. Следовательно, можно полагать, что те же самые идеологические предпосылки определяли и развитие хатрийской скульптуры. Кроме того, очень заметна роль древних месопотамских традиций, выразившихся в ряде технических приемов, но нельзя забывать и о западных греко-римских влияниях, объясняющих, например, тенденцию к портретности. Это, впрочем, не дает основания говорить о двух артисти-

Хатра. Голова статуи царя Утала

²⁸¹ Shinji Fukai. Указ. соч., табл. 5; D. Homès-Frédéricq. Указ. соч., табл. V, 1.

²⁸² Вряд ли верно предположение Д. Ома-Фредерик (указ. соч., стр. 11), что окраска статуй использовалась для придания большей реалистичности. Яркий, контрастный, без переходов цвет, конечно, не способствовал созданию реалистического произведения. Кроме того, слишком далек сам общий характер скульптуры от реалистической трактовки. Видимо, окраска связана с тенденциями веризма в скульптуре Хатры.

ческих школах в Хатре, которые различает там Д. Омэ-Фредерик²⁸³. Все эти различия не разрушают единства искусства Хатры, определяемого родством стиля, характерного для многих городов парфянской Месопотамии и близких районов, локальное в которых проявляется (помимо второстепенных черт, таких, как тот или иной сорт материала) только в большем или меньшем следовании основным принципам, в большем или меньшем проникновении внешних влияний.

Те же самые черты можно проследить и в скульптуре Дура-Европос. Конечно, здесь имеется некоторое число привозных вещей, как, например, статуя Афродиты²⁸⁴, но, очевидно, они привозились еще в селевкидское время. Основная масса скульптуры была местной. В ней господствовали те же черты, что и в живописи²⁸⁵. Причем, если в скульптуре Хатры эти принципы проявлялись слабее, то в Дура-Европос они были значительно ярче. Это относится и к распространенной здесь линейности и даже к спиритуальности, которую гораздо труднее выразить в скульптуре, чем в живописи. Доказательством этому может служить рельеф с изображением Афлада²⁸⁶. Это, видимо, объясняется большим развитием рельефа и меньшим значением круглой скульптуры в Дура, чем в Хатре. Показательно, что в пальмирском искусстве, близость которого дуранскому несомненна, эти черты проявляются слабее²⁸⁷. Подобное соотношение, вероятно, объясняется тем, что и Пальмира, и Хатра были в более тесной связи с Римской империей, где идея фронтальности стала развиваться позднее. Точно так же, как и в Хатре, в Дура-Европос заметен некоторый арабский колорит, который можно, например, видеть в изображении божества на верблюде²⁸⁸.

Менее интересна скульптура Ашура. Две черты отличают ее от общемесопотамского уровня. Наряду со скульптурами и рельефами, чрезвычайно близкими хатрийским и дуранским²⁸⁹, имеется несколько голов, очень грубо выполненных, в которых условность, схематизм и плоскостность доведены до предела, и эти скульптуры превращаются в какие-то весьма примитивные «бабы». Кроме того, среди рельефов Ашура имеются два, где изображены мужчины в типичных парфяно-месопотамских одеждах, держащие в руках колосья. При общей близости их трактовки к хатрийскому и дуранскому искусству (причем, некоторые черты, такие, как плоскостность, здесь очень подчеркнуты, что почти превратило эти рельефы в «вырезанный» рисунок) сами позы персонажей напоминают позы царя

²⁸³ D. Homès-Frédéricq. Указ. соч., стр. 15.

²⁸⁴ F. Cumont. Fouilles..., стр. 223, табл. XXX, XXXI.

²⁸⁵ M. Rostovtzeff. Dura-Europos..., стр. 84.

²⁸⁶ M. Rostovtzeff. Dura and the problem..., стр. 232.

²⁸⁷ Там же, стр. 238.

²⁸⁸ Там же, стр. 226, рис. 44.

²⁸⁹ W. Andrae, H. Lenzén. Указ. соч., табл. 58 с (№ 750), е (№ 974), табл. 59в и 59е.

Дура-Европос. Рельеф с изображением Зевса-Кюприоса — Баал-Шамина

Дура-Европос. Рельеф с головой Атаргатис

и царицы в храме Персеполя послеахеменидского времени. Конечно, может быть, отсутствие следования правилу фронтальности объясняется и несколько более ранним временем их создания (I в. н. э.) по сравнению, например, с хатрийским искусством (расцвет которого падает на II в. н. э.), однако совершенно отрицать возможность персидских влияний не приходится.

Итак, скульптура парфянской Месопотамии развивается в основном в том же направлении, что и живопись, — на глубокой местной основе, которой социальное и идеологическое развитие придало столь своеобразную форму, как господство схемы фронтальности. Греческие элементы мало заметны; там, где они проявляются, они очень глубоко переработаны. При всем единстве пути развития можно заметить ярко выраженную локальную окраску скульптуры в различных центрах.

Хотя нельзя говорить о полном тождестве в развитии скульптуры и мелкой пластики, однако несомненна значительная близость между ними, с одной стороны, объясняемая тем, что мелкая пластика большинства центров парфянской Месопотамии, будучи ритуальной по своему характеру, находилась под воздействием тех же принципов, что и скульптура, с другой стороны, она безусловно испытывала влияние со стороны монументального искусства.

С приходом греков широко распространяются эллинские типы терракотовых фигурок. Наиболее популярны в это время изображения Эрота, Ники, Аполлона Кифареда, Геракла, Афродиты, атлетов, играющих детей²⁹⁰. Очень интересно, что к старому местному типу обнаженной богини добавляются женские фигурки в греческих одеждах. Необходимо отметить

²⁹⁰ L. Legrain. Terra-cottas from Nippur. Philadelphia, 1930, стр. 11.

Месопотамия. Терракота парфянского времени

Месопотамия. Терракота парфянского времени

Ольвия. Парфянская резная кость

их сравнительно невысокое качество²⁹¹. При парфянах возникает мода на новые изобразительные сюжеты (хотя продолжают существовать и старые, еще доэллинистические и эллинистические). Это прежде всего всадник и возлежащий на ложе мужчина в парфяно-месопотамской одежде²⁹². Последний сюжет, очевидно, изображает загробную трапезу умершего, удостоившегося героизации, также, видимо, и фигурки всадников имеют ритуальное значение. Однако сравнительно небольшое число терракот и отсутствие безусловной уверенности в выполнении их в парфянское время заставляют нас воздержаться от других выводов. Только материалы из Селевкии на Тигре позволяют несколько расширить выводы. Так, терракоты, найденные в самом раннем слое Селевкии, подтверждают, что в этот ранний период существуют рядом два потока: местный и греческий, и взаимовлияние между ними почти не наблюдается²⁹³. В дальнейшем эти два типа в мелкой пластике продолжают свое параллельное развитие без заметных взаимных влияний. Только постепенно растет число местных и падает число и качество греческих терракот.

В местной пластике наиболее характерны тенденции к линейности в противоположность греческой пластичности²⁹⁴. Точно так же заметна склонность к фронтальности, иногда проявляющаяся очень своеобразно.

²⁹¹ E. D. Van Buren. *Clay figurines of Babylonia and Assyria*. New Haven, 1930, стр. XVII.

²⁹² L. Legrain. Указ. соч., стр. 11; E. D. Van Buren. Указ. соч., стр. XVII.

²⁹³ W. Van Ingen. *Figurines from Seleucia on the Tigris*. Ann Arbor, 1939, стр. 7, прим. 2.

²⁹⁴ Там же, стр. 47.

разно. Так, тип терракотовой статуэтки всадника, и ранее широко распространенный в Месопотамии, приобретает теперь новую черту. Всадник смотрит не вперед, голова его повернута в бок, и он обращен к зрителю. Таким образом, очень часто статуэтка приобретает ту схему, которую мы знаем по живописи Дура и скульптуре Хатры: животное изображается в профиль, а человек — фронтально.

В некрополях городов парфянской Месопотамии встречается, при небольших различиях, общий метод погребения — труположение²⁹⁵. Очевидно, зороастрийская погребальная обрядность (и, видимо, зороастрийские верования) не распространялась в Месопотамии в это время. Особенно интересен в этом отношении Вавилон²⁹⁶, где хорошо заметно, что имеются некоторые различия в обряде по сравнению с ахеменидским временем, но основной принцип остается неизменным²⁹⁷. Это еще одно свидетельство непрерывности культурных традиций Месопотамии, хотя и видоизменяющихся со временем.

Наиболее типичной формой гроба является так называемый туфлеобразный саркофаг²⁹⁸, распространенный в Селевкии, Вавилоне, Урук-Варка, Ашуре и т. д. Эти саркофаги часто украшены стилизованными изображениями деревьев и богини в адикле. Гробы помещаются в подземных или полуподземных помещениях (иногда простых — в виде одной комнаты, иногда сложных — из нескольких комнат)²⁹⁹. Иногда эти помещения перекрываются сводами. В некрополе Дура-Европос встречаются и башенные погребения, которые проникли из Пальмиры.

²⁹⁵ См. сводку по этой теме: R. Eitinghausen. The Parthian and Sassanian pottery. SPA, I, стр. 651—654; N. Debevoise. Parthian pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1934. стр. 1—5.

²⁹⁶ O. Reuther. Die Innenstadt..., стр. 249. Первоначально эти погребения относились археологами к сасанидскому времени.

²⁹⁷ E. F. Schmidt. Persepolis II. Chicago, 1957, стр. 122.

²⁹⁸ См. например: G. Furlani. Sarcofagi partici di Kakzu. «Iraq», vol. I, p. 1, 1934, стр. 90—94.

²⁹⁹ См.: S. Yeivin. The tombs found at Seleucia. Second preliminary Report upon the excavations at Tell Umar, Iraq. Ann Arbor, 1933, стр. 45; W. Andrae, H. Lenz. Указ. соч., табл. 45 сл.

Элимаида (Сузиана)

Очень многие явления в политической и культурной жизни Элимаиды в парфянской время определяются ее предшествующим развитием, в частности тем, что она издавна была тесно связана, с одной стороны, с Месопотамией, с другой — с племенами Иранского нагорья. В ахеменидское время столица Элимаиды — Сузы была вместе с тем одной из столиц Персидской державы, видимо, даже важнейшей из них¹. Во время греко-македонского завоевания Сузы сдались завоевателям без боя. В период Александра Македонского и Селевкидов этот район был ареной обширной градостроительной деятельности, результатом которой были новые греческие города и преобразование части старых (в том числе и самих Суз), греческой гражданской общине которых даровались права полиса². Греческий компонент в Элимаиде был довольно многочисленным и, видимо, влиятельным. Во всяком случае, греческое население Суз сохраняло полисную организацию еще в начале нашей эры, как об этом свидетельствует известное письмо Артабана III городу³.

Однако большая роль греков не означала полного подавления местного населения, которое, хотя и восприняло отдельные элементы культуры Персиды (Strabo, XV, 3, 2), все же стойко сохраняло многие древние

¹ Strabo, XV, 3, 2; см. также: R. Ghirshman. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. Harmondsworth, 1954, стр. 213. О характере культуры Суз того времени см.: M. Dieulafoy. L'acropole de Suse, p. 1—4. Paris, 1890—1892.

² Так, Александр Македонский основал Александрию в Сузиане, известны три Селевкии: Селевкия на Эвлее, Селевкия на Гедифонте, Селевкия у Персидского залива, а всего в районе Персидского залива известно не менее девяти греко-македонских городов.

³ F. Cumont. Une lettre de roi Artaban III. CRAI, 1932; C. B. Welles. Royal correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934, N 75; Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 103 сл.; Г. А. Коселенко. Городской строй греческих полисов Западной Парфии. ВДИ, 1960, № 4, стр. 79 сл.

традиции. Особое место у них, очевидно, занимали древние культы и поддерживающие их храмы, способствовавшие укреплению «национального» самосознания. Во всяком случае, видимо, только так можно объяснить трагический эпизод, который привел к гибели Антиоха III, попытавшегося ограбить сокровищницу храма Бела в Элимаиде и убитого за это возмущенными местными жителями (Diod., XXVIII, 3; XXIX, 5; Just., XXXII, 2, 1—2; Strabo, XVI, 1, 18). Затем произошло известное обособление Элимаиды внутри Селевкидской державы. При Антиохе IV позиции Селевкидов здесь, видимо, несколько укрепились, но вскоре после его смерти в Элимаиде появилась местная династия, первым царем которой был Камнаскир⁴. Однако независимое существование Элимаиды было непродолжительным; в период между 160 и 140 гг. до н. э. Митридат I завоевывает Элимаиду⁵. Это завоевание, сопровождавшееся разграблением сокровищниц храмов почитаемых богов, вызвало отпор местного населения. Поэтому с целью борьбы с новыми завоевателями Элимаида блокируется с прежними своими владыками Селевкидами (Деметрием II и Антиохом VII — см.: Just., XXXVI, 1, 4; XXXVIII, 10, 5). Только их поражение окончательно отдало Элимаиду в руки парфян⁶. Уроки, извлеченные парфянами из этой борьбы, заставили их перейти к более гибким методам: в Элимаиде возвратилась к власти местная династия Камнаскиридов на правах вассала Аршакидов. Однако владения этого царства были сравнительно невелики. Сузы и район вокруг них составляли отдельную сатрапию⁷, правителю которой подчинялся и сам город Сузы⁸. Кроме того, в городе находился назначенный царем эписпат. Положение города, несмотря на видимое сохранение полисного устройства, все же очень сильно изменилось; автономия пришла в упадок, царская власть бесцеремонно вмешивалась во внутреннюю жизнь.

Правители Элимаиды не утратили надежды на самостоятельность. Так, во время походов Помпея они пытались завязать с ним отношения (Plut. Pomp. 36), в борьбе Артабана III с римскими ставленниками они выступили на стороне последних⁹. Приход к власти младших Аршакидов положил конец всем этим попыткам. Хотя само царство Элимаиды и сохранилось, была ликвидирована династия Камнаскиридов, замененная одной из боковых ветвей Аршакидов¹⁰, правившей здесь до самого падения Парфянского царства.

⁴ См.: Allote de la Fuye. Les monnaies de l'Elymaide. MDP, VIII, 1905.

⁵ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 245; см. также: N. Debevoise. Political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 27.

⁶ М. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 184.

⁷ W. B. Henning. The monuments and inscriptions of Tang-i-Sarvak «Asia Major», 1952, стр. 151 сл.

⁸ Н. В. Шигулевская. Указ. соч., стр. 102; Г. А. Кошеленко. Указ. соч., стр. 80.

⁹ N. Debevoise. Указ. соч., стр. 162; R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 263.

¹⁰ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 223.

На развитии культуры Элимаиды должны были в первую очередь сказаться следующие факторы: тесная близость ее с Персидой с ахеменидского времени, большая роль греческого населения и единство политических устремлений ее правящих классов с устремлениями господствующих слоев Месопотамии, которые также на протяжении нескольких веков выступали как противники Аршакидской династии. В последний период существования Элимаиды вместе с новой, уже Аршакидской, династией должны были проявиться и парфянские культурные влияния. Все это создает сложный и неповторимый рисунок культуры Элимаиды, бывшей своего рода переходным мостом от Месопотамии к иранским областям державы. Этот переходный характер проявился, в частности, в том, что наличие сильных и разнохарактерных культурных компонентов не привело к сложению единой по облику и характеру культуры Элимаиды парфянского времени. Можно видеть отдельные мощные культурные течения, хотя и взаимовлияющие, но в значительной мере самостоятельные и обособленные. В этом отношении Элимаида представляет собой что-то вроде миниатюрной копии всей Парфии. Каждый из культурных компонентов был достаточно силен, чтобы сохранять целостность и независимость, но ни один не был достаточно сильным, чтобы подчинить себе остальные. Синтез культур здесь только начинался, и задача создания единой культуры пришла на долю следующего исторического этапа.

Единственным исследованным городом в районе Элимаиды являются Сузы, где к парфянскому времени относится так называемый пятый город¹¹, разрушенный Сасанидами. Характер построек отражает смешанный этнический состав населения города. Здесь бок о бок стояли дома вавилонского типа с перистильными зданиями с черепичными крышами, украшенными терракотовыми акротериями¹². В некоторых зданиях сохранились остатки стеновых росписей и мозаик¹³.

Очень показательны остатки храмовых комплексов в Бадр-Нешанде и Маджид-и-Сулеймане¹⁴. В них сохраняется чисто персидская традиция храмового строительства, восходящая, возможно, к еще доахеменидскому времени. Это тем более интересно, что в самих Сузах существовал в ахеменидское время храм огня уже более развитого типа, ставший прообразом храмового зодчества ираноязычных народов в последующее время.

Храм в Бадр-Нешанде¹⁵ состоит из серии террас и платформ. Нижняя платформа, находящаяся на уровне почвы, посредством двух лестниц сообщается со второй, размеры которой 66 м в ширину и 100 м в длину.

¹¹ R. Ghirshman. Cinq campagnes de fouilles à Suse. Paris, 1952, стр. 9.

¹² R. Ghirshman. Persian art. Parthian and Sassanian dynasties. New York, 1962, стр. 102.

¹³ R. Ghirshman. Cinq campagnes..., стр. 10.

¹⁴ A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, стр. 167 сл.

¹⁵ См.: A. Stein. Old routes of western Iran..., стр. 160, 161; A. Godard. Указ. соч., стр. 166, 167.

Эта платформа ограничена мощными подпорными стенами с некоторым числом выступов типа контрфорсов. Вторая платформа сложена из мощных каменных блоков самого различного размера. На ней возвышается еще одна, сдвинутая к одному краю (размером 20 м по стороне). Здесь обнаружены чрезвычайно плохо сохранившиеся остатки квадратного в плане здания, сложенного из белого тщательно обработанного камня. Все это монументальное сооружение возведено на вершине холма. Видимо, в здании хранился священный огонь, который в дни священных церемоний выносился наружу, и на обширном пространстве платформы совершались ритуальные церемонии. Это святилище является переходным от «высоких мест», на которых персы совершали религиозные церемонии, согласно описанию Геродота, к обычным храмам огня. Эта роль святилища подтверждается также и тем, что здесь не было найдено ни алтарей, ни статуй, ни изображений божеств, что хорошо согласуется с утверждениями Геродота.

Другим примером подобного же святилища является Маджид-и-Сулейман¹⁶. Здесь также основу святилища составляет обширная терраса (150 × 120 м и 5 м высоты). С одной стороны она примыкает к холму, а с другой — к ней ведет монументальная лестница. Над этой платформой тоже возвышается малая платформа.

Здесь также общественные церемонии совершались на обширной платформе, а прилежащий холм был как бы естественным театром для зрителей совершавшихся священнодействий. Единственное отличие, заключающееся в том, что святилище находилось не на вершине холма, объясняется тем, что именно здесь, у подножья холма, находились единственные выходы газа, создававшие «вечный огонь».

Таким образом, мы видим, что в архитектуре Элимаиды сосуществуют самые различные традиции: в жилой архитектуре прослеживаются вавилонские и греческие, видимо, до самого конца парфянского времени так и не приведшие к какому бы то ни было слиянию, в храмовой — заметна устойчивость иранской.

Некоторое слияние греческой и местной традиций заметно только в сооружениях, обнаруженных в Шами. Здесь, неподалеку от святилища, в точности повторяющего Бадр-Неманд, находился мавзолей правителей Элимаиды¹⁷. Это здание, построенное на искусственной террасе, состояло из прямоугольного помещения (23 × 12 м), украшенного внутри скульптурой (об этом ниже), которому предшествовал вестибюль и портик с колоннами.

Однако наиболее ярко своеобразие искусства Элимаиды проявляется в скульптуре, рельефе и отчасти мелкой пластике.

В общем потоке скульптуры Элимаиды очень сильна греческая струя. Памятники греческой скульптуры восходят здесь к селевкидскому вре-

¹⁶ A. Godard. Указ. соч., стр. 174.

¹⁷ Там же, стр. 180.

Сузы: 1 — голова статуи Музы (?); 2 — Артабан V вручает знак власти Хвасаку, сатрапу Суз; 3 — голова статуи (I — III вв. н. э.)

мени. Наиболее значительным образцом являются остатки большой бронзовой статуи Антиоха IV¹⁸. Хотя в последнее время появились сомнения в том, что это действительно изображение Антиоха¹⁹, все же старая атрибуция статуи кажется более вероятной²⁰. Статуя, от которой сохранилась только часть головы, изображала обожествленного селевкидского правителя, где реальные черты сглаживаются, облагораживаются, где портрет монарха превращается в изображение идеализированного, равного божеству правителя с его «неземным» величием. Бросается в глаза и мастерство исполнения этой статуи. Другим образцом греческой пластики, найденным в этом же районе, является алебастровый бюст греческой богини, обнаруженный в Бахтиарских горах²¹. Линия, связанная с греческой традицией в искусстве Элимаиды, прослеживается в некоторых произведениях скульптуры последующего времени. К ним, в частности, относится голова мраморной статуи женщины, которую обычно считают изображением Музы, жены Фраата IV²². Статуя действительно может считаться портретной. Мягкое, нежное лицо с каким-то странным выражением легкой полуулыбки может быть портретом этой царицы-

¹⁸ A. Stein. Указ. соч., стр. 141—159; M. Rostovtzeff. SEHW, t. I, табл. X, 1; L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran. Leiden, 1959, стр. 64, табл. 64с.

¹⁹ O. Mørholm. Studies in the coinage of Antiochus IV of Syria. København, 1963, гл. III.

²⁰ R. Ghirshman. Persian art..., стр. 21.

²¹ Там же, стр. 22.

²² Там же, стр. 96.

интриганки и, возможно, римской шпионки при аршакидском дворе. Привлекает внимание ее корона. Хотя она выполнена как согопа *mugalis*, но ее зубцы напоминают восточные уступчатые мерлоны. На статуе имеется греческая надпись, в которой утверждается, что ее «сделал Антиох, сын Дриаса». В эту же категорию памятников должна войти и мраморная голова правителя из Шамп (II в. до н. э.)²³, также, несомненно, портретная и, по всей вероятности, выполненная греком.

Любопытным образцом скульптуры Элимаиды является известная бронзовая статуя из Шамп²⁴. Она сохранилась почти полностью, не хватает только правой руки и кисти левой. Изображает она мужчину, одетого в типичную азиатскую одежду: мягкую длинную рубаху с широкими плотными краями, оставляющую широко открытой грудь и перехваченную поясом, и пышные, ниспадающие на обувь шаровары. На голове его — диадема, волосы уложены в букли и закрывают оба уха. Статуя производит общее впечатление массивности и монументальности. Почти полное отсутствие сравнительного материала по парфянской бронзовой скульптуре затрудняет установление времени исполнения этой статуи. Предлагаемые даты весьма разнятся (Р. Гиршман — начало II в. до н. э., А. Годар — рубеж нашей эры). Несмотря на подобные расхождения в датах, оба автора решительно относят статую к произведениям не местного, а греческого искусства. Р. Гиршман это определение пытается подкрепить своей датировкой, и, если она верна, то он оказывается прав, а А. Годар, чтобы как-то подкрепить свою позицию, вынужден находить очень сложное объяснение. По его мнению, сама статуя изготовлена на месте мастером, знакомым

Шамп. Бронзовая статуя

²³ R. G h i r s h m a n. *Persian art...*, стр. 96.

²⁴ Она публиковалась много раз. Укажем только последние публикации: A. G o d a r d. *Указ. соч.*, стр. 180 сл.; R. G h i r s h m a n. *Persian art...* стр. 87.

Шами. Мраморная голова
правителя II в. до н. э.

с эллинистической техникой, а голова ее выполнена другим мастером, несомненно греком, в Сузах и оттуда уже доставлена в Шами. Оба объяснения, особенно последнее, кажутся искусственными. Видимо, дата, установленная Годаром, более вероятна. Ведь сам Р. Гиршман при анализе этой статуи вынужден прибегать к аналогиям в хатрийской скульптуре (в частности, к статуе царя Утала). И, безусловно, он прав, проводя подобные аналогии, но в таком случае совершенно непонятным становится более чем трехвековой разрыв во времени создания этих скульптур. Но, с другой стороны, если дата, установленная А. Годаром, более верна, то его мысль о двух авторах этой скульптуры представляется маловероятной. Она объясняется его общей, весьма упичижительной (в духе Герцфельда) оценкой парфянского искусства, в частности скульптуры²⁵. Ему кажется просто невозможным, чтобы подоб-

ное незаурядное произведение искусства мог создать не грек.

Нам представляется, что эта статуя — произведение местного мастера, вдохновлявшегося образцами эллинистического искусства, от которого он заимствовал технику и стремление к портретности. В этом отношении эта статуя не одинока. Достаточно вспомнить очень интересную, остро характерную, несомненно портретную бронзовую головку статуи, изображающей какого-то знатного парфянина²⁶. Но, с другой стороны, местные вкусы и традиции безусловно наложили свой отпечаток на статую: это и типично восточная одежда, и подчеркнутая монументальность, и, самое главное, статичность, полное отсутствие движения.

Эти черты являются господствующими и в другой группе скульптур из Элиманды. Это голова из Суз (I—III вв. н. э.), статуя какого-то владетеля из Шами в позе адорации и рельеф с изображением сатрапа Сузианы, получающего знак власти из рук Артабана V. В этих скульптурах прежде всего поражает их родство со скульптурой Месопотамии парфянского времени, явно порожденное не только влиянием Месопотамии, но и известной общностью художественного развития этих областей в парфянское время. Общее стилистическое единство скульптуры заметно не только в основных художественных чертах, таких, как безусловное гос-

²⁵ A. Godard. Указ. соч., стр. 187.

²⁶ F. Ghirshman. Persian art..., рис. 108.

подство фронтальности в ее статуарном и композиционном варианте, трактовка лица с подчеркнуто огромными, устремленными вдаль глазами, влияние живописи на рельеф, превращающее его в вырезанную на камне картину, по и во многих мелких деталях, как например, изображение одежды. Очень интересна голова статуи из Суз. С точки зрения техники она занимает промежуточное место между скульптурами Хатры и гораздо более примитивными скульптурами Ашура.

Но многообразие скульптуры Элимаиды этим не исчерпывается. Особое художественное течение представлено рельефами Танг-и-Сарвака²⁷. Прежде всего они привлекают внимание тем, что здесь снова, как и в некоторых других областях Парфянской державы, возрождается ахеменидская традиция наскального рельефа. Создан он по повелению местного правителя Элимаиды и датируется концом II — началом III в. н. э. Изображен целый ряд сцен из жизни местного правителя: охота на льва, сцена битвы, сцена жертвоприношения, вручение знака власти своим подданным и т. д. В общем в известной мере этот рельеф предвосхищает многие темы и композиционные приемы будущих сасанидских наскальных рельефов²⁸. Однако вместе с тем в нем есть целый ряд черт, несомненно указывающих на то, что эти памятники остаются в общем русле искусства Парфии. Это и господ-

Шами. Статуя парфянина

ство фронтальности в некоторых композициях, что является следствием западнопарфянского влияния, и очень низкий рельеф, характерный для всех (не только наскальных) рельефов парфянского времени и объясняющийся их зависимостью от живописи. На этих рельефах видно иногда очень механическое соединение иранских и месопотамских художественных приемов

²⁷ W. B. Henning. Указ. соч., стр. 151—178.

²⁸ R. Ghirshman. Persian art..., стр. 52.

Танг-и-Сарвак. Наскальный рельеф

и традиций. То же самое можно видеть и в мелкой пластике и декоративном искусстве Элимаиды, где стойко сохраняются многие греческие темы (Геракл, обнаженная богиня), но терракотовым фигуркам уже начинает придаваться, хотя только в самой малой степени, плоскостность.

Погребальный обряд Элимаиды тоже свидетельствует о переживаемом этим районом переходном времени. Господствующим был обряд трупоположения. Были распространены два варианта погребения²⁹: могилы, выкопанные в земле, с небольшими сводчатыми помещениями, куда помещались глиняные гробы, иногда антропоморфные, и монументальные помещения со сводчатыми перекрытиями, вестибюлями и несколькими погребальными камерами с точно такими же гробами. В общем эта практика очень близка месопотамской и оба варианта находят свои близкие

²⁹ R. G h i r s h m a n. Cinq campagnes..., стр. 12 сл.

Сузы. Терракоты

аналогии в некрополях различных городов Месопотамии. Единственное отличие заключается только в форме саркофага: в Месопотамии более обычен так называемый туфлеобразный. Но к концу парфянского времени появляются уже и захоронения по зороастрийскому обряду, когда предварительно очищенные кости покойного помещались в сравнительно небольшие глиняные урны³⁰.

Итак, можно утверждать, что на культуру Элимаиды определяющее воздействие оказало ее пограничное положение между Месопотамией и ираноязычными областями Парфии. Подвергаясь различным очень сильным влияниям, она не могла создать в парфянское время своей внутренне единой культуры, тем более, что греческий компонент был здесь необычайно силен. Хотя все эти культурные потоки и взаимодействовали друг с другом, однако синтез различных культур в Элимаиде парфянского времени достигнут не был.

³⁰ I. M. Unvala. Fouilles à Suso en 1929. «Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale», vol. 26, N 3, 1929, стр. 138.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, мы должны вернуться к исходной мысли о наличии двух больших этнокультурных областей в составе Парфянского государства (Месопотамии и районов с преобладанием ираноязычного населения), развивавшихся на различной основе, хотя и параллельно. Нельзя говорить об отсутствии контактов между ними. Эти контакты, конечно, были¹. Кроме того, очень многие социально-экономические факторы, порождаемые включением той и другой области в состав единого государства Аршакидов, влияли на развитие культуры, вызывая сходные явления. Однако определяющим все же было различие этих двух областей, наложившее отпечаток на ход развития в Парфянской державе.

Восточная часть Парфянского государства обнимала Парфиену, Мидию, Маргиану, Сакастану, Персиду. Несколько искусственно к нему присоединялись области Индии, временно входившие в состав государства Аршакидов. Известное единство всех этих областей объяснялось этнической близостью населявших их народов, говоривших на сходных языках. Все эти области входили в состав Ахеменидского государства, и ахеменидские традиции оказались здесь весьма стойкими. Объединение их всех в составе Селевкидского государства несколько связало их, так как все они в той или иной мере восприняли некоторые элементы греческой культуры. Кроме того, судя главным образом по храмовой архитектуре этих районов, можно говорить также об известной близости идеологических процессов, протекавших здесь. Постепенно консолидируются религиозные верования, в той или иной мере близкие к зороастризму, хотя и во многом осложненные древними местными народными культами. Однако имелось много причин к тому, чтобы единство культуры этих

¹ См.: G. Widengren. *Iranisch-semitische Kulturbegegnung in Parthischer Zeit*. Köln, 1960.

районов все же осталось далеко не завершенным. Различные местные традиции в весьма малой степени подверглись определяющему и нивелирующему воздействию Парфии. В этом коренное различие между процессами, протекавшими в культуре Парфии и в культуре Римской империи. Парфия, в отличие от Италии, была слишком слабым экономическим, политическим и культурным центром, чтобы полностью подчинить и унифицировать культуру восточной части Аршакидской державы. Большая аморфность по сравнению с Римской империей в экономике и политике приводила и к большей самостоятельности в культурной сфере отдельных областей Парфянского государства. В более позднее время, с усилением тенденций к автономии в отдельных областях Парфии, усиливается и культурное своеобразие их. Паглядным примером этого может служить Маргиана, которой проникновение буддизма придает совершенно своеобразный облик, еще усиливая ее близость с более восточными областями, в частности Бактрией.

Другую область составляла Месопотамия с рядом примыкавших к ней областей, как, например, Элиманда. Развитие ее шло другими путями. Основной массив населения здесь составляли семиты. Конечно, контакты их с иранским миром начались весьма рано и в парфянское время только усилились. Однако это не дает основания отрицать очень большую самостоятельность культурного развития Месопотамии. Кроме того, здесь неизмеримо большее значение, нежели в более восточных районах, имели греки. Все это наряду с иным уровнем развития социально-экономических отношений порождало своеобразие положения Месопотамии в Парфянском государстве. Кроме того, особенно в поздний период, сказывалась близость Римской Сирии. Влияния, шедшие из Сирии, несомненно способствовали обособлению культуры этой области.

Особенно интересны процессы, происходившие в религиозной идеологии Парфии.

Можно считать, что во всей восточной части Парфянской державы, охватывающей в основном ираноязычные районы, в аршакидское время господствующими были различные формы зороастризма. При современном уровне знаний невозможно дать им детальную характеристику, но поскольку в III в. н. э., во время ранних Сасанидов, зороастризм был расколот на три главные секты², можно предполагать, что аналогичное положение зарождалось и ранее, в аршакидское время. Отражением этой определяющей роли зороастрийских верований было господство в религиозной архитектуре этого периода храма огня, восходящего к ахеменидскому типу.

Включение в состав Селевкидской державы наложило определенный отпечаток на характер религиозных воззрений и религиозной архитектуры

² R. C. Zaehner. The dawn and twilight of Zoroastrianism. New York, 1961, стр. 178 сл.

восточной половины Парфии. Это влияние проявилось как в проникновении различного рода греческих представлений, так и соответствующих им внешних, архитектурных форм. Но уже с самого начала аршакидского времени заметна яркая тенденция к переработке их в местном духе. Основа для такой переработки создавалась прежде всего тем, что парфяне воспринимали не любые греческие идеи, а только те, которые были в какой-то степени созвучны иранским идеям и представлениям. Это родство идей облегчало в дальнейшем полную переработку их в местном духе. Легче всего воспринимали греческую культуру и даже греческий язык высшие слои парфянского общества, более тесно связанные с династией. Это заметно в первую очередь на примере Нисы где, влияние греческой религии и греческой религиозной архитектуры сильнее, чем где бы то ни было. Восприятие греческих идей было связано со стремлениями Аршакидов стать наследниками Селевкидов во власти над Азией, и поэтому правящая династия воспринимала в первую очередь идеи, способствовавшие этому.

Среди религиозных идей, получивших развитие в парфянское время, наиболее важной представляется идея божественного происхождения царской власти, обожествления династии и ее отдельных представителей. Эта идея, явившаяся закономерным развитием ахеменидских и селевкидских традиций, вместе с тем является качественно новым этапом в развитии религиозных воззрений.

Другим новым явлением было усиление мистериальности в культах Парфии, также отражающее новый этап в развитии общества и религии. Обращение к мистике — закономерный результат постепенного упадка господствующего класса. Выше говорилось, что в парфянском обществе уже намечались тенденции перехода от рабовладения к феодализму. Порожденная, как и в Римской империи, этими условиями диктатура находила свое выражение в обожествлении царской власти. Постепенная деградация господствующего класса, кризис сознания, вызываемый падением полисных и племенных религий, приводил к усилению мистериальности. Разложение ранее существовавших коллективов, превращение их членов в бесправных подданных великого царя, бывших бессильными игрушками политических и социальных стихий, порождало стремление найти защиту непосредственно у божества, иллюзию общения с которым давали мистерии.

Развитие идеологии находило свое отражение и в религиозной архитектуре. В восточной Парфии греческие влияния сказываются только в архитектурном декоре, а архитектура вообще сохраняла местные традиции, восходящие к ахеменидскому времени. Использование ахеменидских традиций отнюдь не означало рабского копирования их; развитие религиозной архитектуры, оттолкнувшись от ахеменидских образцов, шло далее. Эта эволюция храмового здания отражала решительные изменения в существе культа священного огня.

Заметно очень большое сходство храмовой архитектуры аршакидского и сасанидского времени. В сасанидское время господствует тот же самый тип храма, многие явления, только наметившиеся в парфянской время, получают свое полное развитие при Сасанидах. Таким образом, никакого разрыва в развитии храмовой архитектуры ираноязычных народов, которую иногда предполагают в парфянской время, не было.

Хронологически же картина развития культурных процессов в Парфии может рисоваться следующим образом.

Образование Парфянского государства на территории Парфии приводит к созданию своеобразной парфянской культуры, впитавшей в себя глубокую местную традицию, элементы культуры ахеменидской Персии и эллинистической культуры Востока. При всей значительности этих последних элементов все же определяющими являлись местные культурные традиции. Дальнейшее распространение парфянского владычества привело к включению в состав единого государственного образования целого ряда областей.

Результатом взаимодействия культур всех этих областей было создание известной культурной общности на территории Парфии, Мидии, Маргианы, Сакастана, Персиды. Довольно значительные локальные различия не могут заслонить их бесспорную близость в основных, решающих вопросах. Господство различных вариантов зороастрийских верований, так или иначе осложненных пезороастрийскими элементами, каково бы ни было их происхождение, единый тип храма, сходство дворцовой архитектуры, скульптуры, живописи, мелкой пластики — все это убеждает в культурной близости этих районов.

Следующий этап начинается с 140—120 гг. до н. э., когда в состав Парфянской державы входят территории Месопотамии. Глубоко отличная в культурном отношении, Месопотамия противостоит культурному единству ираноязычных областей Парфии. С приходом парфян в ней резко усиливается процесс взаимодействия греческих и семитских элементов, начинают проникать и иранские элементы.

Следующим периодом является время примерно с 50-х годов до н. э. по середину I в. н. э. В ираноязычных областях Парфии и в Месопотамии активно идет процесс вытеснения и коренной переработки греческого культурного наследия. На востоке он приводит к усилению собственно иранских, а на западе — семитских элементов.

Последний период — период постепенной дезинтеграции Парфии. Растет обособленность отдельных областей. Наиболее ярко проявляется обособление таких областей, как, например, Маргиана. В Месопотамии возникает или укрепляется целый ряд вассальных государств. Ярko проявляется вновь возрастающее влияние Запада.

Особенности социально-экономического развития Парфии, приведшие к тому, что в рамках этого государственного объединения не создано достаточно прочное экономическое и политическое единство, нашли свое

выражение и в том, что процесс создания единой парфянской культуры остался незавершенным. Однако значительный культурный подъем всего Ближнего Востока в парфянское время несомненен. Это было время борьбы различных тенденций в культуре, период творческих поисков и роста, период появления многих из тех черт, которые пышно расцветают в последующее время, проявляясь как в культуре сасанидского Ирана, так и в поздней Римской империи и Византии. К этим явлениям можно отнести зороастризм, который начинает оформляться в Парфии, а канонизируется в последующее время. Контакт греческих и особенно семитских и иранских религиозных верований в Месопотамии парфянского времени подготавливает возникновение манихейства. Несомненно огромное значение ирано-семитского контакта и инфильтрации этих религиозных слившихся идей как одного из компонентов формирования гностических учений и ортодоксального христианства. Точно так же и основной соперник христианства в поздней Римской империи — мифраизм — пропих на Запад из парфянской Месопотамии.

Не менее значительна роль парфян и в дальнейшем развитии культуры Запада (поздней Римской империи, а через нее и Византии). Парфянская Месопотамия была одним из основных районов развития древней астрономии и, вероятно, местом, откуда астрология широко распространилась на Запад. Чрезвычайно велика также роль изобразительного искусства Месопотамии, где впервые выработалась и стала господствующим принципом так называемая схема фронтальности, оказавшаяся столь близкой руководящим идеям христианской эстетики. Пользя также забывать и воздействия Парфии на государство Куша. Схема храма огня также вырабатывается в парфянское время, чтобы затем стать господствующей в Иране времени Сасанидов. То же относится и к гражданской архитектуре, скульптуре, особенно наскальному рельефу, ювелирному делу и т. д.

Важнейшим отличием культуры Парфии от культуры сасанидского Ирана и Византии является отсутствие здесь строгой регламентации, канона. Здесь все в брожении, борьбе, сосуществуют явления, на первый взгляд полностью исключающие друг друга. Это время самых тесных культурных контактов, казалось бы, чрезвычайно далеких народов. Это приводит к большой нестроте, сложности процессов. Но сквозь всю эту многокрасочную картину явственно проступают главные линии развития, создающие завтрашний день культуры, культуры Ирана времени Сасанидов и отчасти поздней Римской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AJA — American Journal of Archaeology
CAH — Cambridge Ancient History
CRAI — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
ILN — Illustrated London News
JA — Journal asiatique
JAOS — Journal of American Oriental Society
MDP — Mémoires de la Délégation en Perse
OGIS — Orientis graecae Inscriptiones Selectae
SEHAW — M. Rostovtzeff. Social and Economic History of Hellenistic World,
vol. I—III. New York, 1952
SPA — Survey of Persian art
YCS — Yale Classical Studies

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	7
ВОСТОЧНАЯ ПАРФИЯ	11
Парфияна	12
Мидия	48
Персида	61
Маргиана	67
Сакастан	98
ЗАПАДНАЯ ПАРФИЯ	107
Месопотамия	108
Элимаида (Сузиана)	204
Заключение	214
Список сокращений	219

Кошеленко Геннадий Андреевич

Культура Парфии

Утверждено к печати

Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Ф. Дубовикова

Художник А. Белов

Технический редактор И. Н. Дорохина

Сдано в набор 5/III 1966 г.

Подписано к печати 30/V 1966 г.

Формат 70×90³/₁₆. Печ. л. 13,75. Усл. печ. л. 16,09.

Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 2400 экз. Т-08145.

Изд. № 395. Тип. зак. 317

Цена 91 коп.

Издательство «Наука».

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

91 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»